

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 14 ПСИХОЛОГИЯ

№ 2 • 2015 • АПРЕЛЬ–ИЮНЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

К 70-летию Победы

Ждан А. Н. Фундаментальная наука и практика в советской психологии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) 4

Теоретические исследования

Иванников В. А. Порождение деятельности и проблема мотивации 15

Чеснокова М. Г. Понятие здоровья в контексте ключевых категорий культурно-деятельностного подхода 23

Эмпирические исследования

Дымова Е. Н., Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е. Параметры психологического благополучия/неблагополучия при разном уровне психической травматизации 37

Капустин С. А. Использование экзистенциального критерия для оценки личности гиперопекающих и сверхтребовательных родителей в семьях клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам 51

Монроз А. В. Индивидуально-типологические особенности структуры волевых качеств на ранних этапах становления волевой саморегуляции 63

Федорович Е. Ю., Варга А. Я., Митина О. В. Появление в семье домашних питомцев в зависимости от возраста детей 77

Вартанов А. В., Косарева Ю. И. Эмоции человека и обезьян: субъективное шкалирование вокализаций 93

Мемориальная конференция, посвященная 85-летию со дня рождения Е.Д. Хомской 110

Краткие сообщения

Филиппова М. В. Культурно-этническая принадлежность как фактор регуляции поведения пострадавших в чрезвычайных ситуациях 128

Юбилеи

К 70-летию Елены Теодоровны Соколовой 134
К 70-летию Бориса Сергеевича Братуся 136
К 70-летию Игоря Александровича Васильева 139
К 60-летию Тахира Юсуповича Базарова 141

CONTENTS

On the 70th anniversary of the Victory

Zhdan A. N. Basic science and practice in soviet psychology during Great Patriotic War (1941—1945) 4

Theoretical studies

Ivannikov V. A. A generation of activity and the problem of motivation 15
Chesnokova M. G. The concept of health in context to key categories of cultural activity approach 23

Empirical studies

Dymova E. N., Tarabrina N. V., Kharlamenkova N. E. Parameters of psychological well-being or troubles at different levels psychological traumatization 37
Kapustin S. A. The use of existential criterion for assessing the personality of the overprotecting and overexacting parents in families of psychological consultation clients for parent-child problems 51
Monroz A. V. Individually-typological features of structure of volitional traits at early stages of formation of volitional self-regulation 63
Fedorovich E. Yu., Varga A. Ya., Mitina O. V. The appearance of pets in the family depending on the age of the children 77
Vartanov A. V., Kosareva Yu. I. Emotions of a person and a monkey: Subjective scaling of vocalizations 93

At the faculty of psychology

Memorial conference dedicated to the 85th anniversary since the birth of E.D. Homskaya 110

Short reports

Filippova M. V. Cultural ethnicity as a factor in the regulation of behavior of victims in emergency situations 128

Anniversaries

To the 70th anniversary of Elena Teodorovna Sokolova 134
To the 70th anniversary of Boris Sergeevich Bratus 136
To the 70th anniversary of Igor Alexandrovich Vasiliev 139
To the 60th anniversary of Takhir Yusupovich Bazarov 141

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

А. Н. Ждан

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ НАУКА И ПРАКТИКА В СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945)

Дается общий обзор развития советской психологии в годы Великой Отечественной войны. Рассматриваются основные направления научных исследований и научно-практических работ. Утверждается положение об определяющей роли в развитии науки фундаментальных исследований.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советская психология, фундаментальная наука, восстановление психофизиологических и двигательных функций, трудовая терапия.

The development of soviet psychology during Great Patriotic War is reviewed. The main areas of scientific research and practical work are scrutinized. The thesis of determinative role of fundamental research in science development is stated.

Key words: Great Patriotic War, soviet psychology, basic science, restoration of psycho-physiological and motor functions, occupational therapy.

Вопросы большой теории, правильно поставленные и верно поняты, — это вместе с тем и практические вопросы большой значимости.

С.Л. Рубинштейн

Введение

Война поставила перед психологией такие задачи, которые трудно было представить в мирные годы. Советская психология, как отмечал С.Л. Рубинштейн в большой статье 1943 г. (Рубинштейн, 1989, с. 374), подошла к разрешению этих задач, обогащенная достижениями в области теоретических исканий, экспериментальных исследований и практических разработок. К началу 1940-х гг. были выработаны основные методологические установки и принципы,

Ждан Antonina Nikolaevna — член-корр. РАО, докт. психол. наук, профессор кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: zhdan@list.ru

на базе которых в психологии и сопряженных с ней физиологии и психофизиологии в основном сложились крупные научные школы. Это школа В.М. Бехтерева, психология установки Д.Н. Узнадзе, культурно-историческая психология, деятельностный подход в его разных вариантах, физиология И.П. Павлова, теория функциональных систем П.К. Анохина, принцип доминанты А.А. Ухтомского с его широким применением к изучению психологических проблем человека, новаторские исследования движений человека Н.А. Бернштейна.

В военные годы психологическая наука укрепились и организационно. После ряда попыток подменить психологию рефлексологией, реактологией, педологией, означавших по существу ликвидацию психологии как науки, и связанных с этими попытками государственных актов по реорганизации психологических научных учреждений и работы высшей школы (например, выведение гуманитарных факультетов из МГУ и других университетов в 1930-х гг., означавшее прекращение научных исследований, преподавания психологии и как следствие — подготовки квалифицированных мысли затормозилось на целое десятилетие. Но уже в конце декабря 1941 г., когда враг только что отступил от Москвы, в Московском университете, эвакуированном в Ашхабад, был восстановлен философский факультет. В его состав был введен Психологический институт (выведенный из состава МГУ в 1926 г.), остававшийся в тот период главным центром научных исследований в психологии. Также в структуре философского факультета 1 октября 1942 г. были созданы кафедра и отделение психологии, а несколько позже — отделение психологии, логики и русского языка на филологическом факультете. Всю эту работу возглавил *С.Л. Рубинштейн*. Весной 1942 г. за книгу «Основы общей психологии» (опубликована в 1940 г., подготовка второго издания (1946) этого выдающегося труда проходила в годы Великой Отечественной войны) ему была присуждена Сталинская премия. В 1943 г. С.Л. Рубинштейн был избран членом-корреспондентом АН СССР и, таким образом, впервые представил психологическую науку в академическом сообществе.

К работе на кафедре психологии С.Л. Рубинштейн привлек всех крупных ученых Москвы — прежде всего из Психологического института (который он также возглавлял в 1942—1945 гг.), а также из других научных институтов. На кафедре в ее первом составе работали: А.Н. Леонтьев, Б.М. Теплов, А.А. Смирнов, П.Я. Гальперин, К.М. Гуревич, С.В. Кравков, Н.Н. Ладыгина-Котс, А.В. Запорожец, А.Р. Лурия. Примечательно, что почти все они вышли из школы Г.И. Челпанова, что явилось важным условием сохранения созданных Г.И. Челпановым традиций университетской психологии, среди

которых высокий теоретический уровень преподавания и научных исследований, их философская культура, владение современными методами исследования.

Почти одновременно с восстановлением психологии в МГУ в другом крупнейшем центре научно-исследовательской работы — Ленинградском университете (также на философском факультете) — в 1944 г. открылась кафедра психологии (заведующий Б.Г. Ананьев), а в 1944—1945 г. — психологическое отделение, на котором началась подготовка психологов. В состав кафедры вошли В.Н. Мясищев, А.В. Ярмоленко, Г.З. Рогинский, В.И. Кауфман, Н.В. Опарина, все вышедшие из научной школы В.М. Бехтерева.

В 1945 г. С.Л. Рубинштейн организовал и в дальнейшем возглавил сектор философских проблем психологии в Институте философии АН СССР, в котором работали С.В. Кравков, Н.Н. Ладыгина-Котс, Б.М. Теплов и другие известные психологи; здесь готовились новые кадры психологов: Л.И. Анцыферова, Е.А. Будилова, М.Г. Ярошевский, Е.Н. Соколов и др.

Все это были крупные шаги по укреплению психологии. Именно в годы войны психология восстановила свой социальный статус и заняла законное место среди других отраслей советской науки. Б.Г. Ананьев в своей публичной лекции на тему «Успехи советской психологии», прочитанной 12 декабря 1947 г. в Ленинграде, сказал: «В настоящее время... советская психология... обладает мощными научными организациями и учреждениями, специальными научными институтами в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Риге и т.д., крупными кафедрами и лабораториями. Больше чем в 30 университетах и вузах нашей страны созданы отделения логики и психологии на философских и филологических факультетах... с осени 1947 г. введено преподавание психологии и логики в средней школе нашей страны» (Ананьев, 1948, с. 7).

Основные направления научных и научно-практических работ в области психологии в годы Великой Отечественной войны

Достижения психологической науки этих лет нашли достаточно полное отражение в нашей научной литературе в статьях С.Л. Рубинштейна (1989), Б.Г. Ананьева (1948), А.А. Смирнова, А.Н. Леонтьева, в сборниках под редакцией С.Л. Рубинштейна (Психология. Движение..., 1945; Психология. Вопросы..., 1947), монографиях (Леонтьев, Запорожец, 2012; Лурия, 1948, 1971, 1982) и др. При этом нельзя не согласиться с мнением Б.В. Зейгарник, которая отмечала в своих публикациях на эту тему, что «о конкретном вкладе ученых психологов мало известно». В литературе представлены следующие формы участия психологов в войне. Не-

посредственное участие в военных действиях принимали теперь известные психологи: К.К. Платонов, Е.Н. Соколов, Г.М. Андреева, Д.Б. Эльконин, А.В. Зосимовский, Г.Е. Залесский, Л.М. Шварц, З.А. Решетова, С.Н. Карпова, А.Г. Ковалев, Ю.А. Самарин, А.Ц. Пуни, А.В. Веденов, Т.А. Репина, Ф.Н. Шемякин, Г.Д. Луков, В.И. Кауфман и другие. Ушли в народное ополчение А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, Б.М. Теплов, П.А. Шеварев, но были отозваны и участвовали в службе ПВО г. Москвы. В ПВО Ленинграда несли службу А.А. Бодалев и другие психологи. А.А. Люблинская работала в госпиталях по уходу за ранеными и осиротевшими детьми. В.Н. Мясищев был начальником гражданского госпиталя для населения в Ленинграде. В блокадном Ленинграде группа слепорожденных несла боевую службу в прожекторном полку на звукоулавливателях, определяя направление и дальность вражеских самолетов. Слепые слухачи, как их называли, стали засекают вражеские цели в воздухе на такой дальности и высоте, которые не были доступны зрячим бойцам. Некоторые психологи работали в военные годы на заводах в качестве рабочих, мастеров (Ю.В. Котелова, Е.А. Климов и другие).

Большая психологическая работа развернулась в эвакуационных и фронтовых госпиталях по восстановлению нарушенных в результате ранений двигательных и психических функций, по обучению и переобучению инвалидов войны (восстановительный госпиталь в Кисегаче Челябинской области — филиал Всесоюзного института экспериментальной медицины во главе с А.Р. Лурия; восстановительный госпиталь под руководством А.Н. Леонтьева в Коуровке Свердловской области — филиал Московского государственного института психологии; аналогичные госпитали действовали в ряде других мест под руководством Б.Г. Ананьева, а также психологов группы Д.Н. Узнадзе). Обобщение этого опыта работы разных групп психологов стало содержанием большой научной конференции, организованной кафедрой психологии МГУ совместно с Институтом психологии АПН РСФСР и клиникой нервных болезней ВИЭМ в 1944 г. В ее работе приняли участие не только психологи, но и физиологи (Л.А. Орбели, П.К. Анохин, Э.А. Асратян, Н.А. Бернштейн), неврологи и хирурги (Н.И. Гращенков, В.А. Гиляровский, Н.Н. Приоров), сотрудники Института неврологии АМН СССР (Л.Б. Перельман, Э.С. Бэйн, О.И. Кауфман), Центрального института ортопедии и травматологии НКЗ СССР (М.С. Лебединский), Института мозга (А.Д. Колодная), Института трудовой экспертизы (В.М. Коган, Э.А. Коробкова). Работа конференции велась по следующим направлениям.

1. Вопросы теории пластичности, компенсации, восстановления (доклады Л.А. Орбели, П.К. Анохина, Э.А. Асратяна, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьева, Н.А. Бернштейна, В.Н. Мясищева).

2. Проблема восстановления движений и чувствительности (итоги работы в восстановительном госпитале в Коуровке и лаборатории Института травматологии).

3. Проблемы восстановления речевых и познавательных процессов после травм коры головного мозга: итоги работы восстановительного госпиталя ВИЭМ в Кисегаче (Челябинская область), проводившейся под руководством А.Р. Лурия, и работы клиники нервных болезней ВИЭМ.

4. Практические вопросы трудотерапии, трудоустройства, трудового устройства инвалидов (доклады А.В. Запорожца, В.М. Когана, С.Г. Геллерштейна и других).

Материалы конференции были опубликованы в «Ученых записках МГУ» за 1947 г. (Психология. Вопросы..., 1947). В краткой вступительной статье к этому сборнику С.Л. Рубинштейн сформулировал теоретические положения о деятельности как объяснительном принципе и проблеме исследования, которые утвердились в довоенной советской психологии и послужили основаниями для ее включения в практическую работу по восстановлению нарушенных психических функций, движений и трудоспособности раненых воинов.

Важное место занимали исследования морально-боевых личностных и волевых качеств бойцов и командиров (Б.М. Теплов, К.Н. Корнилов, Н.Д. Левитов, В.Н. Мясичев, П.М. Якобсон, психологи грузинской школы). Большой материал по этим вопросам накопил опыт блокадного Ленинграда (Алексей Александрович Бодалев..., 2015). Проблема личностных качеств бойца и командира, вызванная насущной практической необходимостью, была одной из приоритетных тем советской психологии в годы войны. Как справедливо указывают исследователи, «именно человеческий фактор является одним из главных и определяющих условий, обеспечивающих исход военных баталей. В СССР в годы Великой Отечественной войны он приобрел особую роль» (Кольцова, Олейник, 2006, с. 91; см. весь раздел этой книги, посвященный анализу социально-психологических и личностных качеств бойцов и командиров). В связи с этим направлением психологических исследований невозможно не упомянуть (это должно стать темой отдельной статьи) о том огромном вкладе, который внесли в общее дело наши деятели искусства и литературы. Не научными методами, но средствами искусства они раскрывали моральный смысл войны, вселяли в людей веру в победу, помогали воспитанию чувств — патриотизма, беззаветной любви к Родине, ненависти к врагу. «Наукой ненависти» назвал свой рассказ Михаил Шолохов (1942). Он заканчивается словами лейтенанта Герасимова: «И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить. На таком оселке, как война, все чувства отлично оттачиваются. Каза-

лось бы, любовь и ненависть никак нельзя поставить рядышком... Тяжко ненавижу я фашистов за все, что они причинили моей Родине и мне лично, и в то же время всем сердцем люблю свой народ и не хочу, чтобы ему пришлось страдать под фашистским игом. Вот это-то и заставляет меня, да и всех нас, драться с таким ожесточением, именно эти два чувства, воплощенные в действие, и приведут к нам победу. И если любовь к Родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть всегда мы носим на кончиках штыков».

Широким фронтом развернулись в годы войны психофизиологические исследования по изучению сенсорных и перцептивных процессов в связи с задачами нахождения путей достижения наименьшей заметности и наибольшей опознаваемости предметов, условий их наилучшей маскировки, изучению способов повышения чувствительности к сенсорным раздражителям, максимальной сенсбилизации органов чувств, условий наилучшего различения воспринимаемых объектов (Б.М. Теплов, С.В. Кравков, Б.Г. Ананьев, К.Х. Кекчеев, Л.А. Шварц, Е.Н. Семеновская, А.И. Богословский и другие).

Проводилась работа по обучению дешифрованию аэрофото снимков и чтению топографических карт (В.Ф. Рубахин), по обучению и подготовке кадров военных специалистов (Е.В. Гурьянов, Т.Г. Егоров, Л.М. Шварц, К.К. Платонов, В.В. Чебышева и другие), по отбору и рациональному распределению людей, по исследованию психологических особенностей полководческой деятельности (Б.М. Теплов).

Следует напомнить также, что и в военные годы продолжались исследования, прямо не связанные с оборонной темой. К ним относятся теоретические и экспериментальные исследования А.Н. Леонтьева о генезисе чувствительности и о развитии психики; исследования Б.Г. Ананьева по истории отечественной психологии; работы П.М. Якобсона о творчестве актера, проводились конкретные исследования в области зоопсихологии и другие. Примечательно, что в сборнике работ, проведенных сотрудниками кафедры психологии МГУ в 1943—1944 гг., опубликованы не только статьи по оборонной тематике, выполненные в эвакуогоспиталях, но и статьи Б.Г. Ананьева «Передовые традиции русской психологии», П.М. Якобсона «Психология работы актера над образом (Н.П. Хмелев и М.И. Бабанова)» (Психология. Движение..., 1945).

Успешное разрешение *практических* задач стало возможным потому, что в психологии к этому времени накопился опыт *теоретических и экспериментальных* исследований. Эти исследования составили необходимые *предпосылки для решения практических проблем, выдвинутых военным временем*, послужили основани-

ем для развития восстановительного обучения и трудотерапии. К началу 1940-х гг. в советской психологии в основном сложились крупные научные школы. Были выработаны находившиеся в преемственной связи с традициями русской научной мысли *новые методологические принципы* изучения психики человека. Важнейшим среди них был *принцип единства сознания и деятельности*, сформулированный С.Л. Рубинштейном еще в 1922 г. (Рубинштейн, 1986). Его разделяли психологи практически всех научных школ: А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, А.А. Смирнов и др. Согласно этому принципу между сознанием и деятельностью человека существует не формальная, не случайная связь, но глубоко внутренняя, генетическая, которая определяет деятельность человека и развитие его сознания. Было показано, что через организацию практических действий путем их включения в систему осмысленной предметной деятельности, побуждаемой конкретной потребностью, можно воздействовать на психофизиологические и двигательные функции. Так, эффективные результаты восстановления и компенсации нарушенных в результате ранения двигательных функций руки (объем подвижности пораженных звеньев руки) достигались не путем механической тренировки (например, по инструкции поднять руку как можно выше), а через изменение психологического характера задачи (за счет изменения инструкции — достать высоко расположенный предмет). Оказалось, что максимальная величина объема движения, достигнутая испытуемым в первом случае, не является для него предельной, и он переходит через нее, давая при изменении задачи значительное увеличение показателя объема. Эти факты получают убедительное физиологическое объяснение в трудах Н.А.Бернштейна об уровнях построения движений человека. В них показано, как мозг управляет моторикой человека. В трудовых действиях, в спорте, в процессах фортепианной игры, при поражениях нервной системы, при пользовании протезами была выявлена роль *обратных афферентаций* в управлении движениями. Изменение задачи вместе с тем изменяет условия *афферентации* движения, условия сенсорного управления им и тем самым меняет протекание всего процесса. В рассмотренном примере движение в первом случае управляется исключительно проприоцептивно, т.е. непрерывно поступающими сенсорными сигналами от мышц, сухожилий, суставов и кожи действующей руки, во втором — с помощью зрительного контроля за воспринимаемым предметом, что требует более сложных сенсорных синтезов, которые остались сохранными. Соответственно эффективность движения возросла за счет повышения уровня управления. Работы Н.А. Бернштейна вместе с исследованиями П.К. Анохина по теории функциональных

систем дали принципиальное решение большого теоретического вопроса о двусторонней связи между строением и функцией, что одновременно открывало практические возможности для *активного конструирования движений*, управления ими в связи с двигательной задачей и в соответствии с внутренними и внешними условиями.

Следует в этой связи высоко оценить систему *трудовой восстановительной* терапии (С.Г. Геллерштейн). Созданная С.Г. Геллерштейном система опиралась на положение о ценности именно трудовых движений в восстановлении двигательных нарушений. Терапия трудом путем выполнения конкретных трудовых заданий оказывалась гораздо более эффективной по сравнению с физиотерапевтическими процедурами, лечебной физкультурой и упражнениями, в которых полезное движение было самоцелью. В слесарных, столярных, сапожных и других мастерских, в которых использовались сконструированные по рекомендациям психологов и медицинских работников специальные приспособления, происходило включение паретичной, а иногда и парализованной руки в выполнение трудовых операций. В эвакогоспиталях инвалиды войны приобретали трудовые навыки, что способствовало восстановлению их трудоспособности и трудоустройству в дальнейшем. «Трудовая терапия в широком понимании, — писал С.Г. Геллерштейн, — покоится на принципе воздействия труда на человека и человеческую природу, столь блестяще раскрытом в ряде сочинений Маркса (главным образом в главе о труде в первом томе «Капитала»)... Если справедливо, что труд создал человека, то с не меньшим основанием можно утверждать, что труд призван и восстановить человека, вернуть ему возможность заново овладеть функциями, временно утраченными вследствие тех или иных травм» (цит. по: Климов, Носкова, 1985, с. 6).

Во время войны все учреждения смогли переключиться на военную психологию, на темы, имеющие оборонный характер, потому что довоенные исследования подготовили для них необходимую теоретическую базу и методический аппарат. В основу построения *методов психологических исследований* был положен *методологический принцип взаимодействия изучения и воздействия* (Рубинштейн). Например, терапевтическое воздействие на патологическое явление (нарушенная психическая функция или двигательная функция) становится не только средством для его выправления, но и путем более глубокого познания (Леонтьев, Запорожец, 2012; Лурия, 1948). Эти положения получили конкретное воплощение в работе психологов в восстановительных госпиталях. *Опыт работы во время войны в свою очередь способствовал дальнейшему развитию психологической науки в области теории.*

А.Р. Лурия в своей автобиографии писал, что работа в восстановительных госпиталях создала возможность «вследствие большого числа мозговых ранений — углубить наше понимание мозга и мозговой организации психических процессов. Именно во время войны, — отмечал он, — и в ближайший послевоенный период нейропсихология превратилась в самостоятельную отрасль психологической науки» (Лурия, 1982, с. 131). В.Н. Мясищев, анализируя значение патопсихологического опыта военного времени и его значение для общей психологии, указывал, что война и блокада расширили патопсихологический опыт, показали его не только клинический, но и общепсихологический смысл: операции на мозге, истощение и психические травмы обогатили представления о психосоматических и соматопсихологических соотношениях, о локализации психологических функций. Б.В. Зейгарник пришла к выводу, что участие в оборонной работе показало значение анализа функционального и органического факторов в человеке, подчеркнув, что опыт, полученный в военные годы, в дальнейшем был использован для разработки теоретических основ и разворачивания практических исследований по патопсихологии. А.Н. Леонтьев писал о значении цикла исследований по восстановлению двигательных функций, нарушенных в результате ранений: преследуя практические цели, этот цикл вместе с тем был направлен на решение одной из фундаментальных теоретических проблем — проблемы функционального развития (Леонтьев, Запорожец, 2012).

Итак, *психология военных лет стартовала от теории и привела к ее обогащению.*

Заключение

70 лет отделяют нас от года великой Победы. Истории этого периода в развитии отечественной науки посвящено много работ. Их невозможно даже просто перечислить — так их много. Некоторые из них являются уникальными. К ним относится, например, книга А.Р. Лурия (1971) — повесть о человеке, который в результате страшного ранения потерял память, способность мышления, но сохранил личность, что позволило ему в результате титанической работы под руководством А.Р. Лурия частично восстановить свои силы и жить. Уникальные архивные документы и материалы личных фондов психологов опубликованы в замечательной книге В.А. Кольцовой и Ю.Н. Олейника (2006). Во всех работах о психологии военных лет дан анализ психологических исследований, рассмотрены ведущие направления и результаты теоретической и практической деятельности психологов. Выявлено влияние исследований, проведенных в годы войны, на последующее развитие психологической науки. В этих трудах — благодарная память на-

шим коллегам, которые выполняли работу, нужную стране, работу, «которая, принесла пользу многим людям, а самим психологам позволила узнать много нового об изучаемом ими человеке» (Зейгарник, Рубинштейн, 1985, с. 12).

Однако обращение к опыту работы психологов в годы войны представляет не только исторический интерес. Этот опыт содержит урок, который учит: «по-настоящему видеть крупные теоретические проблемы — это значит видеть их в соотношениях с вопросами жизни» (Рубинштейн, 1957, с. 3). Его осмысление в контексте современного состояния психологии позволяет лучше понять трудности, которые переживает наша наука сегодня. Сегодня в психологической работе преобладают прикладные исследования. Фундаментальная наука отодвигается в тень в пользу узкопрагматической ориентации работы, господства психологии методик по коррекции психических трудностей и аномалий, что ведет к отставанию в развитии теоретической мысли. Но весь опыт психологии военных лет и традиции отечественной психологии в целом свидетельствуют: *фундаментальные исследования должны сохранять определяющее место в развитии науки.* Необходимо осознать недопустимость сложившегося в современной ситуации перекоса в соотношении фундаментальных и прикладных исследований. Практическая работа требует от психолога научной добросовестности и большой ответственности. Она предполагает хорошую подготовленность в коренных вопросах теории. Поэтому направленность на практику должна сочетаться с неустанным научным поиском в познании природы психического. Узкое понимание профессионализма, поверхностное отношение к методологическим основам — проявления общего кризиса, который переживает современная отечественная психологическая наука.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексей Александрович Бодалев — о блокаде Ленинграда, о своей молодости и профессиональном выборе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2015. №1. С. 138—144.
- Ананьев Б.Г. Успехи советской психологии. Л.: Лениздат, 1948.
- Зейгарник Б.В., Рубинштейн С.Я. Психология в годы войны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1985. № 2. С. 8—12.
- Климов Е.А., Носкова О.Г. Психологические знания о труде — обороне страны (30- 40-е годы) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1985. № 2. С. 3—8.
- Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). М.: Моск. гуманит. ун-т; Ин-т психологии РАН, 2006.

Леонтьев А.Н., Запорожец А.В. Восстановление движений: Исследование восстановления функций руки после ранения [1945] // Леонтьев А.Н. Эволюция, движение, деятельность / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2012. С. 323—524.

Лурия А.Р. Восстановление функций мозга после военной травмы. М.: АМН СССР, 1948.

Лурия А.Р. Потерянный и возвращенный мир (История одного ранения). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971.

Лурия А.Р. Этапы пройденного пути: Научная автобиография / Под ред. Е.Д. Хомской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

Психология. Движение и деятельность. Сборник исследований кафедры психологии / Под ред. С.Л. Рубинштейна. М., 1945 (Ученые записки МГУ. Вып. 90).

Психология. Вопросы восстановления психофизиологических функций / Под ред. С.Л. Рубинштейна. М., 1947. (Ученые записки МГУ. Вып. 111).

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности [1922] // Вопр. психологии. 1986. № 4. С. 101—107.

Рубинштейн С.Л. Советская психология в условиях Отечественной войны // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 1989. С. 374—395.

Поступила в редакцию
20.03.15

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. А. Иванников

ПОРОЖДЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМА МОТИВАЦИИ

В статье анализируется процесс порождения деятельности с выделением задач, которые можно соотнести с понятиями «потребность», «мотив», «мотивация», «побуждение к деятельности». Утверждается, что порождение деятельности предполагает наличие у человека поведенческой задачи, возникающей при актуализации потребностей, принятии требований общества или по решению человека как личности. Мотивация понимается как психическое обеспечение процесса порождения деятельности.

Ключевые слова: порождение деятельности, потребность, предмет потребности, мотив, мотивация, побуждение.

Process of generation of activity with allocation of problems which it is possible to correlate with concepts need, motive, motivation, prompting to activity is analyzed. Affirms, that generation of activity assumes presence at the subject of the behavioral problem arising at actualization of needs, at acceptance by the person of requirements of a society or under the decision of the person. The motivation is understood as mental maintenance for the process of activity generation.

Key words: activity generation, need, object of need, motive, motivation, prompting.

При анализе порождения деятельности обязательно возникает вопрос о том, что порождает поведение, т.е. что его детерминирует и инициирует в данный момент. Поскольку термины «поведение» и «деятельность» будут постоянно использоваться в работе, поясним, что поведение понимается как наблюдаемая картина физической активности живого существа, а деятельность — как решение живым существом своих жизненных задач поведенческим способом (Иванников, 2014а).

Иванников Вячеслав Андреевич — академик РАО, докт. психол. наук, профессор кафедры психологии личности ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* vaiv@mail.ru

В истории психологии было два принципиальных ответа на вопрос о причинах (детерминантах) и механизмах порождения поведения (деятельности). Первый ответ дала античная психология, введя понятия воли и инстинкта, которые приписывали причину порождения поведения человека и животных им самим, т.е. причина поведения была в самом живом существе. Второй ответ предложил Р. Декарт, введя понятие рефлекса как ответного поведения на внешнее воздействие.

Гипотеза о наличии инстинктов и воли исходила из предположения, что поведение живых существ есть один из способов решения имеющихся у них жизненных задач, но не давала инструмента (возможностей) для объективного выявления, измерения и контроля причины инстинктивного или волевого поведения, что не позволяло реализовывать принцип детерминизма при объяснении порождения поведения. Принцип рефлексорности поведения, наоборот, открывал возможность детерминистического объяснения поведения, но это было поведение пассивной «живой машины», не имеющей собственной причины своей активности (поведения).

В середине XX в. наука отказалась от понятий инстинкта и рефлекса как теоретических гипотез (конструктов), объясняющих порождение поведения живых существ, заменив их другими гипотезами — понятиями «мотив», «мотивация», «потребности».

Но понятие «мотив» оказалось неоднозначным по своему содержанию, создавая явные трудности в объяснении порождения поведения. В современной психологии мотив понимается и как побудитель поведения (как то, что запускает поведение аналогично инстинкту или пусковому стимулу), и как причина поведения, т.е. как то, ради чего поведение осуществляется. (Ситуация не оригинальная, если вспомнить понимание света и как частицы, и как волны.) При этом в качестве мотива часто называется эмоциональное стремление к чему-то (например, к пище) или от чего-то (например, от опасной ситуации).

Если мотив понимать как побудитель, то в этом случае он будет существовать только как ситуативное образование, которое не может храниться. Актуализированные одновременно разные потребности и отвечающие им мотивы могут вступать в силовые отношения друг с другом по величине побудительности. Но такие мотивы как временные ситуативные образования-побудители не могут создавать мотивационную сферу с иерархией их ценности для субъекта.

А если мотив понимать как причину поведения (*то, ради чего* идет поведение), то такой мотив не может запускать поведение, потому что, во-первых, он должен переводиться из пассивного со-

стояния в активное, когда возникает необходимость поведения, а во-вторых, деятельность, чтобы быть успешной, должна отвечать условиям среды. Но ни потребность, ни мотив не содержат в себе сведений о предметных условиях поля поведения и сами по себе не могут определять способ деятельности и отдельных действий, которые выбираются субъектом на основе знаний об условиях поведенческого пространства.

Введенное вместо понятия «инстинкт» понятие «потребность» тоже далеко от определенности своего содержания, потому что оно, как и мотив, вводилось не как обозначение какой-то реальности, а как очередной теоретический конструкт, призванный объяснять, во-первых, порождение поведения, а во-вторых — наличие таких субъективных переживаний живого существа, как чувство голода, жажды, страха и пр.

В современной психологии потребность чаще всего понимается либо как объективное состояние живых существ, характеризующееся дефицитом нужных условий существования, либо как субъективное переживание этого дефицита. В обоих вариантах понимания потребности возникают трудности при объяснении имеющихся фактов жизни живых существ. Так, при понимании потребности как дефицита трудно объяснить наличие эстетических и познавательных потребностей (дефицит чего? В чем норма, от которой считать дефицит?). При понимании потребностей как субъективных переживаний нельзя объяснить, почему не переживается дефицит кислорода или избыток радиации. Также возникает проблема с выделением потребностей у растений, грибов и ряда других видов живых существ: надо либо допускать наличие у них субъективных переживаний, либо отказываться в наличии у них потребностей.

Выход из создавшегося положения с объяснением порождения деятельности предполагает два возможных решения. Первое решение — отказаться от понятий потребности, мотива, мотивации как очередных теоретических конструктов подобно отказу от понятий инстинкта и рефлекса и ввести новые понятия со строго определенным содержанием, однозначно соотносимым с реальными явлениями жизни живых существ. Второе решение — оставить привычные термины, но договориться об их содержании, чтобы они однозначно соотносились с наблюдаемыми реальностями жизни и деятельности живых существ.

Учитывая историю психологии, целесообразно оставить привычные термины, но изменить их содержание так, чтобы они стали обозначением каких-то реальностей, связанных с порождением деятельности живых существ. Эта задача требует анализа процесса порождения деятельности, чтобы выделить в нем те реальности,

которые можно соотнести с традиционными понятиями потребности, мотива, мотивации. То есть мы должны временно забыть про понятия «мотив», «мотивация», «потребность» и проанализировать процесс порождения деятельности через выделение объективных задач, которые должны решаться в этом процессе.

Первый факт, который необходимо отметить, — это наличие у субъекта задачи на поведение как необходимого условия деятельности. Никакие изменения среды сами по себе не могут вызвать (инициировать) поведение, как это утверждали и утверждают сторонники постулата непосредственности (подробнее см.: Леонтьев, 1975; Узнадзе, 2004). Каким бы объективно опасным ни было событие среды, оно не вызовет поведение животного или человека, если они не оценивают это событие как опасное для них (например, пребывание в среде с очень высоким уровнем радиации или с высокой концентрацией смертельно опасного газа без цвета и запаха). Живое существо не начнет действовать, если у него не будет поведенческой задачи, за которой должна стоять какая-то жизненная задача. Эти жизненные задачи живых существ по обеспечению себя необходимыми условиями существования можно договориться считать потребностями (Иванников, 2010).

Именно эти жизненные задачи (в нашей терминологии — потребности), когда они не могут быть решены морфологическим или физиологическим способом (Гальперин, 1976; Иванников, 2010), ставят перед субъектом задачу на поведение, презентирываясь ему в виде эмоциональных переживаний (Вилюнас, 1990) и создавая готовность к деятельности.

Человек как социальное существо может принять задачу на поведение по требованиям общества. Как личность он может самостоятельно поставить себе поведенческую задачу в соответствии со своими ценностями, обратившись к волевой регуляции при порождении личностного поведения, если побудительность личностных ценностей ниже порога побуждения к деятельности или ниже побудительности, создаваемой задачами человека как природного существа или социального адаптанта.

Однако готовность к поведению сама по себе не может непосредственно запустить (инициировать) поведение. Поведение — целенаправленная активность, а поведенческая задача и готовность к поведению не могут обеспечить направленность деятельности. Направленность деятельности может обеспечить только то, что способно удовлетворить актуализированную потребность в данной ситуации.

Вслед за А.Н. Леонтьевым назовем все, что может удовлетворять эту потребность, предметом потребности, понимая этот термин как обобщенное название для всего того, что может удо-

влетворять эту потребность. Например, в отношении пищевой потребности это различные съедобные для данного индивида объекты, приобретшие для него смысл предмета потребности и благодаря этому побудительность к деятельности. Наличие объекта, когда-то приобретшего смысл предмета потребности, актуализированной в данный момент, является необходимым условием порождения деятельности в данных условиях.

Конкретный объект или конкретное предметное желание (например, написать книгу, снять кинофильм, приобрести профессию врача), имеющее для субъекта деятельности смысл предмета актуализированной потребности, можно обозначить как мотив. Такие мотивы могут иметь различную ценность для субъекта и составлять иерархическую структуру мотивационной сферы (как внутри одной потребности, так и для разных потребностей). Их роль в мотивации деятельности заключается в определении направленности поведения и постановке новой, следующей задачи в процессе порождения деятельности — в создании (построении) побуждения к деятельности и отдельным действиям.

Деятельность всегда направлена на достижение предмета потребности. Она и выделяется А.Н. Леонтьевым как активность субъекта, предмет которой совпадает с предметом потребности. Но предмет потребности всегда находится в каких-то условиях среды, и деятельность всегда осуществляется в конкретных предметных условиях и должна подчиняться им, чтобы быть успешной. Поэтому и выбор субъектом способа деятельности, а значит, и состава действий определяется его знаниями о предметных условиях поля деятельности и наличными средствами (орудиями) деятельности (Иванников, 2014б).

Деятельность реализуется посредством действий, но цели действий изначально не имеют побудительности, поскольку они — знаемые, а знание не побуждает (Леонтьев, 1971). Свою побудительность цель может получить только от мотива, временно приобретая смысл мотива, когда действие на время его исполнения приобретает для субъекта активности смысл деятельности. Смысл является тем механизмом, с помощью которого побудительность переносится с актуализированной потребности на мотив, а от него — на цель.

Ориентировка субъекта деятельности на условия поля деятельности предполагает знание субъектом этих условий и его способность выбирать (создавать) план действий. Способности и отдельных действий определяется наличием необходимых средств (орудий) действий и навыков (умений) субъекта пользоваться этими средствами. Отсутствие средств или умений ими пользоваться не позволяет начать деятельность даже при высоко значимом мотиве. Это означает, что деятельность не может прямо

«включаться» мотивом и требуется наличие у субъекта деятельности особого процесса создания (построения) побуждения к деятельности и действию как необходимого состояния субъекта. Величина создаваемого побуждения должна поддерживаться выше пороговой до завершения действия, т.е. побуждение не должно быть одномоментным, оно должно поддерживаться в процессе осуществления действий до достижения промежуточных целей и мотива. Этот процесс построения побуждения к деятельности и отдельным действиям входит как особая внутренняя операция в процесс мотивации деятельности.

На величину создаваемого у субъекта побуждения к деятельности также влияют такие различные факторы, как ожидаемая вероятность успеха действия, оценка последствий действия для себя и других людей, физическое и эмоциональное состояние, актуализация других потребностей, ориентация на достижение успеха или избегание неудачи при заданных действиях, поведение других индивидов, требования общества к поведению человека и др.

Процесс психического обеспечения порождения деятельности, начинающийся с актуализации потребности или принятия субъектом требований к нему общества и заканчивающийся при достижении предмета потребности (конечного результата деятельности) или при установлении невозможности его достижения, можно обозначить как процесс мотивации. В этом процессе участвуют потребности и эмоции, мышление и восприятие, память и внимание. При этом учитываются такие условия, как: наличие в поле поведения того, что имеет для субъекта смысл предмета потребности, состояние субъекта, знание среды и прогноз ее изменений, наличие средств (орудий) деятельности и навык владения ими субъектом и другие предметные условия поля действий.

Все эти факторы влияют на величину создаваемого побуждения к деятельности, увеличивая или уменьшая исходную побудительность актуализированной потребности (Иванников, 2014б).

У животных процесс порождения деятельности и соответственно мотивация чаще всего происходит произвольно, генетически заданным способом, но в ситуациях неопределенности животные, как и человек, вынуждены решать задачу на мотивацию «здесь и сейчас». В привычных повторяющихся ситуациях мотивация совершается как мотивационный навык (привычка). У человека процесс мотивации строится, как правило, произвольно и осознанно и включает в себя различные звенья (операции), учитывающие различные факторы. В повторяющихся условиях деятельности, ставших привычными, часть звеньев (операций) процесса мотивации уходит из сознания человека или вообще пропускается, а в простых привычных условиях деятельности процесс мотивации сокращается до

актуализации потребности, создавая иллюзию прямого побуждения деятельности имеющимся мотивом.

Эти особенности процесса мотивации деятельности человека позволяют понять мотивацию как высшую психическую функцию (ВПФ), произвольную и осознанную по характеру осуществления, опосредованную и системную по строению, т.е. как особую активность человека (особое действие с внутренними и внешними операциями, опосредованное орудиями деятельности) по созданию побуждения к деятельности и отдельным действиям (аналогичную таким ВПФ, как восприятие, мышление, память и пр.).

Важное место в процессе мотивации занимает такая операция, как выбор. Выбирается очередность удовлетворения одновременно актуализированных двух и более потребностей; выбирается из потенциально имеющихся мотивов мотив, адекватный сложившейся ситуации; выбирается ответ на требования общества к поведению субъекта; выбирается способ деятельности; выбирается время начала осуществления деятельности и т.д. Часть выборов носит технический характер (например, выбор средств действий); часть выборов должна учитывать моральные последствия; часть выборов обеспечивает решение важных жизненных задач, для которых отсутствуют критерии выбора (выбор профессии, места работы, создание семьи) (Леонтьев, 2014).

Предложенный вариант понимания мотивации позволяет сделать следующие выводы:

1. Причина поведения заключается в невозможности живого существа решать во многих ситуациях свои жизненные задачи без поведения. Обращение живого существа к поведению определяется не актуализацией потребностей, а невозможностью их удовлетворения без собственной активности субъекта в виде целенаправленного поведения. Из этого следует, что никакие события во внешней среде сами по себе не могут непосредственно вызвать поведение живого существа. Вероятность порождения и осуществления деятельности появляется у него только при наличии поведенческой задачи.

2. Наличие у субъекта деятельности задачи на поведение только создает возможность поведения и готовность к нему. Для начала деятельности необходимо выполнение ряда условий, таких как: наличие в поле поведения предмета потребности, наличие средств деятельности и умения их использовать, наличие рабочего состояния организма и др. (Иванников, 2010, 2014б; Леонтьев, 1971). Из этого следует, что необходимо выделять особую активность субъекта по построению побуждения к деятельности.

3. Мотивация является процессом психического обеспечения порождения и осуществления деятельности субъекта. В соответствии с подходом Л.С. Выготского мотивацию деятельности

человека можно рассматривать как высшую психическую функцию, решающую задачу построения необходимого побуждения к деятельности и отдельным действиям человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виллюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
- Гальперин П.Я. Введение в психологию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
- Иванников В.А. Основы психологии: Курс лекций. СПб.: Питер, 2010.
- Иванников В.А. Общая психология: Учебник для академ. бакалавриата. М.: Юрайт, 2014а.
- Иванников В.А. Анализ мотивации с позиций теории деятельности // Нац. психол. журнал. 2014б. № 1 (13). С. 49—56.
- Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции: Конспект лекций. М.: ф-т психологии МГУ, 1971.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
- Леонтьев Д.А. Психология выбора // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 5. С. 5—18; № 6. С. 56—67.
- Узнадзе Д.Н. Общая психология. М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004.

Поступила в редакцию
19.03.15

М. Г. Чеснокова

ПОНЯТИЕ ЗДОРОВЬЯ В КОНТЕКСТЕ КЛЮЧЕВЫХ КАТЕГОРИЙ КУЛЬТУРНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА

В статье рассматриваются возможности использования важнейших категорий и принципов культурно-деятельностного подхода в области психологии здоровья. Соотноится биологическое и психологическое понимание здоровья. Дается современное научное определение здоровья человека. Рассматриваются основные методологические подходы к исследованию здоровья личности. На основе идей Л.С. Выготского выдвигается и обосновывается представление о здоровье человека как высшей психической функции (ВПФ). Раскрывается содержание понятия здоровья как ВПФ, его связь с традиционным системным и уровневым подходами. Понимание здоровья как ВПФ сопоставляется с существующими направлениями, использующими идеи Выготского и культурно-исторической теории в области психологии здоровья, в частности с клинической психологией телесности. Заключительная часть статьи посвящена проблемам профессионального здоровья. В ней прослеживается связь структуры, развития и индивидуального стиля деятельности и профессионального здоровья с позиций деятельностного подхода, анализируются проблемы мотивации укрепления здоровья. Подчеркивается методологический потенциал понятия здоровья как ВПФ и идей деятельностного подхода для психологии здоровья и психологической науки в целом.

Ключевые слова: культурно-деятельностный подход, психология здоровья, высшая психическая функция, деятельность, телесность, мотивация укрепления здоровья.

The article discusses the possibilities of use of the most important categories and principles of the cultural activity approach in the field of health psychology. Biological and psychological understanding of health is compared in it. Besides, modern scientific definition of human health is given. Main methodological approaches to the study of person's health are considered too. On the bases of Vygotsky's ideas the view of health as a higher mental function (HMF) is proposed and substantiated. The contents of the concept of HMF, its connection with traditional system and level approaches are revealed. Understanding of health as HMF is compared with existing directions based on Vygotsky's and cultural historical ideas in the field of health psychology and in clinical psychology

Чеснокова Милена Григорьевна — канд. психол. наук, ст. науч. сотр. кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* milen-ches@bk.ru

of physicality in particular. The final part of the article is devoted to issues of occupational health. The connection of the structure, development and individual style of activity and occupational health, issues of improvement health motivation are investigated with view of activity approach. The methodological potential of the concept of health as HMF and activity approach ideas to health psychology and psychological science in general is emphasized.

Key words: cultural activity approach, health psychology, higher mental function, activities, physicality, improvement health motivation.

Здоровье человека как психологическое понятие

Психология здоровья относится к кругу наиболее востребованных отраслей современной психологии. Эта область психологического знания, возникшая в 1950-х гг. на Западе, вот уже более 20 лет активно развивается и в России. Однако теоретические основания психологии здоровья остаются еще недостаточно разработанными и носят эклектический характер, представляя собой смесь идей и методик различных школ и направлений. При этом традиции отечественной общепсихологической мысли, на наш взгляд, неоправданно игнорируются. Между тем идеи и принципы культурно-исторической теории и деятельностного подхода, заложившие основу культурно-деятельностной парадигмы в психологии, могли бы составить полезный методологический инструментарий для решения многих проблем в области психологии здоровья вообще и профессионального здоровья в частности.

Не только в обыденном, но и в научном сознании глубоко укоренилось представление о здоровье как о естественном природном качестве. Подобный взгляд распространен главным образом в медицинской литературе и наиболее определенно выражен в утверждении М.Ф. Гоголан (2014) «здоровье дается нам вместе с жизнью».

Здоровье в *биологическом смысле* (как врожденная психофизиологическая целостность организма, способного полноценно осуществлять видовую жизнедеятельность) существует и у животных. Однако в животном мире здоровье никогда не выступает как *предмет потребности*, как *цель* определенных действий или как *внешнее требование*. Здоровье человека, также как и болезнь — явление социальное. В отечественной психологии на это впервые указал Л.С. Выготский (1983), раскрыв социальную природу дефекта. Потребность человека быть здоровым в полном соответствии с законом развития высших психических функций (ВПФ), открытым Выготским, прежде существует как *социальная потребность общества*, которая лишь вторично приобретает форму индивидуальной потребности. Понятие болезни в значительной степени обусловлено этой социальной потребностью и выступает как нечто отрицатель-

ное по отношению к ней (как отсутствие реализации индивидом этой социальной потребности).

Представление о биологической природе здоровья человека противоречит принципу историзма, составляющему ядро культурно-деятельностного подхода. Отличительной особенностью человека как биологического вида является то, что от рождения он не приспособлен ни к какому конкретному виду деятельности. Любой деятельностью, в том числе профессиональной, он овладевает при жизни, развивая соответствующие функциональные органы. И во взрослой жизни он уже не существует вне деятельности. Напротив, резкое прекращение деятельности (при выходе на пенсию, уходе из «большого» спорта или вынужденном профессиональном простое) вызывает ухудшение состояния здоровья, провоцирует различные заболевания. Все это говорит о том, что здоровье новорожденного ребенка и здоровье взрослого культурного человека отличаются качественно. Здоровье взрослого — это не биологическое, а социальное и культурное образование.

Болезнь как особое состояние человека также не может рассматриваться в чисто биологических категориях. За понятием болезни стоят определенные общественные нормы, представления и даже мировоззрение. Например, *константная биологическая картина мира*, согласно которой человек как биологический вид полностью сформировался и должен оставаться неизменным.

В свое время А.Н. Северцов (1982) выделил три механизма биологической эволюции: путем морфологических изменений, посредством физиологических изменений и через изменение поведения. Константная биологическая картина мира, будучи преломленной в индивидуальном сознании, выступает тем обобщенным *образом*, который осуществляет наиболее общую регуляцию поведения человека, тормозя действие первых двух механизмов, но не исключая их полностью. Те физиологические и морфологические изменения, которые все-таки происходят, интерпретируются чисто отрицательно — как болезнь или патология¹, поскольку иных категорий для их понимания на уровне сознания просто нет. Что касается третьего механизма, то хотя изменение поведения и признается основным механизмом эволюции на современном этапе, однако применительно к человеку необходимость культурной преемственности общественно санкционированных форм деятельности создает определенные ограничения на поиск и развитие *новых* форм поведения в пользу утверждения и сохранения исторически «проверенных» норм и об-

¹ В данной статье мы сознательно не касаемся проблемы соотношения понятий «болезнь», «норма», «патология», составляющей самостоятельную методологическую проблему науки (см. работы Б.С. Братуся (1988), Г.К. Ушакова (1987), О.С. Васильевой и Ф.Р. Филатова (2001) и др.).

разцов. Необходимость следования «жестким» нормам поведения и деятельности нарушает естественную (регуляторную) функцию психического аппарата поведения, призванную обеспечивать его максимальную *гибкость*, что может вести к психическим и физиологическим расстройствам.

В последние десятилетия наблюдается четкая тенденция к преодолению натуралистического, чисто биологического подхода к здоровью человека. Всемирная организация здравоохранения характеризует здоровье как системное качество, включающее в себя три уровня — физический, социальный и духовный (психический). В психологии и медицине развивается биопсихосоциальный подход, в котором явления нормы и патологии также рассматриваются как сложные системные образования. В психологии различают психическое и психологическое здоровье. Но роль психологии в решении проблем здоровья человека остается не проясненной. Решает ли она вопросы, связанные с поддержанием только психического и духовного здоровья личности, или может внести свой вклад в понимание формирования и других уровней здоровья тоже?

Следует заметить, что поддержание каждого уровня здоровья требует от индивида решения ряда задач. Эти задачи диктуются обществом, и в зависимости от того, насколько успешно человек справляется с их решением, общество в лице соответствующих институтов оценивает его как здорового или больного. На *физическом* уровне основной задачей индивида является сохранение своей биологической организации и нормального функционирования органов; на *социальном* уровне — соблюдение социальных норм, выполнение основных требований, предписываемых индивиду как члену общества; на *психическом* — сохранение отражательной и регуляторной функций психики, обеспечивающих адекватность поведения субъекта наличным условиям; на *духовном* — самореализация и самоактуализация личности, рост самосознания, повышение уровня осмысленности жизни и т.д.

Между этими задачами, а следовательно, и между уровнями существуют *противоречия*. Неспособность индивида разрешить то или иное противоречие ведет к «сбою» в работе всей системы. Прежде всего это противоречие между требованием *развития*, идущим со стороны духовного уровня, и требованием *сохранения*, действующим на физическом и частично на социальном уровнях. Наиболее распространенный способ разрешения этого противоречия — отказ индивида от реализации либо одного, либо другого требования. К крайним формам выражения такого отказа можно отнести, с одной стороны, аскетизм, отшельничество, «умерщвление плоти», практикуемое в некоторых философско-религиозных течениях, с другой — лишенный духовных устремлений обыденный

образ жизни, сосредоточенный на удовлетворении органических потребностей. Человек, вставший на путь духовных исканий, должен преодолевать противоречие между стремлением соответствовать социальным ожиданиям и внутренней интенцией индивидуального развития, т.е. делать выбор между более психологически комфортной позицией «*социального адаптанта*» и напряженно-рискованным существованием *индивидуальности*.

Противоречия есть и между *социальным* и *физическим* уровнями. Любая деятельность реализуется через совокупность психофизиологических функций (Леонтьев, 1975). Основываясь на этом, мы ввели в одной из своих работ понятие «социальной физиологии» для характеристики особенностей природы и функционирования физиологии человека (Чеснокова, 2013, с. 100). Ориентация на узкую специализацию, свойственная современному обществу, основана на «эксплуатации» определенных органов и систем в повышенном режиме, что ведет к раннему «изнашиванию» этих органов и соответственно к болезням.

В ряде случаев противоречия возникают и между *социальным* и *психическим* уровнями. Широко используемые обществом стереотипизация и табуирование определенных форм поведения способствуют ограничению и консервированию системы образов, которые, как известно, формируются в деятельности (Леонтьев, 1975). В результате регулятивная работа психического аппарата, обеспечиваемая этими образами, становится при изменении исходных условий менее адекватной.

Таким образом, проблема здоровья как системного качества тесно связана с разрешением индивидом реальных жизненных противоречий и коллизий и выступает перед ним как *индивидуальная жизненная задача*. Индивид оказывается единственным субъектом, способным обеспечить баланс всей этой сложной системы, которая составляет *реальную целостность личности*. И этот факт превращает проблему здоровья человека в **проблему психологическую**. В свое время Л.С. Выготский отмечал, что в ходе онтогенеза психологическая сторона все больше выходит на первый план, становясь в конечном счете ведущей и подчиняя себе все другие стороны развития личности (Горюнова и др., 1990), в частности физиологическую, что нашло отражение во введенном им понятии «психологическая физиология» (Выготский, 1977, 1982).

Здоровье человека как высшая психическая функция

Как психологическая категория понятие здоровья требует углубленной общепсихологической проработки. Мы склонны согласиться с мнением авторов, высказывающихся в пользу перспективности реализации системного подхода в области психологии

здоровья. Системный подход позволяет понять следующее. *Причина и проявления болезни могут лежать на разных уровнях.* Еще древние утверждали, что «болезнь возникает в душе, а прорастает в теле». А. Адлер (2002) показал, что несформированность навыков социального сотрудничества (социальный уровень) способствует возникновению невроза (психосоматический уровень). Мы предложили дополнить системный принцип в области психологии здоровья, введя представление о здоровье человека как о ВПФ (Чеснокова, 2013). Это представление раскрывается в следующих положениях.

1. Здоровье человека является *продуктом развития.* Физическое здоровье как нормальное функционирование нормально сформированных органов и систем составляет биологическую основу и исходную точку такого развития. При этом физический дефект, как показал еще Л.С. Выготский (1983), не препятствует достижению социального и психологического здоровья личности и может быть компенсирован на других уровнях.

2. Как любая ВПФ здоровье человека проходит в своем развитии две стадии: от интерпсихической к интрапсихической, от социальной к индивидуальной, от внешнего требования общества к индивиду к собственной потребности человека «быть здоровым».

3. Уровни здоровья — физический, социальный и духовный — выступают основными образующими факторами системы здоровья как ВПФ. Иерархия этих факторов достаточно условна, она отражает только порядок их возникновения в историческом развитии. В процессе живого функционирования системы проблемы на одном из уровней могут отражаться на *любом* другом, вне зависимости от его положения в иерархии. Так, проблемы на физическом уровне, преломляясь в системе образов как регуляторов поведения (психический уровень), могут вызывать отклонения от поведенческой нормы и разрушать отношения человека с другими людьми (социальный уровень).

4. Здоровье человека как ВПФ, имеющая социальное происхождение, представляет собой открытую систему. Высокая степень изменчивости социального фактора является основным *источником внутреннего движения* и трансформации системы. Учитывая это, любое заболевание (как психическое, так и соматическое) должно включать в себя коррекцию социального вектора этой системы.

5. Здоровье человека как ВПФ — это *произвольно регулирующаяся система.* Регуляция баланса всей системы как основы целостности индивида осуществляется личностным или духовным уровнем. В этом смысле целесообразно *различать* собственно психический и духовный уровень личности как образующие системы здоровья человека. Если психическая регуляция физиологических

и поведенческих процессов осуществляется на основе природных, биологических законов эволюции (Северцов), то в основе личностной регуляции (саморегуляции) лежат интериоризованные социальные отношения (Выготский). Таким образом, отношения уровней здоровья как элементов системы в ее живом движении и функционировании подчиняются не столько принципу иерархии, сколько принципу *опосредованного взаимодействия*, что полностью соответствует представлению Выготского о строении ВПФ как *системе особого типа.* В этом мы видим основное преимущество понятия ВПФ как объяснительной категории в области психологии здоровья перед более традиционным для науки понятием *системы.*

5. Из представления о здоровье как ВПФ вытекает, что *здоровье человека — динамическое образование.* Оно не может быть достигнуто/сохранено раз и навсегда. На каждом новом этапе социального и личностного развития нахождение здорового баланса — оптимальной интеграции различных составляющих системы (успешное разрешение противоречий разных уровней) представляет для индивида самостоятельную задачу.

6. Выступая для индивида как жизненная задача, собственное здоровье буквально *выстраивается, создается* им с помощью *культурных средств* через организацию и осуществление определенной *системы оздоровительных мероприятий и видов деятельности.*

7. Деятельность по формированию собственного здоровья требует развития и совершенствования на протяжении всей жизни человека. Психофизиологические особенности индивида, его способности, а также уникальность социальной жизненной ситуации определяют индивидуальный и творческий характер этой деятельности. В этом смысле *здоровье есть функция индивидуальности.*

8. Формирование здоровья как ВПФ напрямую связано с развитием самосознания человека. В индивидуальном сознании представление о здоровье проходит ряд стадий: осознание здоровья как инструментальной ценности; осознание здоровья как цели; осознание здоровья как способа существования. Последняя стадия предполагает обретение человеком своего *индивидуального жизненного стиля.*

9. Уровень развития культуры и общества задает диапазон культурных средств, используемых человеком для укрепления своего здоровья. Диапазон этих средств в значительной степени определяет тот уровень здоровья и продолжительность жизни, которые человек способен достичь на данном историческом этапе. Социальная и культурная опосредованность здоровья человека свидетельствует о необходимости включения в систему воспитания

подрастающего поколения такой составляющей, как *формирование* своего здоровья, а также перестройки сферы здравоохранения в духе «воспитывающей медицины».

Все вышесказанное свидетельствует о том, что здоровье человека не есть некий естественный ресурс, который только расходуется им на протяжении жизни. Здоровье — это не натуральная, а *высшая психическая* функция. В соответствии с этим пониманием задачи человека и общества в отношении здоровья должны быть пересмотрены. Речь должна идти не о сохранении или восстановлении здоровья, а об активном формировании и повышении исходного уровня физических возможностей. ВПФ позволяют человеку делать и совершать то, что посредством натуральных функций было для него невозможно. Как писал Спиноза, «то, к чему способно тело, еще никто не доказал» (Спиноза, 2013). В последние годы в клинической психологии весьма успешно развивается такое направление, как психология телесности, также опирающаяся в своих разработках на идеи Выготского: идею знакового опосредования ВПФ, представление о «психологической физиологии» и т.д. (Бескова, Тхостов, 2004; Николаева, Арина, 1996; Тхостов, 2002; и др.). Идея культурной опосредованности человеческой телесности поднимается и в философской литературе (Жаров, 1988; Столяров, 1988). Выдвинутое нами представление о здоровье человека как ВПФ можно рассматривать как более общее по отношению к данной линии исследований. В психологических исследованиях телесности основной акцент сделан на изучении отношений физической, психической и культурной составляющих и меньше внимание уделяется роли социального и духовно-личностного уровня, а соответственно и проблеме соотношения этих уровней. Понимание здоровья как ВПФ открывает возможность *обобщить* факты, полученные в области психологии телесности, и знания, наработанные в рамках других направлений исследований психологии здоровья, понять их место в структуре здоровья как ВПФ. В соответствии с представлением о здоровье как ВПФ здоровье раскрывается как *процесс становления* сознательно выстраиваемой и произвольно регулируемой *жизнедеятельности* человека, имеющей все особенности деятельности — свою мотивацию, цели, задачи, действия и т.д. Рассмотрение проблемы здоровья человека под деятельностным углом зрения позволит, на наш взгляд, обобщить уже сложившиеся направления исследований психологии здоровья, такие как исследование ценности здоровья в индивидуальном и общественном сознании, развития индивидуальных представлений о здоровье, мотивации укрепления здоровья, роли субъектности в формировании здоровья и т.д., соотнести их друг с другом в контексте понятия деятельности.

Деятельность и профессиональное здоровье

В современной психологической литературе здоровье однозначно определяется как «базовое *условие* реализации продуктивной профессиональной деятельности» (Кандыбович, Секач, 2011, с. 35; курсив мой. — М. Ч.). Между тем одним из важнейших постулатов теории деятельности является *принцип развития деятельности*, согласно которому одно и то же содержание может занимать разное место в структуре деятельности, в результате чего само это содержание трансформируется. Так, здоровье может выступать как совокупность психофизиологических функций, участвующих в осуществлении деятельности, и в этом смысле являться *условием* деятельности. Здоровье может быть *целью* определенных оздоровительных мероприятий по восстановлению и укреплению здоровья. Наконец, оно может стать для человека образом жизни, систематической *деятельностью*. Если мы сравним деятельность грузчика и тренера по фитнесу, станет очевидным, что в структуре их деятельности проблема здоровья занимает существенно разное место.

Современный труд весьма специализирован. Узкоспециализированная деятельность наносит здоровью ощутимый ущерб, поскольку она:

- 1) «эксплуатирует» определенные органы и функции, способствуя их преждевременному изнашиванию;
- 2) ведет к повышенной аффектации организма. Еще Спиноза (2013) отмечал, что аффекты связаны с преимущественным воздействием на какую-то одну часть тела, вследствие чего душа привязывается к созерцанию какого-либо одного объекта, что к пользе всего человека в целом отношения не имеет;
- 3) задает ограниченную «зону ближайшего развития», не задействует весь потенциал человека.

Из такой организации деятельности естественным образом следует необходимость периодического выхода из нее, или *отдыха*. Однако, для того чтобы в процессе отдыха организм действительно физически и психологически восстановился, надо правильно понимать, что главная функция отдыха — *гармонизация работы организма как целого*. Это возможно, во-первых, через занятие недействительными видами практик (релаксация, медитация и т.п.); во-вторых — через переключение на компенсаторные виды деятельности.

В свое время Л.С. Выготский высказал мысль о том, что психологическая система человека подвижна. Иерархия психических функций меняется в зависимости от того, какую деятельность человек выполняет и какую социальную позицию он занимает (Выготский, 1986). Определяя иерархию психических функций,

соответствующую основную деятельность человека, можно моделировать спектр компенсаторных деятельностей, вовлекающих в работу ранее «репрессированные» функции. Такие компенсаторные виды деятельности могут вводиться как в рамках основной профессиональной деятельности человека (через смену профессиональных функций), так и как варианты занятий для досуга — хобби.

Один из пунктов резолюции конференции «Психология здоровья: спорт, профилактика, образ жизни», проводившейся в 2011 г., включает следующее утверждение: «Здоровье является не самостоятельной ценностью, а стратегическим ресурсом, который необходим для активного достижения жизненных целей» (Резолюция..., 2011; курсив мой. — М.Ч.). Это положение организаторы конференции рекомендуют учитывать при разработке профилактических программ. Однако если здоровье — это только ресурс, то в деятельности он заведомо может только тратиться. Возникает вопрос: возможно ли осуществление профессиональной деятельности без снижения и потери здоровья? Может ли деятельность способствовать повышению исходного уровня здоровья? Мы полагаем, что может. Ярким примером этого является образ жизни *самоактуализирующихся* личностей, для которых работа неразрывно связана с удовольствием, в результате чего их представление об отдыхе, досуге, развлечении существенно меняется (Маслоу, 2011).

Профессиональное здоровье и индивидуальный стиль деятельности

В отношении профессионального здоровья действует еще одна особенность. Чем более *индивидуализирована* деятельность, чем более органична она для человека, тем большее удовольствие она ему доставляет и тем меньший ущерб здоровью способна нанести. А.Г. Асмолов (2001) рассматривает индивидуализацию деятельности как закономерный этап ее развития. В.С. Мерлин (1996) считал, что овладение деятельностью с необходимостью включает выработку человеком своего *индивидуального стиля деятельности*. Принцип индивидуализации деятельности позволяет по-новому взглянуть на проблему соотношения здоровья и профессиональной деятельности человека. В свете этого принципа здоровье предстает не только как базовое *условие* эффективности профессиональной деятельности (что справедливо скорее для ранних этапов овладения ею), но и как своеобразный *продукт* ее развития. Развитие и индивидуализация деятельности — не менее важное условие профессионального здоровья, чем его исходный базовый уровень. Отношения *здоровья и деятельности* обретают, таким образом, черты круговой детерминации: базовый уровень здоровья → овладение

основами профессиональной деятельности, формирование функциональных органов деятельности → развитие, индивидуализация деятельности → формирование профессионального здоровья.

Данная закономерность вполне согласуется с нашим представлением о здоровье как о прижизненно формируемой ВПФ.

Проблема мотивации укрепления здоровья

Интерес человека к собственному здоровью имеет инстинктивную основу (инстинкт самосохранения, влечение к жизни). Однако станет ли этот инстинкт мотивом конкретных действий индивида по укреплению своего здоровья, в значительной степени зависит от отношения общества к здоровью человека, т.е. от признания здоровья общественной ценностью.

В разные эпохи это отношение было дифференцированным для разных социальных групп. При этом в иерархии общественных ценностей ценность человеческого здоровья долгое время уступала место другим — материальным, духовным, ценностям социального статуса и успешности. И только в последнее время здоровье как общественная ценность начинает подниматься на более высокий уровень. Одновременно наблюдается тенденция к перенесению ответственности за поддержание здоровья людей с общества на отдельного индивида. В свете последней тенденции повышается важность психологического исследования проблемы *мотивации сохранения и укрепления здоровья*.

Известно, что мотивы поведения людей могут быть как осознанными, так и неосознанными. При этом систематическая деятельность с привлечением культурных средств и форм поведения (каковой, в частности, является забота о собственном здоровье) возможна только при условии, что побуждающий ее мотив осознается человеком. Воспроизводимость мотива в сознании — одно из важнейших условий воспроизводимости деятельности. Осознанность мотива предполагает его означенность, за которой стоит общественная система ценностей. Таким образом, мотивация индивида на поддержание и укрепление собственного здоровья неразрывно связана с представлением о здоровье как об общественной ценности.

В качестве осознанного мотив ориентации на здоровье может выступать в двух основных формах: как декларируемый, только «знаемый» (в терминологии А.Н. Леонтьева) и как реальнодействующий. Последний в свою очередь может выражаться как в отрицательной форме (избегание болезни), так и в положительной (стремление к укреплению своего здоровья). Не исключена также ситуация мотивационного конфликта, когда декларируемое стремление к здоровью сочетается с неосознанной заинтересо-

ванностью в болезни, способствующей удовлетворению каких-то других мотивов. Очевидно, что эффективность оздоровительных мероприятий, проводимых на подобной мотивационной основе, будет весьма низкой.

Как показывают исследования (Березовская, 1999), в индивидуальной иерархии современных руководителей здоровье как терминальная ценность уступает место работе, карьере. Это в целом отражает общественную иерархию ценностей, которая в неявном виде присутствует и в научных разработках в области психологии здоровья. Здоровье рассматривается здесь как *стратегический ресурс*, условие эффективности профессиональной деятельности, иначе говоря, как *обеспечение* деятельности, эффективность, успешность которой тем самым сохраняет свою приоритетную ценностную позицию.

На первый взгляд вызывает удивление низкое место здоровья в системе инструментальных ценностей руководителей, отсутствие у них рефлексивной связи между здоровьем и достижением жизненно важных целей (там же). Однако и этот факт может получить свое объяснение с позиций деятельностного подхода. Условия (средства) деятельности в отличие от цели плохо осознаются субъектом, поэтому важность здоровья как инструментальной ценности также не осознается.

Если говорить о здоровье как о *реальнодействующей* ценности и мотивации, то здесь преобладает отрицательный мотив избегания болезни, актуализирующийся ситуационно при фактическом ухудшении состояния здоровья человека (Зинченко, Бусыгина, 2013). Одно из препятствий к формированию положительной мотивации здоровья связано, на наш взгляд, с восприятием мотивов здоровья и карьеры как независимых и конкурентных. Деятельность по укреплению здоровья воспринимается как отвлекающая от реализации основного мотива и требующая дополнительного свободного времени. Однако при *бытийной* (свойственной так называемым самоактуализирующимся личностям), а не прагматической ориентации реализация мотивов здоровья и профессиональной деятельности вполне совместима. Это свидетельствует в пользу важности укрепления в общественном сознании представления о здоровье как о *бытийной* (жизненной, терминальной) в большей степени, чем как об *инструментальной*, ценности.

Выводы

Привлечение категориального аппарата общей психологии может быть чрезвычайно полезным для дальнейшего развития психологии здоровья. Понимание здоровья человека как ВПФ позволяет обобщить во многом разрозненные направления психологических

исследований в этой области, соотнести такие ее важнейшие понятия, как представление о здоровье, ценность здоровья, мотивация укрепления здоровья, телесность, деятельность по укреплению здоровья, здоровый образ жизни и др. Не отрицая сложившейся традиции исследований в данной области, понятие здоровья как ВПФ выводит изучение здоровья человека на более высокий уровень обобщения, способствуя постановке нового круга задач.

Представление о здоровье как о ВПФ рассматривает здоровье человека как динамическую развивающуюся систему, включающую физический, социальный, психический и духовно-личностный уровни здоровья, находящиеся в отношениях опосредованного взаимодействия: физический уровень опосредован психическим («психологическая физиология», психология телесности) и социальным («социальная физиология») уровнями, психический — физическим (психофизиология), духовный — психическим, социальным и физическим (психология личности, психология индивидуальности), социальный — физическим, психическим и духовным (социальная психология) и т.д. Понимание характера опосредующих связей уровней здоровья способствует преодолению отраслевого характера психологического знания и налаживанию продуктивного взаимодействия психологии здоровья с другими областями психологической науки.

Понятие здоровья как ВПФ наиболее перспективно в сфере исследования и лечения психосоматических заболеваний, характеризующихся сложным переплетением разных уровней здоровья, тогда как методологический потенциал теории деятельности (представление о структуре деятельности, роли мотивации в поддержании и развитии деятельности и т.д.) и деятельностно-ориентированных концепций (В.С. Мерлина, А.Г. Асмолова и др.) может быть более успешно реализован в отношении проблематики профессионального здоровья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. М.: Когито-Центр, 2002.
- Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001.
- Березовская Р.А. Отношение менеджеров к здоровью // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 16. Психология. Педагогика. 1999. № 2. С. 61—70.
- Бескова Д.А., Тхостов А.Ш. Телесность как пространственная структура // Междисциплинарные проблемы психологии телесности / Ред.-сост. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004. С. 133—148.
- Братусь Б.С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988.

- Васильева О.С., Филатов Ф.Р. Психология здоровья человека. М.: Академия, 2001.
- Выготский Л.С. Основы дефектологии // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М.: Педагогика, 1983.
- Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1986. № 1. С. 52—63.
- Гогулан М.Ф. Законы здоровья. М.: АСТ, 2014.
- Горюнова Л.В., Горюнова О.А., Литвинова О.Л. Наука о развивающемся ребенке. Хрестоматия по педологии: В 2 кн. М.: Просвещение, 1990.
- Жаров Л.В. Человеческая телесность: философский анализ. Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. ун-та, 1988.
- Зинченко Ю.П., Бусыгина И.С. Психологическое здоровье и профессиональная самореализация руководителя // Нац. психол. журнал. 2013. № 1(9). С. 89-95.
- Из записных книжек Л.С. Выготского // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1977. № 2. С. 89—95.
- Из записных книжек Л.С. Выготского // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1982. № 1. С. 60—67.
- Кандыбович С.Л., Секач М.Ф. Здоровье населения — залог стабильности и безопасности государства // Вестн. Моск. ун-та. 2011. № 4. С. 32—38.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
- Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 2011.
- Мерлин В.С. Психология индивидуальности. М.: Ин-т практ. психологии, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.
- Николаева В.В., Арина Г.А. От традиционной психосоматики к психологии телесности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1996. № 2. С. 8—18.
- Резолюция Всероссийской научно-практической конференции «Психология здоровья: спорт, профилактика, образ жизни» (Москва, 26—29 сентября 2011 г.). // <http://www.childpsy.ru/conf/24317/index.php?tab=report> (дата обращения: 06.08.2014).
- Северцов А.Н. Эволюция и психика // Психол. журнал. 1982. Т. 3. № 4. С. 149—159.
- Спиноза Б. Этика. СПб.: Азбука, 2013.
- Столяров В.И. Философско-культурологический анализ физической культуры // Вопр. философии. 1988. № 4. С. 78—92.
- Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002.
- Ушаков Г.К. Пограничные нервно-психические расстройства. М.: Медицина, 1987.
- Чеснокова М.Г. Общепсихологические основания исследования здоровья личности // Нац. психол. журнал. 2013. № 1(9). С. 96—102.

Поступила в редакцию
13.01.15

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. Н. Дымова, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова

ПАРАМЕТРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ/ НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ ПРИ РАЗНОМ УРОВНЕ ПСИХИЧЕСКОЙ ТРАВМАТИЗАЦИИ

Представлены результаты изучения зависимостей между интенсивностью переживания психотравмирующих событий, уровнем посттравматического стресса и параметрами психологического благополучия у солдат, проходящих срочную службу в войсковых частях г. Москвы и Московской области (n=123; возраст 18—25 лет). Методики: Опросник травматических ситуаций (*Life Experience Questionnaire, LEQ*) Дж. Норбек, И. Сарасон и др. в адаптации Н.В. Тарабриной и др.; Шкала психологического благополучия (ШПБ) К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко; Опросник выраженности психопатологической симптоматики (*Symptom Check List-90-r-Revised, SCL-90-R*) Л. Дерогатис и др. в адаптации Н.В. Тарабриной и др.; Миссисипская шкала (МШ, гражданский вариант) Т. Кина и др. в адаптации Н.В. Тарабриной и др. В исследовании установлена значимая обратная связь между психологическим благополучием, интенсивностью посттравматического стресса и переживанием психотравмирующих событий. Показано, что интенсивный посттравматический стресс связан с различными психопатологическими симптомами — соматизацией, обсессивностью-компульсивностью, межличностной сензитивностью, депрессией, тревожностью, паранойальностью и психотизмом. Выявлено, что наличие у человека чувства автономии препятствует развитию сопутствующих посттравматическому стрессу психопатологических симптомов, поддерживает психологическое благополучие, но без дополнительных ресурсов не может направленно влиять на уровень психической травматизации.

Дымова Екатерина Николаевна — мл. науч. сотр. лаборатории психологии посттравматического стресса ФГБУН Институт психологии РАН. *E-mail:* grebennikovakaty@mail.ru

Тарабрина Надежда Владимировна — докт. психол. наук, профессор, гл. науч. сотр. лаборатории психологии посттравматического стресса ФГБУН Институт психологии РАН. *E-mail:* nvtarab@gmail.com

Харламенкова Наталья Евгеньевна — докт. психол. наук, профессор, зав. лабораторией психологии посттравматического стресса ФГБУН Институт психологии РАН. *E-mail:* nataly.kharlamenkova@gmail.com

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (проект № 13-06-00390).

Ключевые слова: психологическое благополучие, посттравматический стресс, психопатологическая симптоматика, автономия.

The results of investigation the relationship between the intensity of the experience of traumatic events, post-traumatic stress and the parameters of psychological well-being in conscripts (n=123, age 18—25), passing military service in military units in Moscow and Moscow region are presented. Psychological techniques: Life Experience Questionnaire (LEQ) by J. Norbeck, I. Sarason et al. in adaptation of N.V. Tarabrina et al.; The Scale of psychological well-being by C. Ryff in adaptation of T.D. Shevelenkova, T.P. Fesenko; Symptom Check List-90-r-Revised by L.R. Derogatis et al. in adaptation of N.V. Tarabrina et al.; Mississippi scale (civilian version) by T. Keane et al. in adaptation of N.V. Tarabrina et al. The significant inverse relationship between psychological well-being, the intensity of PTSD and the experience of traumatic events was revealed. It is shown that intensive post-traumatic stress is associated with a variety of psychopathological symptoms: somatization, obsessive-compulsive, interpersonal sensitivity, depression, anxiety, paranoid ideation and psychoticism. It is revealed that the feeling of autonomy prevents the development of psychopathological symptoms accompanied the post-traumatic stress, supports psychological well-being, but without additional resources cannot be directed to influence on the level of psychic traumatization.

Key words: psychological well-being, post-traumatic stress, psychopathological symptoms, autonomy.

Психологическое благополучие и посттравматический стресс

Систематическое изучение проблемы *психологического благополучия* (ПБ), начатое Н. Брэдберном еще в 1960-е гг. (Bradburn, 1969), до сих пор остается актуальным предметом исследования в связи с тем, что перечень факторов, влияющих на ПБ, постоянно расширяется и приобретает комплексный характер. Брэдберн полагал, что ПБ сопоставимо с удовлетворенностью жизнью и субъективным ощущением счастья. Он рассматривал ПБ как соотношение (баланс) двух видов аффекта — позитивного и негативного. Когда позитивный аффект доминирует над негативным, человек ощущает себя счастливым и удовлетворенным, т.е. имеет высокий уровень ПБ, в противоположном случае человек ощущает себя несчастным и неудовлетворенным, т.е. имеет низкий уровень ПБ.

В работе П. Ворр, Дж. Бартер и Г. Браунбридж было найдено статистическое подтверждение независимости позитивного и негативного аффектов (Warr et al., 1983). В дальнейших исследованиях, где наряду с различными интервью, направленными на диагностику психического здоровья и стрессовых жизненных событий, использовалась «Шкала позитивного аффекта» Брэдберна, было выделено

два фактора психического здоровья — «Психологический дистресс» и «Психологическое благополучие», которые, как оказалось, высоко коррелируют между собой (Zautra et al., 1988). Это значит, что при высоком уровне психологического дистресса высока вероятность нарушения баланса между позитивным и негативным аффектом и преобладание негативных переживаний, что еще раз подтверждает правильность выбора критерия «баланс позитивного и негативного аффектов» для оценки ПБ.

Немаловажной задачей изучения ПБ стала проверка предположения о его устойчивости, в связи с чем была исследована динамика позитивного и негативного аффектов. В исследовании С. Чарльз, Ч. Рейнольдс и М. Гатс позитивный и негативный аффекты оценивали с помощью «Шкалы баланса аффекта» Брэдберна. В выборку (n=2804) вошли семьи, каждая из которых была представлена четырьмя поколениями. Исследование проводилось с помощью лонгитюдного метода в период с 1971 по 1994 г. Было выявлено, что негативный аффект уменьшается с возрастом в каждом из поколений, хотя в самом старшем поколении это снижение оказалось менее выраженным. Более высокие показатели по шкале нейротизма замедляют снижение негативного аффекта с возрастом. Уровень положительного аффекта остается устойчивым в молодом и среднем возрасте, а в старшей группе он несколько снижается (Charles et al., 2001).

Полученные Брэдберном результаты, а также данные других исследователей, применивших разработанные им шкалы, показали, что ПБ определяется прежде всего переживаниями человека и степенью выраженности негативного или позитивного аффекта. В дальнейших работах представления о ПБ приобрели более дифференцированный характер.

Так, значительный вклад в исследование ПБ внесла К. Рифф. Анализируя литературу, она выделила и операционализовала такие аспекты ПБ, как самопринятие, позитивные отношения с другими людьми, автономность, управление окружением, наличие цели в жизни и личностный рост. Людям разного возраста и пола (n=321) кроме методик на оценку субъективного ПБ предлагались методики для диагностики таких переменных, как баланс аффекта, удовлетворенность жизнью, самооценка, нравственность, локус контроля и депрессия. Оказалось, что такие параметры ПБ, как позитивные отношения с другими людьми, автономность и цель в жизни, не связаны с перечисленными переменными. Кроме того, возрастные профили ПБ значительно различались (Ryff, 1989). Позднее на большей по объему выборке (n=1108) была подтверждена 6-факторная структура ПБ с одним фактором второго порядка, которая оказалась устойчивой в разных половозрастных группах (Ryff, Keyes, 1995).

Итак, краткий исторический экскурс в исследование ПБ показывает, что оно имеет определенную структуру и операционализируется посредством таких переменных, как самопринятие, позитивные отношения с другими людьми, автономность, управление окружением, наличие цели в жизни и личностный рост. Отмечается также, что ПБ меняется с возрастом. При этом было обнаружено, что изменение структуры ПБ и его динамика мало исследованы в связи с изменением социальных условий, тех или иных жизненных обстоятельств, в которых оказывается человек.

В современных работах ПБ анализируется с учетом влияния на человека различных ситуаций, позитивных или негативных факторов, а также воздействия на него стрессоров высокой интенсивности как экстремальных событий, включенных наряду с другими переживаниями в историю жизненного пути личности. С этой точки зрения ПБ представляет собой целостное переживание, связанное с базовыми человеческими ценностями и потребностями и выраженное в субъективном ощущении удовлетворенности собой и собственной жизнью. Для оценки уровня ПБ необходимо учитывать соотношение, с одной стороны, внутренних условий, порождающих психологические проблемы человека (эмоциональные, коммуникативные, когнитивные), а с другой — влияние внешних социальных факторов (стрессоров разной интенсивности). С этой точки зрения чувство ПБ может быть описано как психическое состояние человека, связанное с его способностью справляться с внешними и внутренними угрозами и тем самым обуславливающее эффективность его социального функционирования (Тарабрина и др., 2009).

К важнейшим показателям ПБ относят систему отношений человека к себе и миру, личностные качества, в том числе эмоциональную и волевую сферу, умение поддерживать ощущение субъективного благополучия, сохранять оптимальный фон функциональных состояний. Таким образом, субъективная оценка психологического благополучия или неблагополучия является индивидуальным критерием, позволяющим оценить и проанализировать степень самоэффективности, а также удовлетворенности качеством жизни в целом (Марищук, Пыжьянова, 2008). Представление о собственном ПБ и его оценка ограничивают или расширяют возможность получения удовольствия от жизни, определенным образом влияют на способность личности к полноценному функционированию, успешной самореализации и социальной адаптации в целом (Тарабрина и др., 2012).

ПБ рассматривается как интегральный показатель степени направленности человека на личностный рост, самопринятие, на способность быть компетентным в управлении повседневными

делами, а также противостоять социальному давлению, иметь цели в жизни (Шевеленкова, Фесенко, 2005).

Высокая степень удовлетворенности своим личностным развитием в трудные периоды жизни становится для человека *регулирующим механизмом*. Исходя из этого положения ПБ может быть описано как сложное переживание человеком удовлетворенности собственной жизнью, обуславливающее эффективность его социального функционирования и связанное со способностью справляться с внешними и внутренними угрозами. Этот вывод находит подтверждение во многих исследованиях. Показано, например, что эмоциональная регуляция, способствующая когнитивной переоценке негативных впечатлений от увиденного (исследование эмоциональной реакции людей на происходящее во время землетрясения в Японии в 2011 г.), способствует улучшению психологического функционирования (Cavanagh et al., 2014). Уверенность человека в себе, адекватная самооценка, самоэффективность рассматриваются в исследованиях как фактор, способствующий снижению страха смерти и редукции психопатологических симптомов, сопутствующих ПТСР — посттравматическому стрессовому расстройству (Hoelterhoff, Chung, 2013). Не меньшее значение для ПБ имеет ориентация человека, получившего травму, на просоциальное поведение (Frazier et al., 2013), а также на непосредственную (face-to-face) социальную поддержку. В исследовании Дж. Хавдона и Дж. Райна показано, что, в отличие от онлайн-общения (смс-обмен, интернет-общение и др.), непосредственное взаимодействие с друзьями и близкими значительно улучшает самочувствие и ПБ (Hawdon, Ryan, 2012). Являясь интегральной личностной характеристикой, ПБ может использоваться как показатель психического здоровья человека (Тарабрина и др., 2012).

Однако, несмотря на то что в современных исследованиях ПБ рассматривается как один из ресурсов, которые человек использует для совладания с трудными жизненными ситуациями, вопрос о сохранении ПБ при высоком уровне психической травматизации остается открытым.

Представленное ниже исследование посвящено изучению взаимозависимости между интенсивностью переживания психотравмирующих событий, посттравматическим стрессом и параметрами ПБ. *Гипотеза*: интенсивность переживания психотравмирующих событий выше у тех лиц, которые психологически менее благополучны и имеют высокий уровень посттравматического стресса.

В качестве респондентов выступили лица мужского пола (123 человека) в возрасте от 18 до 25 лет, проходящие военную службу в войсковых частях г. Москвы и Московской области.

Методики

1. Для оценки *интенсивности переживания психотравмирующих событий* применялся «Опросник травматических ситуаций» — *Life Experience Questionnaire, LEQ* (Norbeck, 1984; Sarason et al., 1978), адаптированный на русский язык Н.В. Тарабриной с коллегами (Тарабрина, 2007). Данная методика представляет собой 38 описаний травматических ситуаций. Испытуемому необходимо отметить те ситуации, которые он переживал в своей жизни, а также оценить их продолжающееся влияние за последний год. По результатам опросника подсчитывался индекс травматичности.

2. Для измерения *уровня актуального ПБ и оценки выраженности его отдельных компонентов* использовалась «Шкала психологического благополучия (ШПБ)» К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко (2005). Опросник содержит пункты, образующие 6 шкал, ответы по которым оцениваются с помощью классических ключей: «Позитивные отношения с окружающими», «Автономия», «Управление средой», «Личностный рост», «Цели в жизни», «Самопринятие», и 4 шкалы, полученные путем факторизации пунктов опросника Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко: «Баланс аффекта», «Осмысленность жизни», «Человек как открытая система», «Автономия». Бланк методики представляет собой список утверждений, респонденту необходимо выразить степень своего согласия или несогласия с тем или иным утверждением, поставив отметку на шкале, содержащей 6 возможных градаций от «абсолютно согласен» до «абсолютно не согласен».

3. Для оценки *интенсивности психопатологических симптомов* применялся «Опросник выраженности психопатологической симптоматики» — *Symptom Check List-90-r-Revised, SCL-90-R* (Derogatis et al., 1973) в адаптации Н.В. Тарабриной с коллегами (Тарабрина, 2007). Опросник содержит 90 вопросов, интерпретация происходит по 9 основным шкалам симптоматических расстройств (соматизация, обсессивность-компульсивность, межличностная сензитивность, депрессия, тревожность, враждебность, фобическая тревожность, паранойяльные тенденции, психотизм) и 3 обобщенным шкалам — общий индекс тяжести симптомов, индекс наличного симптоматического дистресса, общее число утвердительных ответов.

4. *Степень выраженности посттравматической симптоматики* определялась по Миссисипской шкале (МШ, гражданский вариант) — *Mississippi Scale (civilian version)*, (Keane et al., 1987, 1988) в адаптации Н.В. Тарабриной с коллегами (Тарабрина, 2007). Методика представляет собой список из 39 утверждений, каждое из которых оценивается по 5-балльной системе Лайкерта с выбором ответов от «совершенно неверно» до «совершенно верно».

Итоговый результат выводится путем суммирования баллов и позволяет выявить степень воздействия на индивида перенесенного травматического опыта.

Обработка данных осуществлялась с помощью программного пакета STATISTIKA.

Результаты и обсуждение

Для проверки гипотезы выборка была разделена на две группы по показателю Индекс травматизации (ИТ) методики *LEQ* (медианный критерий): N (n=55) — норма, респонденты с ИТ ≤ 1.6 балла и T (n=68) — респонденты с ИТ ≥ 1.7 балла. С целью подтверждения правильности этого разделения было проведено сравнение показателей групп по методикам МШ и *SCL-90-R* (табл. 1). Сравнение показало, что в T-группе выше общий балл по МШ. По методике *SCL-90-R* в T-группе показатели по обсессивности-компульсивности, депрессии, тревожности, паранойяльным тенденциям, психотизму, по

Таблица 1

Различия между группами N и T по показателям методик МШ и *SCL-90-R*

Методика	Показатели	Сумма рангов		U	p-level
		N-группа	T-группа		
МШ	Общий балл	3022.5	4603.5	1441.5*	.04*
SCL-90-R	SOM (соматизация)	3184.5	4441.5	1608.0	.23
	O-C (обсессивность-компульсивность)	2998.0	4628.0	1415.5*	.03*
	INT (межличностная сензитивность)	3236.0	4390.0	1644.0	.31
	DEP (депрессия)	2985.5	4640.5	1394.5*	.02*
	ANX (тревожность)	2844.0	4782.0	1265.0*	.003*
	HOS (враждебность)	3165.0	4461.0	1574.5	.17
	PHOB (фобическая тревожность)	3103.0	4523.0	1523.0	.10
	PAR (паранойяльные тенденции)	2802.0	4824.0	1225.5*	.002*
	PSY (психотизм)	2906.0	4720.0	1322.0*	.007*
	ADD (общий индекс тяжести симптомов)	3055.5	4570.5	1467.0	.053
	GSI (общий индекс тяжести симптомов)	2927.5	4698.5	1339.0*	.009*
	PST (общее число утвердительных ответов)	2976.0	4650.0	1388.5*	.019*
	PSDI (индекс наличного симптоматического дистресса)	2717.0	4909.0	1130.0*	.00*

Примечание. Здесь и в других таблицах: * — различия значимы при $p < 0.05$.

общему индексу наличного симптоматического дистресса оказались значимо более высокими по сравнению с N-группой. Это подтверждает правильность разделения респондентов на группы.

Изучение ПБ в контексте исследования посттравматического стресса предполагает прежде всего выявление различий между группами N и T по показателям методики ШПБ. Такие различия были выявлены по шкалам «Самопринятие», «Баланс аффекта» и по общему баллу ПБ, что в целом подтверждает выдвинутую нами гипотезу и соответствует данным многочисленных исследований о важности вклада показателя «Баланс аффекта» в общий фактор ПБ (табл. 2). Уверенность в этом выводе основана на том, что позитивные и негативные чувства и их соотношение являются наиболее точными показателями состояния человека, его отношения к миру и наличия/отсутствия у него внутреннего спокойствия и комфорта. В исследованиях, проводимых в лаборатории психологии посттравматического стресса Института психологии РАН, показано, что внутренний комфорт, который переживается людьми как чувство стабильности, равновесия и спокойствия, выступает одним из показателей психологической безопасности и ПБ (Дымова и др., 2015; Харламенкова, 2012). Это состояние может быть не только спонтанным, но и регулируемым (Падун, Климова, 2014).

Таблица 2

Различия между группами N и T по показателям методики ШПБ и коэффициенты корреляции Спирмена (R_s) между показателями методик ШПБ и МШ по всей выборке

Методика ШПБ	Показатели	Сумма рангов		U	p-level	Корреляции с общим баллом МШ	
		N-группа	T-группа			R_s	p-level
Классические ключи	Позитивные отношения с окружающими	3731.0	3895.0	1533.5	.11	-.35*	.00
	Автономия-1	3538.0	4088.0	1693.5	.44	-.06	.53
	Управление средой	3741.5	3884.5	1505.0	.08	-.34*	.00
	Личностный рост	3264.0	4362.0	1699.0	.46	-.29*	.001
	Цели в жизни	3520.5	4105.5	1723.5	.54	-.42*	.00
	Самопринятие	3862.0	3764.0	1377.5*	.02*	-.43*	.00
	Общий балл ПБ	4052.0	3574.0	1195.0*	.001*	-.15	.09
Новые ключи	Баланс аффекта	2927.0	4699.0	1359.5*	.013*	.42*	.00
	Осмысленность жизни	3505.5	4120.5	1730.5	.56	-.37*	.00
	Человек как открытая система	3385.5	4240.5	1802.5	.83	-.13	.15
	Автономия-2	3411.5	4214.5	1822.0	.91	-.01	.92

Несмотря на убедительность полученных результатов, показатели по методике ШПБ были дополнительно прокоррелированы с общим баллом по МШ (табл. 2). По всей выборке значимая корреляционная связь была обнаружена между показателем методики ШПБ и такими параметрами методики ШПБ, как: позитивные отношения с окружающими ($r_s=-0.35$), управление средой ($r_s=-0.34$), личностный рост ($r_s=-0.29$), цели в жизни ($r_s=-0.42$), самопринятие ($r_s=-0.43$), баланс аффекта ($r_s=0.42$), осмысленность ($r_s=-0.37$). Эти результаты дополняют полученные выше различия между группами N и T по показателям ПБ.

Полученные нами данные восполняют психологическую картину посттравматического стресса, указывая на то, что психологические последствия влияния стрессоров высокой интенсивности нарушают социальное функционирование субъекта: отношения с окружающими меняются и становятся менее доверительными и тесными, а часто даже конфликтными. Человек теряет способность регулировать социальные связи, становится раздражительным, агрессивным, обидчивым. Одновременно с этими изменениями наблюдается сужение временной перспективы, ограничение функции планирования, которые ведут к стагнации и инволюционным процессам, к потере смысла собственной жизни. Существенные изменения происходят и в области самосознания личности. Согласно полученным результатам посттравматический стресс сопряжен с низким уровнем самопринятия, с отчуждением личности от собственного Я. Из этого следует, что актуализация ПБ как ресурса совладания с жизненными трудностями ограничена и, по видимому, может выступать регулятором воздействия на человека умеренных по интенсивности стрессоров; при влиянии стрессоров высокой интенсивности, которое выражается в появлении симптомов посттравматического стресса, уровень ПБ снижается.

При исследовании ПБ ожидалось, что у респондентов с разным по интенсивности посттравматическим стрессом обнаружатся различия по параметру автономии, тем более что участниками исследования стали солдаты срочной службы, которые объективно испытывают ограничения своей самостоятельности. Однако ни корреляционный анализ данных, ни другие статистические методы не позволили обнаружить связь автономии с общим баллом по МШ. Для дальнейшего изучения этой проблемы был использован кластерный анализ (*K-means clustering*). В качестве переменных были выбраны два показателя — автономия (шкала Автономия-1) и общий балл по МШ. В результате выделились три кластера. Для респондентов первого кластера ($n=52$) характерны низкие значения по шкале автономии (53.8) и средние — по МШ (75.6). Можно предположить, что низкий уровень автономии у 42.3% выборки

Различия между кластерами по показателям методик ШПБ, МШ, SCL-90-R и LEQ

Показатели	Кластеры 1 и 3			Кластеры 1 и 2			Кластеры 2 и 3			
	Сумма рангов	U	P	Сумма рангов	U	P	Сумма рангов	U	P	
Показатели методики ШПБ										
Позитивные отношения	2076	2202	698 .01*	2229	1257	761	875	1680	379	.01*
Автономия	1689	2588	311 .00*	1598	1888	220	1214	1342	522	.26
Управление средой	2173	2105	795 .10	2288	1197	701	913	1642	417	.02*
Личностный рост	1865	2413	487 .00*	2008	1477	630	896	1659	400	.01*
Цели в жизни	1964	2314	586 .00*	2340	1146	650	764	1791	268	.00*
Самопринятие	1952	2326	574 .00*	2208	1278	782	806	1750	310	.00*
Общий балл ПБ	2208	2070	830 .09	2121	1364	743	1021	1535	525	.27
Баланс аффекта	2767	1511	691 .01*	1967	1518	589	1473	1082	262	.00*
Осмысленность жизни	2028	2250	650 .01*	2250	1236	740	808	1747	312	.00*
Человек как открытая система	2183	2094	805 .06	2087	1398	709	1075	1480	579	.64
Автономия	3047	1231	411 .00*	2703	783	287	1001	1554	505	.18
Показатели методик МШ и SCL-90-R										
Общий балл МШ	3362	915	95 .00*	1542	1944	164	1736	820	20	.00*
Соматизация	2446	1831	1011 .82	2012	1473	634	1291	1264	444	.04*
Обсессивность-компульсивность	2701	1576	756 .02*	2078	1407	700	1368	1188	368	.00*
Межличностная чувствительность	2692	1586	766 .03*	1998	1488	620	1440	1116	296	.00*
Депрессия	2775	1503	683 .01*	1971	1515	593	1470	1086	266	.00*
Тревожность	2681	1597	777 .04*	2017	1468	639	1409	1146	326	.00*
Враждебность	2556	1721	901 .27	1847	1638	469	1442	1113	293	.00*
Фобическая тревожность	2599	1679	859 .15	2153	1332	775	1234	1321	501	.17
Паранойальные тенденции	2837	1440	620 .01*	1957	1528	579	1511	1045	225	.00*
Психотизм	2750	1528	708 .01*	1947	1538	569	1469	1087	267	.00*
Общий индекс тяжести симптомов	2662	1616	796 .06	1936	1550	558	1465	1090	270	.00*
Показатели методики LEQ										
Количество травматических событий	2551	1726	906 .29	1943	1542	565	1390	1166	346	.00*
Сумма влияния травматических событий	2538	1740	920 .34	1954	1532	576	1364	1191	371	.00*
Индекс травматизации	2498	1780	960 .52	2069	1416	691	1253	1303	483	.11

объясняется условиями, в которых находятся солдаты-срочники, либо какими-то другими причинами. Респонденты, входящие во второй кластер (n=31, 25.2%), характеризуются высокими показателями как по автономии (64.6), так и по МШ (87.7). Для третьего кластера (n=40, 32.5%) типичны средние значения по автономии (62.7) и низкие — по МШ (63.2).

В табл. 3 представлены результаты попарного сравнения трех кластеров по всем методикам. Важно отметить, что по сравнению с первыми двумя кластерами в кластере 3 наблюдаются высокие значения практически по всем шкалам ШПБ. Также значительные различия выявлены по методикам SCL-90-R и МШ.

Сравнение двух других групп (кластеров 1 и 2) показало, что они различаются между собой по ШПБ (шкалы автономии и баланса аффекта), но, как было показано выше, демонстрируют более низкие показатели по сравнению с кластером 3. По остальным методикам различия оказались более выраженными. Для кластера 1 (низкая автономия и средний уровень посттравматического стресса) типичны соматизация, тревожность, фобическая тревожность, психотизм. Также в этой группе более высокий общий показатель наличного симптоматического дистресса и выше количество травматических событий и общий уровень их влияния на человека (по LEQ).

Неспособность регулировать аффективные состояния, по-видимому, зависит не только от интенсивности посттравматического стресса, но и от чувства внутренней независимости, от ощущения собственной аутентичности и суверенности. Из этого следует, что при высоких значениях посттравматического стресса наблюдается выраженная психопатологическая симптоматика и психологическое неблагополучие, которое не всегда коррелирует с ощущением зависимости и подчиненности. Исследование показало, что если человек с высоким уровнем посттравматического стресса автономен, склонен к независимым решениям и поступкам, может самостоятельно регулировать собственное поведение (кластер 2), то показатели психологической симптоматики и психологического неблагополучия становятся менее выраженными, однако степень переживания посттравматического стресса при этом автоматически не снижается. Полученные данные согласуются с результатами ранее проведенных исследований (Тарабрина, 2009).

Можно предположить, что автономность «сдерживает» сопутствующую посттравматическому стрессу психопатологическую симптоматику, но недостаточна для совладания с самим стрессом и, по-видимому, может быть более ресурсной при наличии у человека дополнительных возможностей, например потребности в социальной поддержке и ее удовлетворении. Ж.-М. Кинодо пишет, что

ощущение личной ответственности изменяет природу зависимости от других людей, она становится «зрелой» зависимостью. Используя термин «портанс» для наименования такого типа отношений, он отмечает, что «автономия и независимость, характеризующие “зрелую” зависимость и портанс, не означают освобождение от объекта, что относится к параноидно-шизоидной двойственности прилипания/убегания в отношениях с объектом: “зрелая” зависимость предоставляет себе и объекту свободу приходить и уходить» (Кинодо, 2008, с. 222—223).

Сказанное выше можно кратко сформулировать так: наличие у субъекта чувства собственной автономии может помочь ему редуцировать посттравматические симптомы, но при условии, что он будет иметь потребность в другом человеке и у него будет возможность обращаться к этому человеку за помощью. Этот вывод, однако, следует рассматривать только в качестве гипотезы, которая может быть верифицирована/фальсифицирована при решении новых научных задач.

Выводы

В целом полученные результаты полностью подтвердили взаимосвязь психопатологической симптоматики, уровня посттравматического стресса, интенсивности переживания психотравмирующих событий и ПБ. Важно отметить, что в исследовании принимали участие здоровые испытуемые, чьи показатели во всех сравниваемых группах находились в пределах нормативных значений, и это определяет возможность формулирования общепсихологических закономерностей.

1. Установлена значимая обратная связь между психологическим благополучием, интенсивностью посттравматического стресса и переживанием психотравмирующих событий.

2. Показано, что интенсивный посттравматический стресс связан с различными психопатологическими симптомами — соматизацией, обсессивностью-компульсивностью, межличностной сензитивностью, депрессией, тревожностью, паранойальностью и психотизмом.

3. Наличие у человека чувства автономии препятствует развитию сопутствующих посттравматическому стрессу психопатологических симптомов, поддерживает ПБ, но без дополнительных ресурсов не может направленно влиять на уровень психической травматизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дымова Е.Н., Тарабрина Н.В., Харламенкова Н.Е. Психологическая безопасность и травматический опыт как модуляторы поиска социальной поддержки в трудной жизненной ситуации // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 5—17.

Кинодо Ж.-М. Приручение одиночества. М.: Когито-Центр, 2008.

Маришук Л.В., Пыжьянова Е.В. Удовлетворенность качеством жизни как критерий психологического здоровья // Психология XXI века: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (С.-Петербург, 24—26 апреля 2008 г.) / Под ред. Н.В. Гришиной. СПб., 2008. С. 457—459.

Падун М.А., Климова Л.А. Регуляция эмоций и психологическое благополучие // Психологическое здоровье и духовно-нравственные проблемы современного общества // Под ред. А.Л. Журавлева, М.И. Воловиковой, Т.В. Галкиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 242—256.

Тарабрина Н.В. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 2. М.: Когито-Центр, 2007.

Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса: Теория и практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Тарабрина Н.В., Быховец Ю.В., Бакусева Н.Н. К вопросу о вкладе уровня психологического благополучия личности в переживание террористической угрозы // Актуальные проблемы клинической и прикладной психологии: Мат-лы I Междунар. науч.-практ. конф. (Владивосток, 11—13 декабря 2009 г.) / Отв. ред. Н.А. Кравцова, Р.В. Кадыров. Владивосток, 2009. С. 86—87.

Тарабрина Н.В., Быховец Ю.В., Казымова Н.Н. Специфика психологического благополучия в группах респондентов с различной интенсивностью переживания террористической угрозы // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2012. № 2. С. 22. URL: <http://psystudy.ru>

Харламенкова Н.Е. Личностная безопасность и стратегии ее достижения // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 133—159.

Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95—129.

Bradburn N.M. The structure of psychological well-being. Chicago: Aldine Pub. Co., 1969.

Cavanagh S.R., Fitzgerald E.J., Urry H.L. Emotion reactivity and regulation are associated with psychological functioning following the 2011 earthquake, tsunami, and nuclear crisis in Japan // Emotion. 2014. Vol. 14. N 2 (Apr). P. 235—240.

Charles S.T., Reynolds Ch.A., Gatz M. Age-related differences and change in positive and negative affect over 23 years // Journal of Personality and Social Psychology. 2001. Vol. 80. N 1 (Jan). P. 136—151.

Derogatis L.R., Lipman R.S., Covi L. SCL-90: An outpatient psychiatric rating scale – Preliminary report // Psychopharmacology Bulletin. 1973. Vol. 9. N 1. P. 13—27.

Frazier P., Greer Ch., Gabrielsen S. et al. The relation between trauma exposure and prosocial behavior // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2013. Vol. 5. N 3 (May). P. 286—294.

Hawdon J., Ryan J. Well-being after the Virginia Tech mass murder: The relative effectiveness of face-to-face and virtual interactions in providing support to survivors // Traumatology. 2012. Vol. 18. N 4 (Dec). P. 3—12.

Hoeltherhoff M., Chung M.Ch. Death anxiety and well-being; coping with life-threatening events // Traumatology. 2013. Vol. 19. N 4 (Dec). P. 280—291.

Keane T.M., Wolfe J., Taylor K.L. PTSD: Evidence for diagnostic validity and methods of psychological assessment // Journal of Clinical Psychology. 1987. Vol. 43. P. 32—43.

Keane T.M., Caddell J.M., Taylor K.L. Mississippi scale for combat-related PTSD: Three studies in reliability and validity // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1988. Vol. 56. N 1. P. 85—90.

Norbeck J.S. Modification of recent life event questionnaires for use with female respondents // Research in Nursing and Health. 1984. N 7. P. 61—71.

Ryff C. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 57. N 6 (Dec). P. 1069—1081.

Ryff C., Keyes C. The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69. N 4 (Oct). P. 719—727.

Sarason I.G., Johnson J.H., Siegel J.M. Assessing the impact of life changes: Development of the life experiences survey // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1978. Vol. 46. P. 932—946.

Warr P.B., Barter J., Brownbridge G. On the independence of positive and negative affect // Journal of Personality and Social Psychology. 1983. Vol. 44. N 3 (Mar). P. 644—651.

Zautra A.J., Guarnaccia Ch.A., Reich J. Factor structure of mental health measures for older adults // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1988. Vol. 56. N 4 (Aug). P. 514—519.

Поступила в редакцию
23.01.15

С. А. Капустин

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО КРИТЕРИЯ ДЛЯ ОЦЕНКИ ЛИЧНОСТИ ГИПЕРОПЕКАЮЩИХ И СВЕРХТРЕБОВАТЕЛЬНЫХ РОДИТЕЛЕЙ В СЕМЬЯХ КЛИЕНТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОНСУЛЬТАЦИИ ПО ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИМ ПРОБЛЕМАМ

В статье приводятся результаты апробации экзистенциального критерия нормальной и аномальной личности для оценки личности гиперопекающих и сверхтребовательных родителей в 176 семьях клиентов психологической консультации. Показано, что стили родительского воспитания гиперопека и сверхтребовательность свидетельствуют об односторонности позиций, занимаемых этими родителями в воспитании своих детей, по отношению к определенным экзистенциальным дихотомиям. Позиция гиперопекающих родителей является односторонней по отношению к экзистенциальной дихотомии *помощи и самостоятельности*. Позиция сверхтребовательных родителей является односторонней по отношению одновременно к трем классическим экзистенциальным дихотомиям: *природы и культуры, самоактуализации и условных ценностей, детерминизма и самоопределения*. Для выявления особенностей межличностных отношений прародителей с родителями в детстве использовался тест диагностики межличностных отношений Л.Н. Собчик. Для диагностики личностных особенностей родителей использовался тест М. Люшера. Результаты этих тестов позволили предположить, что формирование таких односторонних воспитательных позиций у гиперопекающих и сверхтребовательных родителей во многом происходило под влиянием «чрезмерно вмешивающейся» воспитательной позиции прародителей, которая присваивалась ими иррационально и впоследствии воспроизводилась в воспитании своих детей в виде гиперопеки или сверхтребовательности. В соответствии с экзистенциальным критерием указанные особенности воспитательных позиций гиперопекающих и сверхтребовательных родителей позволяют сделать вывод об аномальности их личности.

Ключевые слова: нормальная личность, аномальная личность, экзистенциальные дихотомии, стили родительского воспитания, гиперопека, сверхтребовательность, детско-родительские проблемы.

Капустин Сергей Александрович — канд. психол. наук, доцент кафедры методологии психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* skapustin@mail.ru

The article presents the results of applying of existential criterion of normal and abnormal personality to assess the personality of the overprotecting and overexacting parents in 176 families, who visited psychological consultation. It is shown that the styles of parenting “overprotection” and “overexactingness” indicate the one-sidedness of parental position in the education of their children concerning the certain existential dichotomies. Overprotecting parent’s position is one-sided towards existential dichotomy *help and autonomy*. Overexacting parent’s position is one-sided simultaneously towards the three classical existential dichotomies: *nature and culture, self-actualization and conventional values, determinism and self-determination*. Test for assessment of interpersonal relations by Sobchik L.N. was used to identify the characteristics of interpersonal relationships progenitors with parents in childhood. M. Luscher’s test was used to identify the characteristics of parent personalities. The results of these tests allowed to suppose that such one-sided educational positions of the overprotecting and overexacting parents has been formed under the influence of “excessively interfering” educational progenitors positions, which were irrationally assigned and later reproduced in the education of their children in the form of overprotection and overexactingness. Pointed out special aspects of the educational positions of the overprotecting and overexacting parents allow us in accordance with existential criterion to conclude about the abnormality of their personality.

Key words: normal personality, abnormal personality, existential dichotomy, parenting styles, overprotection, overexactingness, parent-child problems.

Описание экзистенциального критерия нормальной и аномальной личности

В более ранней нашей работе (Капустин, 2013) был описан новый критерий оценки личности как нормальной или аномальной, содержащийся в неявном виде в трудах Э. Фромма (1990, 1993а, б) и названный нами *экзистенциальным*. Согласно этому критерию нормальность/аномальность личности определяется особенностями *содержания и формирования* ее позиции по отношению к так называемым *экзистенциальным дихотомиям* — *объективно существующим и неустранимым противоречиям между разными сторонами жизни человека*. Позиция **нормальной** личности по содержанию может быть названа компромиссной, поскольку она ориентирует человека на противоречивую заданность его жизни в виде экзистенциальных дихотомий и на необходимость поиска компромисса в их разрешении; она формируется на рациональной основе и при активном участии самого человека (основана на его собственном опыте и разуме и является результатом его самоопределения). Позиция **аномальной** личности по содержанию характеризуется отрицанием заданности человеческой жизни в виде экзистенциальных дихотомий и ориентирует человека на непротиворечивый,

безальтернативный и, следовательно, односторонний способ жизни. Она навязывается человеку другими людьми на иррациональной основе и не предполагает его самоопределения.

В той же работе на основе анализа теорий личности З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, К. Роджерса и В. Франкла нами было показано, что данный критерий неявно присутствует в описаниях личности, предрасположенной и не предрасположенной к возникновению жизненных проблем или психических расстройств, но выступает в более частных вариантах — по отношению к таким конкретным дихотомиям, как природа и культура (З. Фрейд), превосходство и общность (А. Адлер), противоположности (К. Юнг), самоактуализация и условные ценности (К. Роджерс), детерминизм и самоопределение (В. Франкл).

Дихотомия *природы и культуры*, содержащаяся в работах З. Фрейда (1989), состоит в том, что человек как природное существо должен жить в соответствии со своей биологической природой, подчиняясь естественным требованиям сексуальных влечений, а как член общества он должен жить в соответствии со своей социальной природой, подчиняясь морально-эстетическим требованиям, предъявляемым обществом к объектам этих влечений и способам их удовлетворения. Дихотомия *превосходства и общности*, содержащаяся в работах А. Адлера (1993), состоит в том, что, с одной стороны, в соответствии с мотивом достижения превосходства над другими людьми, возникающим у человека в качестве компенсации чувства неполноценности, его жизнь направлена на достижение этого превосходства, конфронтацию с другими людьми, получение различного рода преимуществ для себя лично, а с другой стороны, в соответствии с врожденным мотивом чувства общности он должен жить в единении с другими людьми, ради их блага, подчиняя свои личные интересы интересам общества. Дихотомии *противоположностей*, содержащиеся в работах К. Юнга (1994), характеризуют, с его точки зрения, природу человеческой жизни. Поскольку противоречия могут возникать не только между противоположными, но и между любыми другими несовместимыми сторонами действительности, то из этого следует, что дихотомии противоположностей можно рассматривать как более узкий класс экзистенциальных дихотомий. Примером может служить противоречие между сознательными установками человека и противоположными требованиями со стороны его бессознательного. Дихотомия *самоактуализации и условных ценностей*, содержащаяся в работах К. Роджерса (Роджерс, 1994; Rogers, 1959), состоит в том, что человек должен, с одной стороны, реализовывать в своем личностном развитии врожденную тенденцию к самоактуализации, а с другой — соответствовать условным ценностям, навязываемым ему другими

людьми, что является условием удовлетворения его потребности в положительном к нему отношении со стороны окружающих. Дихотомия *детерминизма и самоопределения*, содержащаяся в работах В. Франкла (1990), состоит в том, что человек должен жить, с одной стороны, в соответствии со своей биологической и социальной природой, подчиняясь различного рода природным, психологическим и общественным влияниям, а с другой — в соответствии со своей духовной природой как существо свободное и ответственное за самоопределение в смыслах своей жизни.

Цель и задачи исследования

В ходе исследования 176 семей, обратившихся в психологическую консультацию по детско-родительским проблемам, нами были выявлены и описаны основные используемые в этих семьях стили родительского воспитания — гиперопека и сверхтребовательность (Капустин, 2014). Цель настоящего исследования — апробация экзистенциального критерия для оценки нормальности/аномальности личности гиперопекающих и сверхтребовательных родителей. Для достижения этой цели предполагалось решить две задачи: 1. Выявить особенности содержания позиций, занимаемых гиперопекающими и сверхтребовательными родителями в воспитании своих детей. 2. Выявить особенности формирования у них этих позиций.

Характеристика выборки. В большинстве случаев семьи были полными с одним или двумя детьми. В консультацию обращались преимущественно матери (одни или с мужьями) по поводу проблем с единственным ребенком или с одним из детей. Возраст родителей — от 27 до 53 лет. Наиболее типичные проблемы, которые беспокоили родителей, — это частые конфликты ребенка с учителями, сверстниками или членами семьи.

Результаты и обсуждение

1. Особенности содержания воспитательных позиций гиперопекающих и сверхтребовательных родителей

Анализ показывает, что стили воспитания гиперопека и сверхтребовательность обладают определенным сходством: для обоих характерно чрезмерно активное вмешательство родителей в жизнь своих детей. Различия между этими стилями и их специфические особенности можно описать по трем составляющим — когнитивной, эмоциональной и поведенческой.

Когнитивная составляющая *гиперопеки* выражается в том, что родители рассматривают своего ребенка как очень дорогое и вместе с тем слабое, беспомощное существо, жизнь которого переполнена трудностями и опасностями, в связи с чем он нуждается в постоянной помощи. Ее эмоциональная составляющая характеризует взаимоотношения между родителями и детьми как очень близкие, теплые, доверительные и доброжелательные. Поведенческая составляющая заключается в активном вмешательстве родителей в жизнь своих детей в виде оказания им помощи действиями или советами в решении повседневных задач.

Когнитивная составляющая *сверхтребовательности* выражается в том, что родители рассматривают ребенка как объект воспитания, как своего рода сырой материал, из которого необходимо сделать полноценного человека с определенными желаемыми для них качествами, важными, по их мнению, для успешной жизни в обществе. Свою родительскую миссию они видят в том, чтобы сформировать у него эти качества. Эмоциональная составляющая в целом характеризуется большей дистанцией во взаимоотношениях по сравнению с гиперопекой. При этом степень эмоциональной близости родителей к своим детям зависит от того, насколько поведение детей соответствует их требованиям и может соответственно меняться, т.е. в их эмоциональном отношении всегда присутствует элемент условности. Если ребенок ведет себя так, как хотят родители, то отношения между ними более близкие, и наоборот — если ребенок не соответствует их представлениям о том, каким он должен быть, то степень эмоциональной близости к ребенку уменьшается вплоть до стойкого неприятия и отвержения. В отличие от сверхтребовательности при гиперопеке эмоциональная близость более постоянна и безусловна. Поведенческая составляющая сверхтребовательности так же, как и при гиперопеке, заключается в чрезмерно активном вмешательстве родителей в жизнь ребенка, однако это вмешательство осуществляется уже не в виде помощи, а в виде требований, игнорирующих его собственные интересы и желания. Предъявляя к ребенку определенные требования, родители строго контролируют их исполнение, а в случае неисполнения применяют различного рода санкции — от мягкого осуждения до сурового наказания.

На основании этих результатов можно сделать вывод об односторонности содержания позиций, занимаемых гиперопекающими и сверхтребовательными родителями в воспитании своих детей по отношению к определенным экзистенциальным дихотомиям, что, согласно экзистенциальному критерию, является одним из существенных признаков аномальности их личности.

Позиция гиперопекающих родителей является односторонней по отношению к экзистенциальной дихотомии, которую можно обозначить как дихотомия помощи и самостоятельности. Ее суть заключается в следующем: с одной стороны, ребенок для полноценного развития нуждается во всесторонней помощи взрослых членов общества, прежде всего своих родителей; с другой стороны, как считают, например, Э. Фромм (1993) и В. Франкл (1990), природе человеческой жизни свойственно самоопределение, которое, напротив, предполагает самостоятельный способ жизни человека без помощи других людей, с опорой исключительно на собственные способности, жизненный опыт и разум.

Наиболее явно эта односторонность проявляется, на наш взгляд, в когнитивной составляющей гиперопеки (см. выше). Гиперопекающие родители игнорируют тот факт, что в конечном итоге их помощь ребенку должна заключаться в том, чтобы он преодолел свою природную беспомощность и начал жить самостоятельно.

Односторонность позиции сверхтребовательных родителей проявляется также в наибольшей степени в когнитивной составляющей. Родители рассматривают ребенка как объект воспитания, как своего рода сырой материал, из которого необходимо сделать полноценного человека с определенными качествами, важными, по их мнению, для успешной жизни в обществе.

Как известно из работ З. Фрейда (1989), чрезмерная социализация ребенка, которая как раз и наблюдается при сверхтребовательности, зачастую приводит к излишнему подавлению природных влечений. Как указывал К. Роджерс (Роджерс, 1994; Rogers, 1959), чрезмерное навязывание ребенку родителями условных ценностей, т.е. таких ценностей, которые желательны в первую очередь для них самих и присвоение которых является для ребенка условием положительного отношения к нему родителей, способствует подавлению у него тенденции к самоактуализации. С точки зрения В. Франкла (1990), чрезмерное детерминирующее влияние, оказываемое родителями на своего ребенка, как это имеет место при сверхтребовательности, препятствует его самоопределению. Поэтому мы можем охарактеризовать личность сверхтребовательных родителей по сравнению с гиперопекающими как гораздо более аномальную, имея в виду то, что эти родители занимают в воспитании своих детей одностороннюю позицию по отношению одновременно к трем классическим экзистенциальным дихотомиям: природы и культуры, самоактуализации и условных ценностей, детерминизма и самоопределения, которые были выявлены и описаны нами ранее (Капустин, 2013).

2. Особенности формирования воспитательных позиций гиперопекающих и сверхтребовательных родителей

В связи с тем, что экзистенциальный критерий нормальности/аномальности личности включает в себя характеристику не только содержания позиции, занимаемой человеком по отношению к экзистенциальным дихотомиям, но и ее формирования, нас конечно же интересовал вопрос, почему у родителей сформировались такие позиции. Для получения ответа на этот вопрос мы предприняли попытку выявить отдельные факторы, которые могли повлиять на их формирование. По нашему предположению, важнейшими из них являются черты личности родителей и особенности их взаимоотношений со своими родителями в детстве (во избежание терминологической путаницы мы будем в дальнейшем называть родителей родителей прародителями).

Для проверки этого предположения рассмотрим результаты тестирования 104 гиперопекающих и сверхтребовательных родителей. Для выявления их личностных особенностей использовался восьмицветовой тест М. Люшера (1997). Особенности их взаимоотношений со своими родителями в детстве выявлялись с помощью теста «Диагностика межличностных отношений (ДМО)» Т. Лири в адаптации Л.Н. Собчик (1998). Тест ДМО состоит из 8 шкал, номера которых соответствуют определенным стилям межличностных отношений, имеющим следующие названия: 1. Властно-лидирующий. 2. Независимо-доминирующий. 3. Прямолинейно-агрессивный. 4. Недоверчиво-скептический. 5. Покорно-застенчивый. 6. Зависимопослушный. 7. Сотрудничающе-конвенциальный. 8. Ответственно-великодушный. Стили 1 и 5, 2 и 6, 3 и 7, 4 и 8 по содержанию противоположны друг другу.

По результатам теста ДМО гиперопекающие и сверхтребовательные родители разделились на две группы. К одной группе относились родители, у которых показатели теста для обоих прародителей не превышали 8 баллов по всем 8 шкалам. Как считает Л.Н. Собчик (1998), такие показатели свидетельствуют о гармоничных межличностных отношениях обоих прародителей с родителями в детстве, т.е. об их умении совмещать в межличностных отношениях различные стили, соблюдая при этом меру в степени их выраженности. К другой группе относились родители, у которых показатели теста хотя бы для одного прародителя и по одной шкале были 9 и более баллов. Такие показатели, по мнению Л.Н. Собчик (1998), указывают на наличие акцентуаций в их стилях межличностных отношений. Из табл. 1, где приведены результаты этой классификации, следует, что в прародительских семьях гипер-

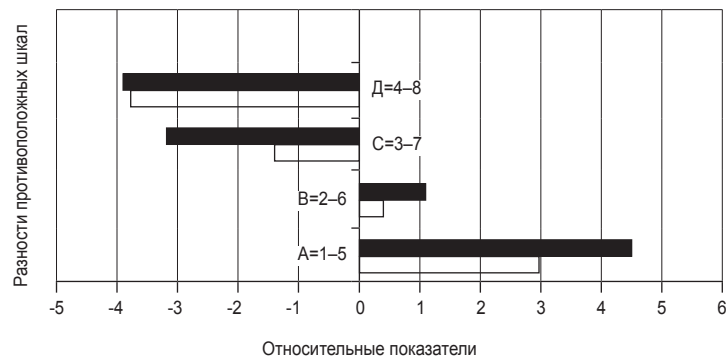
Таблица 1

Частоты встречаемости (в %) гармоничных и акцентуированных стилей межличностных отношений прародителей с гиперопекающими и сверхтребовательными родителями в детстве

Родители	Стили межличностных отношений прародителей с родителями в детстве	
	Гармоничный	Акцентуированный
Гиперопекающие (N=49)	20	80
Сверхтребовательные (N=46)	22	78
Σ (N=95)	21	79

ропекающих и сверхтребовательных родителей акцентуированные стили межличностных отношений встречались почти в 4 раза чаще гармоничных стилей.

При оценке результатов теста ДМО его разработчики рекомендуют ориентироваться не столько на абсолютные показатели, сколько на преобладание одних показателей над противоположными. Поскольку данный тест диагностирует 4 пары противоположных межличностных отношений, то достаточно очевидно, что степень выраженности каждого из этих видов межличностных отношений будет зависеть от того, насколько он скомпенсирован противоположным видом. Поэтому, в соответствии с рекомендациями Л.Н. Собчик (1998), для всех прародителей, у которых были выявлены по тесту ДМО акцентуированные стили межличностных отношений с родителями в детстве, отдельно по группам гиперопе-

Относительные показатели теста ДМО у гиперопекающих (N=65; белые столбики) и сверхтребовательных (N=54; черные столбики) родителей из групп с акцентуированными стилями межличностных отношений прародителей

кающих и сверхтребовательных родителей мы вычислили относительные показатели этого теста, представляющие собой усредненные разности его числовых значений по всем парам противоположных шкал: A=1—5, B=2—6, C=3—7, D=4—8.

Как видно на рисунке, максимальные различия наблюдаются между шкалами 1 и 5 (3.0 — у гиперопекающих родителей и 4.5 — у сверхтребовательных), а также между шкалами 4 и 8 (-3.8 — у гиперопекающих родителей и -3.9 — у сверхтребовательных), что указывает на то, что в прародительских семьях властно-лидирующий и ответственно-великодушный стили межличностных отношений наиболее акцентуированы.

Согласно Л.Н. Собчик (1998), ответственно-великодушному стилю межличностных отношений свойственны такие черты, как доброжелательность, мягкосердечие, эмоциональная вовлеченность, готовность сочувствовать и оказывать помощь, жертвенность, ответственность, обязательность. Если принять во внимание, что данный стиль межличностных отношений характеризует отношения родителей к своим детям, то нетрудно заметить его явное сходство по многим из этих черт с гиперопекой. Для властно-лидирующего стиля межличностных отношений, напротив, характерно доминирование, стремление вести за собой, подчинять своей воле других, давать советы, наставлять. Если рассматривать данный стиль межличностных отношений как свойственный родителям по отношению к своим детям, то также отмечается явное сходство характерных особенностей властно-лидирующих межличностных отношений с особенностями сверхтребовательности.

На основе этих результатов теста ДМО можно сделать вывод о том, что акцентуированные стили взаимоотношений прародителей с родителями в детстве, проявившиеся главным образом в виде гиперопеки и сверхтребовательности, которым, как указывалось ранее, свойственно чрезмерно активное вмешательство в жизнь детей, могут рассматриваться в качестве важнейших *внешних факторов*, оказавших влияние на формирование у гиперопекающих и сверхтребовательных родителей таких же «чрезмерно вмешивающихся» воспитательных позиций.

В табл. 2 представлены результаты теста М. Люшера отдельно для групп гиперопекающих и сверхтребовательных родителей. Порядок предпочтения цветов в каждой группе установлен на основании подсчета их средних рангов, как это принято для метода ранжирования.

Не вдаваясь в подробный анализ этих результатов, укажем лишь на то, что гиперопекающие и сверхтребовательные родители поставили фиолетовый цвет на второе место, что, по мнению М. Люшера (1997) и Л.Н. Собчик (1998), является значимым для диагностики

Таблица 2

**Результаты теста М. Люшера для гиперопекающих
(выборы I и II идентичны) и сверхтребовательных
(выборы I и II идентичны) родителей**

Порядок предпочтения	Гиперопекающие (N=56)	Сверхтребовательные (N=48)
1	зеленый	зеленый
2	фиолетовый	фиолетовый
3	желтый	желтый
4	красный	красный
5	синий	серый
6	серый	синий
7	коричневый	коричневый
8	черный	черный

событием, на которое обязательно следует обращать внимание. На первые две позиции этот цвет часто помещают люди, обладающие личностной чертой, которую можно обозначить как иррациональность, в соответствии с которой они руководствуются в своей жизни скорее желанием, эмоциями и чувствами, чем разумом. Поэтому им свойственны «иррациональность притязаний, нереальные требования к жизни, субъективизм» (Собчик, 1998, с. 221), что нередко является причиной их социальной дезадаптации.

С нашей точки зрения, эту личностную черту гиперопекающих и сверхтребовательных родителей можно рассматривать в качестве важнейшего личностного фактора, благоприятствующего иррациональному присвоению ими «чрезмерно вмешивающихся» воспитательных позиций, которыми в свое время руководствовались прародители.

Таким образом, результаты тестов ДМО и М. Люшера позволяют предположить, что на формирование воспитательных позиций гиперопекающих и сверхтребовательных родителей во многом могла оказать влияние, во-первых, воспитательная позиция прародителей (позиция чрезмерно активного вмешательства в их жизнь в детстве), а во-вторых, личностная черта самих родителей — иррациональность, способствующая некритическому присвоению ими этой «чрезмерно вмешивающейся» позиции прародителей с последующим ее использованием в гиперопекающем или сверхтребовательном стилях воспитания по отношению к своим детям. В соответствии с экзистенциальным критерием эти особенности формирования воспитательных позиций гиперопекающих и сверхтребовательных родителей могут рассматриваться в качестве второго существенного признака аномальности их личности.

Выводы

Результаты использования экзистенциального критерия для оценки личности гиперопекающих и сверхтребовательных родителей в семьях клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам позволяют сделать следующие выводы:

1. Описанные нами стили родительского воспитания гиперопека и сверхтребовательность свидетельствуют об односторонности позиций гиперопекающих и сверхтребовательных родителей, занимаемых ими в воспитании своих детей по отношению к определенным экзистенциальным дихотомиям. Позиция гиперопекающих родителей является односторонней по отношению к экзистенциальной дихотомии *помощи и самостоятельности*. Позиция сверхтребовательных родителей является односторонней по отношению одновременно к трем классическим экзистенциальным дихотомиям: *природы и культуры, самоактуализации и условных ценностей, детерминизма и самоопределения*.

2. Результаты теста ДМО, используемого для выявления особенностей межличностных отношений прародителей с родителями в детстве, и теста М. Люшера, используемого для диагностики личностных особенностей родителей, позволяют предположить, что формирование таких односторонних воспитательных позиций у гиперопекающих и сверхтребовательных родителей во многом происходило под влиянием «чрезмерно вмешивающейся» воспитательной позиции прародителей, которая присваивалась ими иррационально и впоследствии воспроизводилась в воспитании своих детей в виде гиперопеки или сверхтребовательности.

3. Использование экзистенциального критерия для оценки содержания и формирования воспитательных стилей гиперопека и сверхтребовательность выявляет у носителей этих стилей признаки аномальной личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Прагма, 1993.
- Капустин С.А. Экзистенциальный критерий нормальности и аномальности личности в классических направлениях психологии и психотерапии. М.: Когито-Центр, 2013.
- Капустин С.А. Стили родительского воспитания в семьях клиентов психологической консультации с детско-родительскими проблемами // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2014. № 4. С. 76—90.
- Люшер М. Цвет вашего характера. М.: РИПОЛ КЛАССИК, Вече, 1997.
- Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, Универс, 1994.

Собчик Л.Н. Введение в психологию индивидуальности. М.: Ин-т прикладной психологии, 1998.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1989.

Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990.

Фромм Э. Бегство от свободы. М.: МНПП «ЭСИ», 1993а.

Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993б.

Юнг К. Психология бессознательного. М.: Канон, 1994.

Rogers C.R. A theory of therapy, personality and interpersonal relationships as developed in the client-centered framework // Psychology: A study of a science / Ed. by S. Koch. N.Y.: McGraw-Hill Book Company, INC, 1959. Vol. 3. P. 184—256.

Поступила в редакцию
03.09.14

А. В. Монроз

ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ВОЛЕВЫХ КАЧЕСТВ НА РАННИХ ЭТАПАХ СТАНОВЛЕНИЯ ВОЛЕВОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ

Приводятся результаты дополнительного анализа данных ранее опубликованного исследования, посвященного изучению устойчивых способов волевой саморегуляции, на примере сочетания групп волевых качеств и их представленности в поведении детей до 11 лет. Обнаружены значимые возрастные изменения в волевой сфере детей начиная со старшего дошкольного возраста. Показано, что на ранних этапах становления волевой сферы наблюдаются индивидуально-типологические особенности. Формирование волевых качеств происходит неравномерно, можно выделить два основных типа их развития — «односторонний» и «гармоничный». Обнаружено постепенное увеличение числа детей с «гармоничным» типом соотношения волевых качеств ко 2-му и 3-му классу и повышение значимости личностных форм регуляции деятельности к 4-му классу СОШ.

Ключевые слова: волевая саморегуляция, волевые качества, возрастные различия, парциальность, «гармоничный» и «односторонний» типы развития.

The results of additional analysis of previously published research are presented. The main topic of this research is stable patterns of volitional self-regulation, by the example of comparison of differences of volitional traits' clusters and their intensity in the children behavior until 11 year-olds. Significant age-related changes in volitional sphere were demonstrated. It is shown that there are individually-typological features at early stages of formation of volitional sphere; volitional self-regulation development is a partial process; there are two ways of development of volitional traits ("harmonious" and "one-way" type). Quantity of children with "harmonious" combination of volitional traits is increase towards 2th-3th school grade and also the importance of personal forms of regulation of activity is increase to 4th class.

Key words: volitional self-regulation, volitional traits of personality, age differences, partial, "harmonious" and "one-way" models of development.

Монроз Анна Викторовна — аспирант кафедры психологии личности ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* avmonroz@gmail.com

Работа выполнена под руководством докт. психол. наук В.А. Иванникова.

Изучение *волевых качеств* (ВК) как устойчивых способов управления поведением занимает важное место при разработке проблемы становления волевой саморегуляции в онтогенезе. Опираясь на уровневую модель регуляторных систем (Иванников, 2006; Леонтьев, 2007), волевою саморегуляцией можно представить как личностный уровень произвольной саморегуляции деятельности, который начинает складываться в раннем детстве (Иванников, 2006). При этом развитие волевой регуляции деятельности и отдельных действий человека идет по двум линиям: с одной стороны, это становление способности к кратковременному ситуативному управлению, часто описываемой в литературе как волевое усилие, с другой — формирование устойчивых способов регуляции на основе ВК личности. Объединяет эти две линии опора на личностные средства, но в первом случае в основе регуляции деятельности лежит намеренное изменение смысла действий в актуальной ситуации, во-втором — смысловые установки личности, сформированные ранее в опыте (Иванников, 2006; Иванников и др., 2014).

При изучении особенностей становления ВК в онтогенезе внимание исследователей чаще обращено либо к ситуативной форме волевой саморегуляции, либо к формированию отдельных ВК в пределах определенного возрастного этапа (Ильин, 2009). В тоже время важной задачей является анализ особенностей темпа изменения различных ВК в их соотношении друг с другом. На сегодняшний день имеются литературные данные, указывающие на неравномерность формирования ВК в зависимости от особенностей нервной системы, социальной ситуации развития и профессионального самоопределения (Никифоров, 1985; Пасниченко, 1997; Пуни, 1969; Селиванов, 1974).

Задачей данного исследования была проверка гипотезы о парциальности формирования ВК на начальных этапах развития волевой саморегуляции деятельности. Эта задача решалась с помощью дополнительной обработки данных, полученных в ранее проведенном исследовании, посвященном различиям структуры ВК детей разного возраста и структуры ВК взрослых (Монроз, 2012). Кратко опишем цели, процедуру и результаты первого исследования.

Основными целями первого исследования были: 1. Выявление структурных особенностей ВК детей дошкольного и младшего школьного возрастов. 2. Анализ структурных изменений ВК детей за этот возрастной период. 3. Сопоставление полученных результатов с результатами исследования ВК на выборке взрослых (Иванников, Эйдман, 1990); особое внимание уделялось качествам морально-волевой регуляции деятельности.

В исследовании применялся метод возрастных срезов. Данные были получены с помощью экспертных оценок ВК детей 2—11

лет. В качестве экспертов выступали воспитатели детского сада и преподаватели младших классов СОШ (23 эксперта), каждый из которых оценивал всех детей своей группы по степени выраженности у них тех или иных ВК. Критерий отбора экспертов — знание оцениваемого ребенка не менее полугода, чтобы исключить оценку ситуативной волевой регуляции.

За основу была взята «Формализованная модификация методики самооценки Дембо—Рубинштейн» В.А. Иванникова и Е.В. Эйдмана (1990) в виде экспертных оценок. Список ВК, по которым оценивались дети в условных баллах от «0» до «100», состоял из 19 качеств, входящих в большинство известных классификаций: волевой, спокойный, целеустремленный, терпеливый, дисциплинированный, инициативный, обязательный, принципиальный, упорный, смелый, энергичный, самостоятельный, ответственный, решительный, настойчивый, деловитый, владеющий собой (выдержанный), организованный, терпеливый к боли и усталости. Всего было оценено 454 ребенка, из которых при анализе отдельных возрастных групп не учитывалась группа из 11 детей по причине отсутствия точных сведений об их возрасте.

В результате были обнаружены достоверно выраженные различия структуры ВК детей и взрослых, в особенности относительно ВК, связанных с регуляцией поведения на основе социальных норм и требований. В целом у детей до 11 лет данная группа ВК не образует отдельный фактор, как это происходит в структуре ВК взрослых. Лишь у детей 8—9 лет, по мнению экспертов, начинают происходить качественные изменения в структуре ВК. Намечающаяся в этом возрасте тенденция к сходству со структурой ВК взрослых усиливается к 10—11 годам. Также было показано, что в разных возрастных группах детей эксперты отмечают неодинаковую значимость отдельных ВК.

Результаты данного исследования позволили предположить, что в процессе структурных изменений ВК у детей существуют индивидуально-типологические особенности, которые носят парциальный (неравномерный) характер и различным образом проявляются в поведении детей на начальных этапах формирования личностных форм регуляции деятельности.

В настоящем исследовании проверялись следующие гипотезы:

1. На ранних этапах развития волевой саморегуляции деятельности существуют устойчивые сочетания ВК как относительно стабильные паттерны способов управления своим поведением, при этом в поведении некоторых детей одна группа ВК может быть «отстающей», а другая — «сильной» (Никифоров, 1985; Пуни, 1969).

2. Эти паттерны в разной степени представлены в той или иной возрастной группе как свидетельство неравномерности развития ВК (Пасниченко, 1997; Пуни, 1969; Pulkkinen, 1995).

3. К концу младшего школьного возраста фактор, схожий по составу ВК с морально-волевой регуляцией взрослых, становится главным критерием типологических различий устойчивых форм волевой регуляции деятельности школьников; ВК эмоционально-волевой регуляции и управления энергетическим потенциалом деятельности теряют прежнюю значимость.

В соответствии с выдвинутыми гипотезами были поставлены следующие задачи: 1. Обнаружить существующие индивидуально-типологические различия групп ВК на ранних этапах развития волевой регуляции деятельности. 2. Выявить, в какой степени представлены устойчивые сочетания ВК в поведении детей разного возраста. 3. Проследить возможные изменения в индивидуально-типологической конфигурации ВК, связанные с выделением экспертами фактора в структуре ВК детей со 2-го по 4-й класс, схожего с группой качеств морально-волевой саморегуляции взрослых.

При решении поставленных задач использовались методы параметрического анализа данных — факторный, кластерный анализ. Для выявления достоверности различий значений ВК групп детей — непараметрический критерий Манна—Уитни. При обработке данных применялся пакет статистических программ SPSS 18.0.

Результаты

1. Индивидуально-типологические различия структуры ВК на ранних этапах развития волевой регуляции

Для решения поставленной задачи был применен кластерный анализ к индивидуальным показателям средних значений по каждому из выявленных факторов (Моросанова, Аронова, 2007). Эти нормированные факторные значения, лежащие в пределах от -3 до 3, были получены при первичной факторизации экспертных оценок ВК детей всей выборки (n=443). Учитывая, что при факторизации общей выборки была получена двухфакторная структура, кластеризация происходила по выраженности ВК, составляющих две компоненты. В первую (Ф1) вошли ВК: решительный, смелый, энергичный, настойчивый, инициативный, упорный и др.; во вторую (Ф2) — дисциплинированный, терпеливый, выдержанный, спокойный, обязательный, ответственный и др. Эта процедура позволила обнаружить 4 группы детей, отличающихся друг от друга уровнем и соотношением групп ВК, — кластеры 1, 2, 3 и 4, далее — К-1, К-2, К-3 и К-4 (рис. 1).

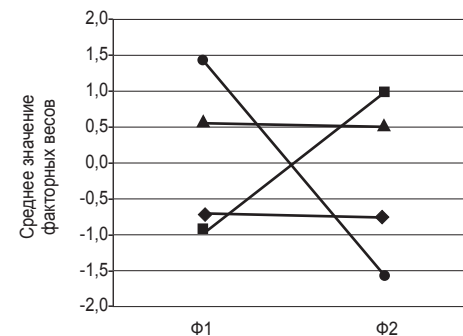

Рис. 1. Профили компонент ВК детей до 11 лет разных кластерных групп. Ф1 — ВК мотивационно-волевой регуляции («решительность»); Ф2 — ВК эмоционально-волевой регуляции («дисциплинированность»). Условные обозначения кластеров: К-1 — ромб, К-2 — квадрат, К-3 — треугольник, К-4 — круг

Условно называя фактор по первому входящему в него ВК, получаем две группы детей с равномерно развитыми ВК — «решительные и недисциплинированные» (К-1); «решительные и дисциплинированные» (К-3), а также две группы детей с неравномерно развитыми ВК — «решительные и недисциплинированные» (К-4); «нерешительные и дисциплинированные» (К-2). Охарактеризуем эти группы.

У **детей К-1** (30.7% от выборки) устойчивые формы волевой саморегуляции отсутствуют или недостаточно выражены в поведении. По наблюдению экспертов, эти дети редко проявляют решительность, настойчивость, целеустремленность, они несамостоятельны, с трудом контролируют свои эмоции, поэтому часто бывают нетерпеливыми и недисциплинированными. Средние общие баллы ВК (СОБВК) двух компонент, присущие этой группе детей, составили: Ф1 (M=37.3; SD=19.3); Ф2 (M=36.3; SD=16.8), где различия средних значений ВК К-1 по Ф1 с К-2, К-3, К-4 достоверны на уровне значимости $p=0.01$; различия К-1 по Ф2 с К-2, К-3 ($p=0.01$). У **детей К-3** (45.4%), напротив, преобладают относительно высокие значения. При этом важно отметить, что и качества мотивационной саморегуляции и качества эмоциональной саморегуляции оцениваются у этой группы детей схожим образом. В поведении они проявляют себя как инициативные, настойчивые, самостоятельные и смелые, при этом они способны сохранять спокойствие, вести себя дисциплинированно и организованно (СОБВК соответственно: Ф1 (M=67.8; SD=16.5); Ф2 (M=68.7; SD=16.3), где различия средних значений ВК К-3 по Ф1 с К-1, К-2 достоверны на уровне

значимости $p=0.01$; по Ф2 — К-1, К-4 ($p=0.01$)). Дети К-2 (14.9%), редко сами проявляют инициативу. Они нерешительные, несмелые, им часто требуется помощь со стороны. Вместе с тем эксперты отмечают, что они достаточно дисциплинированные, выдержанные, обязательные и организованные (СОБВК: Ф1 ($M=44.6$; $SD=20.6$); Ф2 ($M=65.9$; $SD=21.6$), где различия средних значений ВК К-2 по Ф1 с К-1, К-3, К-4 достоверны на уровне значимости $p=0.01$; по Ф2 — К-1, К-4 ($p=0.01$)). Вслед за А.Э. Пасниченко (1997) можно сказать, что у этой группы детей доминирует сдерживающая функция волевой регуляции. Детей К-4 (9%) объединяет выраженная неспособность контролировать свою эмоциональную сферу на фоне чрезмерной возбудимости. Это очень энергичные, смелые, решительные и настойчивые в достижении своих целей дети. Их можно было бы назвать «напористыми» (СОБВК: Ф1 ($M=70.1$; $SD=22.2$); Ф2 ($M=36.0$; $SD=22.8$), где различия средних значений ВК К-4 по Ф1 с К-1, К-2 достоверны на уровне значимости $p=0.01$; по Ф2 — К-2, К-3 ($p=0.01$)).

2. Представленность паттернов ВК в разных возрастных группах детей

Для того чтобы выявить, в какой степени устойчивые сочетания ВК представлены в поведении детей разных возрастных групп, было проанализировано их процентное распределение в выделенных кластерах.

На основании сходства и различий факторных структур ВК все дети были разделены на 3 возрастные группы: группа 1 (Г1), куда вошли дошкольники и ученики 1-го класса СОШ ($n=223$; ср. возраст — 5.4 года), состояла из двух подгрупп, где Г1(1) — дети раннего и среднего дошкольного возраста ($n=75$; ср. возраст — 3.3) и Г1(2) — дети старшего дошкольного возраста и ученики 1-го класса СОШ ($n=148$; ср. возраст — 6.5); группу 2 (Г2) составили школьники 2-го и 3-го класса ($n=134$; ср. возраст — 8.3); группу 3 (Г3) — школьники 4-го класса ($n=86$; ср. возраст — 10.1).

Результаты исследования показали, что в Г1(1) у 93.3% детей (70 детей из 75) ВК двух факторов были оценены экспертами на низком уровне. В Г1(2) процент таких детей составил лишь 16.9% (25 из 148). Здесь же экспертами начинают выделяться дети с неравномерно развитыми группами ВК: дисциплинированные, терпеливые, выдержанные, при этом нерешительные, несмелые, ненастойчивые — 19.6% (29 из 148) и противоположная им группа — 16.2% (24 из 148). С возрастом процент детей «решительных и недисциплинированных» сокращается до 7% от возрастной выборки, процент же детей «нерешительных и дисциплинированных» в целом сохраняется на одном и том же уровне вплоть до 4-го класса. Процент детей с вы-

сокими значениями по двум группам ВК особенно увеличивается к 2-му и 3-му классу (К-3: Г1(1) — 1%; Г1(2) — 47.3%; Г2 — 63.4%; Г3 — 52.3% от возрастной выборки; К1: Г1(1) — 93.3%; Г1(2) — 16.9%; Г2 — 14.2%; Г3 — 25.6%).

Такое процентное распределение детей может свидетельствовать о том, что устойчивые формы волевой саморегуляции являются не врожденной особенностью детей, а результатом развития, при этом значимые качественные изменения начинают происходить в старшем дошкольном возрасте.

Также с определенной долей обобщения можно заключить, что становление ВК происходит либо по «гармоничному» типу, когда ВК мотивационной и эмоциональной саморегуляции деятельности развиваются равномерно (45.4% общей выборки), либо с доминированием одной группы ВК и отставанием другой, что условно можно было бы обозначить как «односторонний» тип развития устойчивых способов волевой саморегуляции деятельности. При этом число детей с негармонично развитыми группами ВК с возрастом сокращается (К-2: Г1(1) — 4%; Г1(2) — 19.6%; Г2 — 14.9%; Г3 — 15.1% от возрастной выборки; К-4: Г1(1) — 0%; Г1(2) — 16.2%; Г2 — 7.5%; Г3 — 7% от возрастной выборки).

Относительно стабильное сохранение числа детей К-2 до 4-го класса, способных к контролю эмоций и при этом отличающихся нерешительностью, несмелостью и безынициативностью, предположительно может быть связано с высоким уровнем личностной тревожности, неуверенностью в себе, влиянием общей ситуации воспитания либо с отсутствием личностной заинтересованности в регуляции поведения в рамках оцениваемой экспертами деятельности (Моросанова и др., 2014; Прихожан, 2009). Важным фактором может также являться более выраженная направленность школьных требований на воспитание дисциплинированности и послушания, чем на развитие способности к инициативному отстаиванию собственной позиции и самоопределению учащихся (Патяева, 2002).

В пользу этого предположения свидетельствует сокращение с возрастом числа детей К-4 «недисциплинированных и решительных». Сохраняющийся же процент детей из этой группы со 2-го по 4-й класс может обуславливаться одним из наиболее распространенных неврологических расстройств — синдромом дефицита внимания и гиперактивности, обнаруживаемым у 15% детей младшего школьного возраста (Сухотина, Красова, 2006). Но, несмотря на все выдвинутые предположения, уточнение причин одностороннего развития ВК является задачей дальнейших исследований.

Полученные результаты согласуются и дополняют предложенную типологию самоконтроля Г.С. Никифорова (1985), деление

качеств на «сильные» и «отстающие» в работах А.И. Пуни (1969), сформулированную А.Э. Пасниченко (1997) типологию ВК на выборке более старших возрастов («независимые», «пассивные» и «напористые» в зависимости от уровня выраженности групп ВК), а также описанные стратегии поведения в типологической модели развития эмоционального и поведенческого регулирования Л. Пулккинен (Pulkkinen, 1995).

3. Особенности индивидуально-типологической конфигурации ВК школьников 2—4-го классов

Для проверки гипотезы о происходящих постепенно изменениях оценок индивидуально-типологических особенностей детей при выделении экспертами в структуре ВК группы качеств, отвечающих за регуляцию поведения на основе социальных требований у детей со 2-го по 4-й класс, к возрастным группам был применен описанный выше метод кластеризации индивидуальных факторных значений. С учетом того, что при факторизации данных Г2 (2-й и 3-й класс) и Г3 (4-й класс) была получена трехфакторная структура¹, кластеризация происходила по выраженности ВК, составивших три компоненты. По результатам кластеризации в Г2 и Г3 было выделено по 4 подгруппы детей с наиболее выраженными различиями.

3.1. В Г2 «гармоничное» соотношение ВК отмечается экспертами у 41.8% (К-1), выраженное «одностороннее» развитие ВК — у 14.96% детей (К-3 и К-4), одновременно низкий уровень факторных весов по трем группам ВК в сравнении с К-1 (Ф2 и Ф3) — у 43.3% (К-2) (рис. 2). Во всех 4 кластерах отличия в большей степени касаются компонент Ф2 и Ф3 — активирующей и сдерживающей функций волевой саморегуляции. Ф1 в трех кластерах близка к нулевой отметке, если брать за основу средние значения факторных весов (средние значения факторных весов соответственно: 0.24, 0.16, -0.35). Лишь в небольшой по численности группе детей К-4 качества первой компоненты имеют предельно низкие значения (Ф1: -2.28).

Дети К-1 оцениваются экспертами как учащиеся с относительно устойчиво сформированными качествами по всем трем факторам (СОБВК: Ф1 (M=70.5; SD=15.6); Ф2 (M=71; SD=15.6); Ф3 (M=72.3; SD=12.8), где различия средних значений ВК К-1 по Ф1 с К-2, К-3, К-4 достоверны на уровне значимости $p=0.01$; различия К-1 по Ф2 — К-2, К-3 ($p=0.01$), по Ф3 — К-2, К-4 ($p=0.05$)). **Детям К-2** свойственно сочетание более низких значений в сравнении с оценками

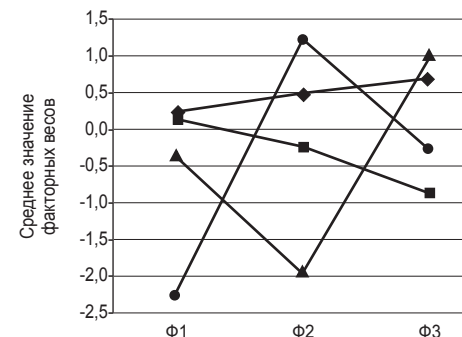

Рис. 2. Профили компонент ВК детей Г2 (2-й и 3-й классы) разных кластерных групп. Ф1 — морально-мотивационные ВК («обязательность»); Ф2 — ВК эмоционально-волевой регуляции («спокойствие»); Ф3 — ВК регуляции энергетического потенциала деятельности («смелость»). Условные обозначения кластеров: К-1 — ромб, К-2 — квадрат, К-3 — треугольник, К-4 — круг

К-1. В то же время способность к сдерживающей функции волевой регуляции у них значимо выше, чем у детей К-3, значения качеств энергетического потенциала деятельности значимо ниже, чем у детей К-1, К-3 (СОБВК: Ф1 (M=57.3; SD=17.1); Ф2 (M=58.4; SD=17); Ф3 (M=51; SD=14.4), где различия средних значений ВК К-2 по Ф1 с К-1, К-4 достоверны на уровне значимости $p=0.01$; по Ф2 — К-1, К-3 ($p=0.01$), по Ф3 — К-1, К-3 ($p=0.05$)). Дети К-3 и К-4 оцениваются экспертами как преимущественно склонные проявлять в поведении ВК одной из компонент. Так, **дети К-3** (8.96%) испытывают выраженные затруднения в управлении своей эмоциональной сферой: если другие дети способны проявить терпение, оставаться спокойными и дисциплинированными, то детям данной группы это чаще не удается, в то же время они всегда решительны, смелы и энергичны (СОБВК: Ф1 (M=53.6; SD=28.2); Ф2 (M=31.2; SD=18.4); Ф3 (M=75.8; SD=19.7), где различия средних значений ВК К-3 по Ф1 с К-1, К-4 достоверны на уровне значимости $p=0.01$; по Ф2 — К-1, К-2, К-4 ($p=0.01$); по Ф3 — К-2, К-4 ($p=0.05$)). **Дети К-4** (6%) представляют наибольший интерес, так как, по оценкам экспертов, они не опираются в регуляции своего поведения на социальные требования и правила, что выражается в низких значениях таких ВК, как «обязательный», «ответственный», «самостоятельный» и «организованный», и отличает их от всех остальных детей. При этом они, так же как дети К-1, довольно редко выражают нетерпение, нарушают дисциплину в классе и жалуются на усталость, но не склонны проявлять инициативу и решительность (СОБВК: Ф1

¹ ВК, составившие первую компоненту (Ф1): самостоятельный, ответственный, упорный, деловой, инициативный, организованный, настойчивый и др.; вторую компоненту (Ф2) — спокойный, дисциплинированный, терпеливый, выдержанный и др.; третью компоненту (Ф3) — энергичный, смелый, решительный и др.

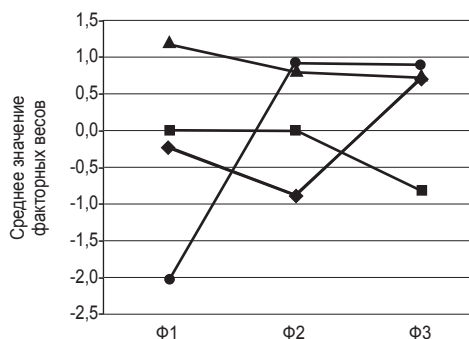

Рис. 3. Профили компонент ВК детей ГЗ (4-й класс) разных кластерных групп. Ф1 — морально-мотивационные ВК («самостоятельность»); Ф2 — эмоционально-волевые ВК («дисциплинированность»); Ф3 — ВК регуляции энергетического потенциала деятельности («энергичность»). Условные обозначения кластеров: К-1 — ромб, К-2 — квадрат, К-3 — треугольник, К-4 — круг

($M=31.1$; $SD=16.8$); Ф2 ($M=70.7$; $SD=17.7$); Ф3 ($M=43.1$; $SD=17.9$), где различия средних значений ВК К-4 по Ф1 с К-1, К-2, К-3 достоверны на уровне значимости $p=0.01$; по Ф2 — К-3 ($p=0.01$), по Ф3 — К-1, К-3 ($p=0.05$). Можно предположить, что такое сочетание уровня ВК связано с общей незаинтересованностью этих детей учебным процессом и неспособностью самостоятельно руководствоваться социальными правилами.

Таким образом, в оценках экспертов детей 2-го и 3-го классов начинает складываться тенденция выделения в качестве устойчивой формы регуляции деятельности группы ВК, схожей по содержанию с морально-волевой регуляцией взрослых, куда входят ВК, отвечающие за саморегуляцию деятельности с опорой на социальные правила и требования. Это выражается в возникновении значимых различий экспертных оценок детей по данному фактору. Разделение детей на группы с «гармоничным» и «односторонним» развитием ВК сохраняется.

3.2. Кластеризация факторных весов детей ГЗ (4-й класс) также позволила выявить специфику соотношения ВК, присущих этой группе (рис. 3). Важно отметить, что наиболее значимое ВК в данном случае — «самостоятельность», имеющее наибольшую факторную нагрузку в первой факторе (0.767) и во многом его определяющее.

Дети К-3 (17.4%), по оценкам экспертов, чаще других проявляют в поведении самостоятельность, ответственность, инициативность и организованность, умеют контролировать свои эмоции и

управлять энергетическим потенциалом деятельности, проявляя смелость, энергичность и решительность (СОБВК: Ф1 ($M=83.3$; $SD=9.2$); Ф2 ($M=82.9$; $SD=10.9$); Ф3 ($M=82.4$; $SD=9.8$), где различия средних значений ВК К-3 по Ф1 с К-1, К-2, К-4 достоверны на уровне значимости $p=0.01$; по Ф2 — К-1, К-2 ($p=0.01$), К-4 — на уровне тенденции ($p=0.06$); по Ф3 — К-2, К-4 ($p=0.05$), К-1 — на уровне тенденции ($p=0.08$)). У этих детей преобладает «гармоничное» соотношение ВК, а также отмечается высокий уровень ВК, ответственных за самостоятельную организацию собственной активности в соответствии с социальными требованиями. **Дети К-4** (8.1%), напротив, отличаются выражено низкими значениями таких качеств, как самостоятельность, упорство, ответственность, принципиальность, инициативность, организованность, при этом в целом они дисциплинированные, терпеливые, энергичные, смелые и решительные (СОБВК: Ф1 ($M=44$; $SD=12.4$); Ф2 ($M=62.7$; $SD=15.5$); Ф3 ($M=66.1$; $SD=13.4$), где различия средних значений ВК К-4 по Ф1 с К-1, К-2, К-3 достоверны на уровне значимости $p=0.01$; по Ф2 — К-1, К-3 на уровне тенденции ($p=0.06$); по Ф3 — К-3 ($p=0.05$), К-2 на уровне тенденции ($p=0.08$)). Особенности устойчивых форм волевой саморегуляции детей К-1 и К-2 не столь сильно выражены, как в первых двух группах. Профиль учащихся **К-2** (48.8%) отличается средними значениями Ф1, Ф2 и относительно низкими значениями по качествам «решительный», «смелый», «энергичный», «терпеливый к боли и усталости». Опираясь на оценки экспертов, можно предположить, что эти дети, хотя и способны к управлению своим поведением, в том числе на основе социальных требований и самостоятельного принятия решений, все же совершают это управление в большей степени ситуативно. При этом наибольшие трудности они испытывают в регуляции энергетической стороны деятельности (СОБВК: $M=52.8$; $SD=16.7$); Ф2 ($M=56.7$; $SD=18$); Ф3 ($M=48.5$; $SD=15.8$), где различия средних значений ВК К-2 по Ф1 с К-3, К-4 достоверны на уровне значимости $p=0.01$; по Ф2 — К-1, К-3 ($p=0.01$); по Ф3 — К-1, К-3 ($p=0.05$), К-4 на уровне тенденции ($p=0.08$)). Кратко эту группу детей можно охарактеризовать как скорее «спокойных и дисциплинированных», нежели «смелых и энергичных», готовых при необходимости проявить «обязательность» и «настойчивость». Схожее среднее факторное значение качеств, связанных с самостоятельной организацией собственной активности и с социальными требованиями, присуще группе **К-1** (25.6%). Вместе с тем такие качества, как «энергичный», «решительный», «смелый», развиты у них сильнее в сравнении с качествами самоконтроля (СОБВК: Ф1 ($M=53$; $SD=14.7$); Ф2 ($M=47.1$; $SD=15.8$); Ф3 ($M=66.7$; $SD=14.1$), где различия средних значений ВК К-1 по Ф1 с К-3, К-4 достоверны на

уровне значимости $p=0.01$; по Ф2 — К-2, К-3 ($p=0.01$), К-4 на уровне тенденции ($p=0.06$); по Ф3 — К-2 (0.05), К-3 ($p=0.08$)). То есть это дети «смелые и энергичные», но «неспокойные и недисциплинированные».

Из полученных результатов хорошо видно, что при оценивании детей ГЗ (4-й класс) по уровню ВК кроме мобилизирующей (Ф3) и сдерживающей (Ф2) функций управления поведением эксперты придают все большее значение лично-опосредованным формам регуляции деятельности (Ф1). При этом выраженные различия между значениями Ф1 и Ф2 у детей 2-го и 3-го классов теряют прежнюю значимость в более позднем возрасте.

Если принимать представление о волевой регуляции как о личностном уровне управления поведением, то происходящие на ранних этапах ее становления изменения говорят о том, что первоначально индивидуально-типологические различия волевой сферы детей отсутствуют (преимущественно ранний и средний дошкольный возраст), затем ввиду различных причин эксперты наблюдают в поведении детей выраженные отличия в способности к самоконтролю и инициации деятельности, где можно выделить два типа формирования ВК — «гармоничный» и «односторонний» тип. Самостоятельное же управление своим поведением на основе соблюдения требований социальных правил еще недостаточно выражено в поведении, что проявляется в виде структурных отличий ВК детей и взрослых (двух и трехфакторная структура ВК личности).

Несмотря на то что в целом эксперты не отмечают этот способ регуляции у детей до 11 лет как устойчивый и явный, при оценивании ВК учащихся в возрасте 8—9 лет возникает тенденция выделять группы детей по критерию их способности к устойчивым формам регуляции собственного поведения, во многом схожей с морально-волевой регуляцией взрослых (Иванников, Эйдман, 1990). К 4-му классу в оценках ВК детей личностный способ регуляции деятельности приобретает большее значение в сравнении с самоконтролем (Ф2) и способностью к обеспечению энергетического потенциала деятельности (Ф3), различия последних в свою очередь становятся менее выраженными.

Все это может свидетельствовать о постепенном формировании волевой регуляции деятельности с опорой на произвольную саморегуляцию, где основная линия развития идет по пути становления лично-опосредованных устойчивых способов саморегуляции деятельности. При этом само развитие ВК носит неравномерный, парциальный характер на всем протяжении ранних этапов развития воли.

Выводы

1. На ранних этапах развития устойчивых форм волевой регуляции деятельности в поведении детей наблюдаются индивидуально-типологические особенности, в разной степени присущие детям от 2 до 11 лет.

2. Процесс становления ВК происходит неравномерно и носит парциальный характер. В процессе формирования ВК можно выделить два основных типа развития — «гармоничный» и «односторонний». При этом основная линия идет по пути гармонизации способов регуляции деятельности, т.е. на начальных этапах развития ВК присутствуют большие различия, которые постепенно уходят.

3. С появлением в структуре ВК детей 8—9 лет самостоятельного фактора, связанного с регуляцией поведения на основе социальных норм и правил, происходят значимые изменения индивидуально-типологических особенностей регуляции деятельности, что становится более явным к 10—11 годам. Эти изменения выражаются в том, что основным дифференцирующим фактором в оценках устойчивых форм волевой саморегуляции детей становится критерий, схожий с морально-волевой регуляцией взрослых, что может свидетельствовать о переходе от ситуативной произвольной к устойчивой личностной регуляции деятельности на границе подросткового возраста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. СПб.: Питер, 2006.
- Иванников В.А., Барабанов Д.Д., Монроз А.В. и др. Место понятия «воля» в современной психологии // *Вопр. психологии*. 2014. № 2. С. 15—23.
- Иванников В.А., Эйдман Е.В. Структура волевых качеств по данным самооценки // *Психол. журнал*. 1990. Т. 11. № 3. С. 39—49.
- Ильин Е.П. Психология воли. СПб.: Питер, 2009.
- Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007.
- Монроз А.В. Структура волевых качеств детей на ранних этапах онтогенеза // *Вопр. психологии*. 2012. № 3. С. 21—29.
- Моросанова В.И., Аронова Е.А. Самосознание и саморегуляция поведения. М.: Изд-во «ИП РАН», 2007.
- Моросанова В.И., Филиппова Е.В., Фомина Т.Г. Личностные и регуляторные предикторы успешности и надежности действий школьников в ситуации экзамена // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология*. 2014. № 4. С. 4—17.
- Никифоров Г.С. Теоретические вопросы самоконтроля // *Психол. журнал*. 1985. Т. 6. № 5. С. 19—31.

Пасниченко А.Э. Оценка индивидуально-возрастных особенностей развития волевых качеств личности: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1997.

Патяева Е.Ю. Мотивация учения: заданное, стихийное и самоопределяемое учение // Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 289—313.

Прихожан А.М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. СПб.: Питер, 2009.

Пуни А.Ц. Волевая подготовка в спорте. М.: ФиС, 1969.

Селиванов В.И. Психология волевой активности. Рязань: Рязан. гос. пед. ин-т, 1974.

Сухотина Н.К., Красова А.В. Современные подходы к терапии гиперкинетических расстройств у детей // Журнал клинич. и социал. психиатрии. 2006. № 2. С. 44—46.

Pulkkinen L. Behavioral precursors to accidents and resulting physical impairment // Child Development. 1995. Vol. 66. P. 1660—1679.

Поступила в редакцию
15.09.14

Е. Ю. Федорович, А. Я. Варга, О. В. Митина

ПОЯВЛЕНИЕ ДОМАШНИХ ПИТОМЦЕВ В СЕМЬЕ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА ДЕТЕЙ

Наряду с общепринятыми представлениями о положительном влиянии животных — домашних питомцев (ДП) на развитие и психологическое благополучие детей увеличивается поток исследований, более осторожно оценивающих роль ДП в жизни современной городской семьи. Существующие противоречия могут быть разрешены с помощью представления о ДП как об интегральной и важной части всей *семейной системы*: появление ДП в семье может быть связано с поддержанием и регуляцией гомеостаза семейной системы. Мы проверяли это предположение в эмпирическом исследовании, задачами которого были: 1) выявление связи между возрастом ребенка/сиблингов в семье и появлением в ней ДП; 2) соотнесение полученных данных с этапами жизненного цикла семьи. На основе опросов, проведенных в 2008—2012 гг. среди студентов первых курсов факультета психологии МГУ (n=658) и клиентов ветеринарного врача (n=75), была проанализирована зависимость частоты появления ДП, которых респонденты считали «членом семьи», от возраста детей/ребенка в семье на момент их приобретения. Согласно результатам нашего исследования, наиболее часто заведение ДП в семье с единственным ребенком приходится на периоды, когда ему исполняется 7, 9, 13 и 16 лет; в семье с двумя детьми — на периоды 7, 9, 13 лет в случае младшего ребенка и 12—16 лет в случае старшего. Выявленные нами «пики» заведения ДП приходятся на те периоды, когда семьи переживают нормативные кризисы, связанные не с изменением семейной структуры, а с рядом других факторов, в частности с необходимостью соприкосновения с внешним социумом или с резким изменением потребностей психического развития ребенка. Это может свидетельствовать о включенности ДП в регуляцию гомеостаза семейной системы.

Федорович Елена Юрьевна — канд. психол. наук, ст. науч. сотр. кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail*: labzoo_fedorovich@mail.ru

Варга Анна Яковлевна — канд. психол. наук, доцент, руководитель магистерской программы «Системная семейная психотерапия» департамента психологии ф-та социальных наук НИУ ВШЭ. *E-mail*: avarga@hse.ru

Митина Ольга Владимировна — канд. психол. наук, вед. науч. сотр. лаборатории психологии общения ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail*: omitina@inbox.ru

Ключевые слова: домашние питомцы, системный подход, триангуляция, семейная психология, нормативные кризисы, взаимоотношения ребенок—животное.

Along with conventional notions about the positive influence pets on the development and psychological well-being of children, an increasing number of investigations evaluate the role of pets in the life of the modern urban family more carefully. Existing contradictions can be resolved via submission on pets as integral and important parts of the entire family system: the emergence of pets in the family may be associated with the maintenance and regulation of its homeostasis. We tested this assumption in the empirical research, which objectives were: 1) identification of the association between the age of the child/siblings and appearance pets in families; 2) correlation of the data with the stages of family life cycle. Based on the data obtained from the survey (n=658) among students, conducted among first-year students of the faculty of psychology of Moscow State University and among the clients of the veterinary surgeon in 2008—2012 (n=75), we have analyzed the dependence of the frequency of occurrence of pets, which respondents considered “family member”, on the age of child/children in the family at the time of their purchase. According our findings pets’ appearance in a family with the only child happen when the child is 7, 9, 13, 16 years old, in a family with two children it happens when the second child is 7, 9, 13 years old and (or) the first one is 12—16 years old). These peaks happen when families have normal crises, not related with the changing family structure, but with the other factors, particularly with necessity contacting with social surrounding or with strict changing demands of psychical development of the child. The peaks of appearance pets in a family which were found by us can be evidence of including pets in regulation homeostasis of family life.

Key words: pet, systemic approach, triangulation, family psychology, family normative crises, animal-children relationships.

Роль животных — домашних питомцев в развитии детей в современной городской семье

Одной из характерных особенностей жизни городской семьи последних двух-трех десятилетий является проживание в ней животных — *домашних питомцев* (ДП). По статистике (APPA..., 2012) от 50 до 70% семей в современных мегаполисах Европы, Австралии и США содержат в доме животных, не несущих «утилитарных» функций, но обладающих, по словам их владельцев, статусом «настоящих членов семьи». Более того, исследования показывают, что наиболее часто ДП встречаются именно в тех семьях, где есть дети (Ascione, 1992; Beck, Katcher, 1996; Bonas et al., 2000; Franklin, 2007), а наличие детей повышает вероятность появления в семьях ДП (Bulcroft, 1990; Westgarth et al., 2010). По данным ВЦИОМ (<http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13229>), в России ДП популярны как

в бездетных семьях, так и в семьях с несовершеннолетними детьми (51 и 53% соответственно).

Как правило, приобретение или решение о приобретении и/или оставлении ДП в семье контролируется взрослыми, даже если животное считается «детским» (Westgarth et al., 2010), так же, как правило, о ДП, в том числе и о тех, которые считаются «детскими», заботится взрослый член семьи (Bulcroft, 1990). Многие родители говорят, что приобретают ДП «для пользы своих детей» (Paul, Serpell, 1996; Melson, Fine, 2010; Endenburg, van Lith, 2011). И до некоторой степени это так и выглядит. Традиционно считается, что: позитивные взаимоотношения с ДП создают детям эффект буфера или социальную поддержку при различного рода стрессах; ДП способствуют развитию у детей сострадания, эмпатии, доверительных отношений с другими, социальной компетентности (Ascione, 1992; Endenburg, Baarda, 1995; McNicolas, Collis, 2006; Walsh, 2009; Melson, Fine, 2010); обладание ДП делает детей более заботливыми, способствует развитию автономии (Bryant, 1990; Poresky, Hendrix, 1990; Walsh, 2009); ДП обеспечивают «связь» детей с природой (Melson, Fine, 2010; Poresky, 1996), поддерживают их физическую активность и тем самым укрепляют их здоровье (Salmon et al., 2010; Timperio et al., 2008).

Наряду с общепринятыми представлениями о положительном влиянии ДП на развитие и психологическое благополучие детей увеличивается поток работ, более осторожно и взвешенно оценивающих роль ДП в жизни современной городской семьи. Признается, что не все аспекты владения ДП позитивны и многие аргументы о пользе ДП для психологического развития и здоровья детей требуют критического пересмотра и эмпирического подтверждения (Boat, 2010; Bryant, 1990; Bulcroft, 1990; Melson, Fine, 2010; Paul, Serpell, 1996). Отмечается, что хорошо продуманные экспериментальные работы в этой области практически отсутствуют (Endenburg, van Lith, 2011), значительная часть представленных в литературе доказательств пользы ДП для детей носит скорее характер описания отдельных случаев (*it's largely anecdotal*, — Paul, Serpell, 1996) и опирается на мнения самих респондентов (родителей и детей) о важности ДП для их жизни. Другая часть работ — *корреляционные исследования* (Poresky, Hendrix, 1990), которые в принципе не могут продемонстрировать причинно-следственную связь между присутствием ДП в семье и изменением социального и психического благополучия детей или характера их развития (Endenburg, van Lith, 2011; Paul, Serpell, 1996).

Лонгитюдные исследования в этой области крайне редки. Многие работы, показывающие положительные следствия для детей наличия в их семьях ДП, опираются лишь на относительно

короткие «экспериментальные встречи» (*experimental exposure*) детей с животными (Endenburg, van Lith, 2011; Katcher, Teumer, 2006; Melson, Fine, 2010). При проведении более длительных наблюдений результаты получаются не столь однозначными. Например, в работе Е. Пауля и Дж. Серпелла (Paul, Serpell, 1996) были получены данные, противоречащие широко распространенному убеждению, что ДП может расширить и интенсифицировать социальные взаимодействия ребенка как внутри семьи, так и за ее пределами (например, повышая к нему внимание и делая ребенка более популярным среди сверстников — см.: Endenburg, Vaarda, 1995). Обнаружив, что через год после приобретения собаки у значительной части детей уровень социальных взаимодействий с окружением и степень вовлеченности в заботу о ДП понижались, авторы сделали вывод, что повышение уровня социальных взаимодействий и улучшение поведения детей связаны не столько с владением ДП, сколько с ожиданием его появления в доме (Paul, Serpell, 1996). Показательно, что постулируемые взрослыми членами семьи причины заведения ДП не оказываются таковыми на самом деле. Так, Э. и Р. Кид обнаружили, что в семьях, где родители изначально высказывали ожидания, что животные научат их детей ответственности и будут «держат их в занятости», на самом деле регистрировалось больше всего случаев отказа от животных-компаньонов и возвращения их в приюты в пределах 6 месяцев после приобретения, по сравнению с семьями, находящимися на других стадиях жизненного цикла (например, в семьях без детей) (Kidd, Kidd, 1985).

В ряде работ было показано, что «психологическая польза» ДП для детей зависит не от самого факта присутствия животного в доме, а от характера взаимоотношений детей с ним, складывающихся в пределах семейной системы (Poresky, Hendrix, 1990). Как тип этих взаимоотношений, так и их возможный вклад в детское развитие и благополучие меняются с возрастом ребенка (van Houtte, Jarvis, 1995; Triebenbacher, 2000). Высказывается мнение, что именно благоприятные условия жизни в семье делают детей более чувствительными для восприятия поддержки, предоставляемой ДП, и во многом обусловлены отношениями ребенка с другими членами семьи (Endenburg, van Lith, 2011; Katcher, Gregory, 2000). Например, социальная компетентность ребенка в результате взаимодействий с ДП повышается лишь в том случае, если он испытывает привязанность к данному животному (Poresky, 1996), а использование ДП для эмоциональной поддержки зависит от позитивного опыта получения ребенком подобной поддержки от своих родителей или от особого родительского стиля (Endenburg, van Lith, 2011; Kotrschal, Ortbauer, 2003). И наоборот, некоторые формы нарушенного поведения у детей могут быть обусловлены тем, что они были или

являются свидетелями жестокого обращения с ДП других членов семьи (Ascione et al., 2004; Boat, 2010).

Итак, мы видим, что в литературе существуют противоречивые данные о роли ДП в развитии детей и поддержании их физического и психологического благополучия.

Представления о семейной системе и нормативных кризисах

С нашей точки зрения, противоречия, связанные с оценкой влияния ДП на детей, могут быть разрешены с помощью представления о ДП как об интегральной и важной части всей *семейной системы* (Варга, Федорович, 2010; Boat, 2010; Cain, 1985; Melson, Fine, 2010; Triebenbacher, 2000; Varga, Fedorovich, 2012).

Решение о приобретении ДП «для ребенка» принимают, как правило, родители (Westgarth et al., 2010). Принятие такого решения не обусловлено только желанием ребенка, но зависит от определенных особенностей функционирования семейной системы. Неслучайно в одних семьях родители удовлетворяют желание ребенка иметь ДП, а в других — нет. Есть случаи, когда ДП заводится «для ребенка» без желания этого ребенка.

Динамика семейной системы управляется двумя влиятельными регуляторами — гомеостазом и развитием (Варга, 2009; Теория..., 2005). Взаимодействие этих регуляторов наиболее удачно описывается через стадии жизненного цикла семьи (Carter, McGoldrick, 2005). Переход со стадии на стадию считается нормативным кризисом семейной системы и каждым членом семейной системы переживается как усиление тревоги и дискомфорта (Теория..., 2005; Carr, 2006). М. Боуэн, разработчик теории эмоциональных систем, считал универсальным способом снижения тревоги триангуляцию — вовлечение в эмоциональное взаимодействие между двумя людьми кого-либо или чего-либо третьего. Это может быть другой человек, группа людей, животное, хобби, работа (Теория..., 2005). Становясь элементом семейной системы, ДП встраивается в ее невербальные коммуникационные каналы, непосредственно обслуживающие эмоциональные взаимодействия членов семьи (Федорович, Варга, 2009), и начинает брать на себя разные семейные роли и участвовать в процессах триангуляции (Варга, Федорович, 2009; Varga, Fedorovich, 2012).

Разделяя точку зрения, согласно которой появление и (что важнее) более или менее длительное пребывание ДП в семье связано прежде всего с тем, что они играют определенную роль в поддержании гомеостаза семейной системы (Варга, Федорович, 2009, 2010; Cain, 1985; Varga, Fedorovich, 2012), мы решили про-

верить это предположение в эмпирическом исследовании, задачи которого состояли в следующем: 1) выявить связь между возрастом ребенка/сиблингов в семье и появлением в ней ДП; 2) соотнести полученные данные с этапами жизненного цикла семьи. Обнаружение «пиков» заведения ДП в моменты нормативных кризисов семьи свидетельствовало бы о включенности ДП в регуляцию гомеостаза семейной системы.

Методика и процедура исследования

В течение 2008—2012 гг. нами проводился письменный опрос первокурсников дневного и вечернего отделений факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Опрос проводился в течение первого семестра, чтобы минимизировать влияние знаний, полученных студентами во время обучения. Участникам предлагалось ответить на следующие вопросы: 1. Сколько вам лет? 2. Какой домашний питомец, которого вы считаете «членом семьи», живет у вас? 3. Сколько ему лет? 4. Какие события происходили в семье непосредственно до появления домашнего питомца (переезд, рождение ребенка, смерть предыдущего домашнего питомца, смерть кого-то из родственников и т.п.)? 5. Кто был инициатором заведения питомца? В конце анкеты студентам предлагалось перечислить всех членов семьи и указать их возраст. В случае, когда ДП на момент опроса не было в живых, студентов просили указать те же самые данные о том ДП, который был значим для них ранее. Нередко молодые люди сами просили написать о тех животных, которые были у них в детстве. Аналогичное анкетирование проводилось в течение 6 месяцев 2012 г. среди взрослых клиентов ветеринарного врача, у которых были дети в возрасте до 20 лет.

Возраст ребенка на момент появления в семье ДП вычислялся путем вычитания указанного возраста животного из указанного возраста самого респондента, а также указанного им возраста его братьев и сестер (если таковые имелись).

Результаты и их анализ

Нами было получено 6 выборок: 5 выборок студентов разных лет обучения ($n=155$, $n=148$, $n=138$, $n=107$, $n=110$ соответственно) и одна — клиенты ветеринарного врача ($n=75$). Критерий Кэндалла показал, что выборки, полученные в разные годы на разных группах, согласованы между собой (P -значение < 0.000). Это позволило нам объединить все профили (зависимость частоты появления ДП, которых респонденты считали «членом семьи», от возраста детей/ребенка в семье на момент его приобретения) в один общий. Также

мы объединили данные о ныне живущих и умерших ДП. Общее количество семей, о которых была получена информация, — 733. В 635 семьях в то или иное время были ДП, в 98 — никогда не было ДП.

Чтобы выявить связь между возрастом ребенка в семье на момент появления в ней ДП и/или младшего сиблинга, мы разбили общий массив данных на 3 группы: семьи с единственным ребенком ($n=353$, 48.2%), с двумя детьми ($n=313$, 43.7%), с тремя и более детьми ($n=66$, 9.0%); в 1 случае (0.1%) состав семьи не был указан. Возрастные характеристики семей на момент опроса и частота встречаемости в них различных видов ДП представлены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Средний возраст (количество лет) детей и ДП в семьях с одним (С-1), двумя (С-2), тремя и более (С-≥3) детьми

Тип семьи	1-й ребенок	2-й ребенок	3-й ребенок	ДП
С-1	16.92±2.82			5.81±4.17
С-2	19.87±4.09	14.10±4.58		5.00±3.81
С-≥3	21.18±4.56	15.95±5.58	10.57±5.90	4.10±3.82
По всей выборке	18.56±3.93	14.42±4.81	10.57±5.90	5.30±4.02

Таблица 2

Частота встречаемости видов ДП в семьях с одним (С-1), двумя (С-2), тремя и более (С-≥3) детьми

Вид ДП	С-1		С-2		С-≥3		Общее количество ДП данного вида	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Кошки	159	57.0	130	51.0	20	39.2	309	52.8
Собаки	79	28.3	83	32.5	22	43.1	184	31.5
Птицы	24	8.6	18	7.1	1	2.0	43	7.4
Другие	17	6.1	24	9.5	8	15.4	49	8.4
Всего	279	100.0	255	100.0	51	100.0	585	100.0

Мы проанализировали зависимость частоты случаев появления в семье ДП, которого респонденты считали «членом семьи», а также зависимость частоты рождения младших сиблингов от возраста младшего или старшего ребенка на тот момент, когда происходили эти события. Полученные результаты представлены далее на рис. 1—4.

Таблица 3

Пиковые значения заведения ДП и появления младшего sibлинга в семьях с одним (С-1), двумя (С-2), тремя и более (С-≥3) детьми

Тип семьи	Показатель	Граничное значение	Пиковые возраста
С-1	Частота заведения ДП в зависимости от возраста <i>единственного</i> ребенка	5.89	7, 9, 13, 16
С-2	Частота заведения ДП в зависимости от возраста <i>младшего</i> ребенка	5.76	7, 9, 13
	Частота заведения ДП в зависимости от возраста <i>старшего</i> ребенка	4.66	12—16
	Частота рождения младшего ребенка в зависимости от возраста старшего ребенка	9.53	2, 4
С-≥3	Частота заведения ДП в зависимости от возраста <i>младшего</i> ребенка	8.06	0, 2, 4

В табл. 3 приведены граничные значения (величины, превышение которых расценивались нами как «пиковые частоты»), вычисленные для каждого типа семьи. Пиковые значения были определены на основе неравенства (1):

$$\text{Пиковое значение} > \text{Среднее значение} + \text{Стандартная ошибка среднего} \times Z_{0.001}, \quad (1)$$

где $Z_{0.001}$ — квантиль стандартного нормального распределения, соответствующий тому, что вероятность случайности отклонения равна 0.001.

Пиковые значения (т.е. значения, указывающие на то, что вероятность появления ДП в определенный момент жизненного цикла семьи превышает 0.999) в семье с единственным ребенком (С-1) приходятся на периоды, когда ему исполняется 7, 9, 13 и 16 лет; в то время как пиковые значения в семье с двумя детьми (С-2) — на периоды 7, 9, 13 лет в случае для младшего ребенка и 12—16 лет — в случае старшего.

На рис. 1 представлены данные, показывающие частоту случаев появления ДП в зависимости от возраста единственных детей в семьях (С-1) и возраста младшего sibлинга в семьях с двумя детьми (С-2), а на рис. 2 показаны распределение частоты заведения ДП в зависимости от возраста младших и старших sibлингов. Обращает на себя внимание, что значимая корреляция профилей установлена лишь в том случае, когда мы сравниваем частоты появления ДП для единственного ребенка из С-1 и для младшего ребенка из С-2 (P -значение < 0.001, критерий Кэндалла). При сравнении профилей, отражающих частоты появления ДП в С-2 в зависимости от воз-

раста младших и старших sibлингов, подобного соответствия не наблюдается (рис. 2). На рис. 3 представлены частоты появления младшего sibлинга и частоты появления ДП в зависимости от возраста старшего sibлинга — после того как старшему ребенку исполняется 10 лет, ДП начинают появляться чаще, чем младшие sibлинги. На рис. 4 представлены в сравнении профили появления младшего sibлинга в зависимости от возраста старшего sibлинга и появления ДП в зависимости от возраста младшего sibлинга в С-2.

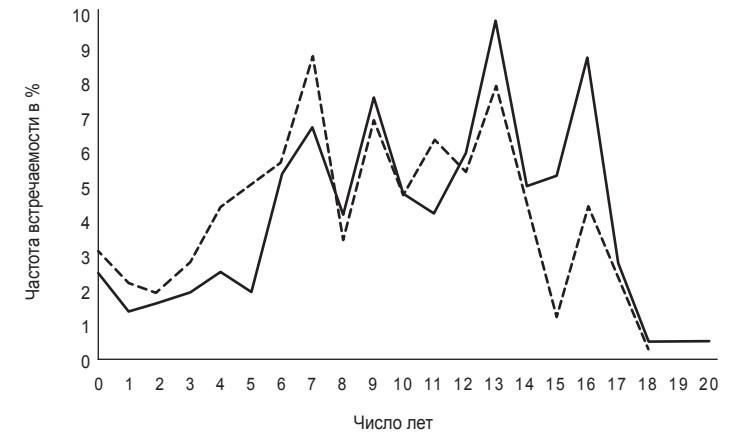

Рис. 1. Частота появления ДП в зависимости от возраста единственного ребенка в семье (сплошная линия) и младшего sibлинга в С-2 (штриховая)

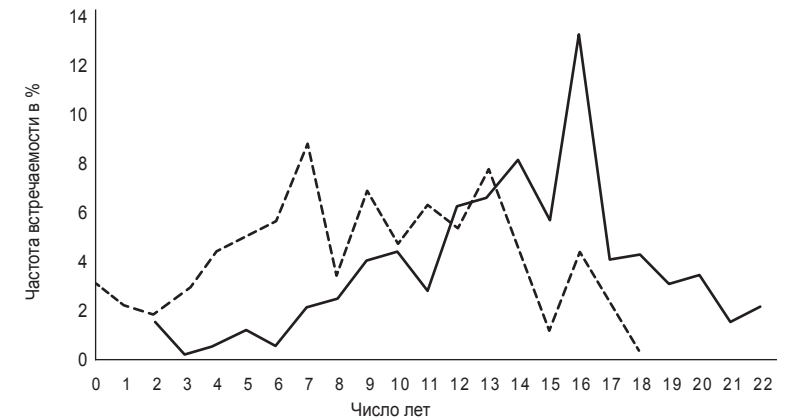

Рис. 2. С-2: частота появления ДП в зависимости от возраста старшего (сплошная линия) и младшего (штриховая) sibлингов

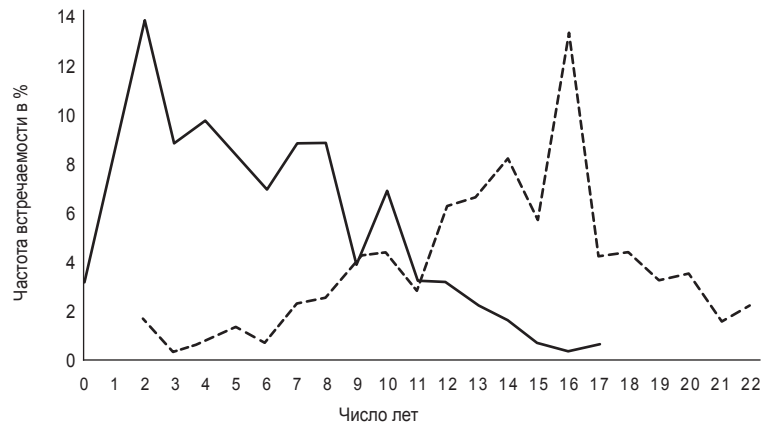

Рис. 3. С-2: возраст старшего ребенка на момент рождения в семье младшего ребенка (сплошная линия) и появления ДП (штриховая)

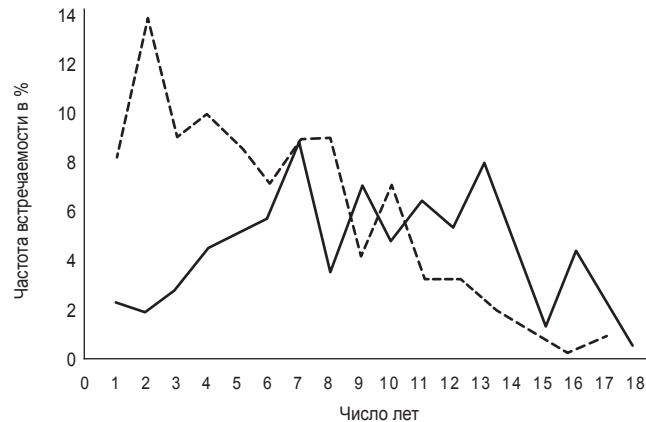

Рис. 4. С-2: возраст младшего ребенка на момент появления ДП в семье (сплошная линия) и возраст старшего ребенка на момент появления в семье младшего сиблинга (штриховая)

Обсуждение результатов

Эмпирические исследования «феномена» ДП — непрерывный рост их количества в современных городских семьях и предполагаемое возрастание их роли в развитии детей и поддержании их психологического благополучия — являются относительно новой областью психологических исследований (Endenburg, van Lith, 2011), при том что в целом можно говорить о «всезаполненности» семей животными-компаньонами: 72% детей в Великобритании (Westgarth

et al., 2010) и до 90% детей школьного возраста в США (Melson, Fine, 2010) имеют или хотя бы один раз в жизни имели хотя бы одного ДП. В нашем исследовании ДП как «значимые члены семьи» отмечались в более чем 86% семей наших респондентов.

Существующие на сегодняшний день исследования влияния ДП на развитие и психологическое благополучие детей показывают отчасти противоречивые данные и не поддерживают тезис о наличии однозначно позитивной связи между наличием ДП в семье и психологическим благополучием детей. Однако даже если такая связь и демонстрируется, то, как правило, в подобного рода работах не приводятся данные о самих семьях, в которых появляются ДП, поэтому до сих пор остается в целом неясным, что определяет развитие ребенка — появление ДП в семье или же «социальный климат» в семье, которая решает завести ДП (Endenburg, van Lith, 2011). Например, как говорилось выше, именно тип существующих отношений в семье или особенности взаимодействий родителей с детьми в значительной степени определяют то, как дети будут относиться к ДП (Endenburg, van Lith, 2011; Katcher, Gregory, 2000; Kotrschal, Ortbauer, 2003). Наше исследование призвано отчасти восполнить этот пробел. Мы пытались показать зависимость вероятности появления ДП в семьях от общего уровня тревоги семейной системы.

Как и любая система, семья стремится сохранить свое актуальное состояние, однако при этом должна пройти через последовательную смену стадий, сопровождающихся нормативными кризисами (Carter, McGoldrick, 2005). Переход семьи с одной стадии на другую в значительной степени связан с рождением и развитием детей. Появление ДП, по-видимому, приходится на моменты обострения тревоги в семье, вызванной необходимостью сепарации детей. Хотя переход на новую стадию жизненного цикла семьи требует перестройки системы взаимоотношений внутри семьи, некоторые семьи в моменты нормативных кризисов нередко пытаются вернуться к ранним моделям функционирования либо зафиксироваться на определенном этапе. ДП в силу особенностей построения с ним коммуникативных (эмоциональных) взаимоотношений может стабилизировать семейную систему в периоды ее кризисов.

Согласно результатам нашего исследования пики заведения ДП приходятся на те периоды (7, 9, 13, 16 лет — возраст детей из С-1 и младших сиблингов из С-2), когда семьи переживают нормативные кризисы, связанные не с изменением семейной структуры (т.е. количества людей, входящих в семью), а с рядом других факторов. В случае поступления ребенка в школу кризис создается соприкосновением с внешним социумом, в периоды активного взросления детей (подростковый и юношеский возраст) — резким изменением потребностей психического развития ребенка.

Причина появления ДП именно в данные периоды связана с тем, что эти кризисы не сопровождаются структурными изменениями. Ребенок-первоклассник (7 лет) не покидает семью, но становится членом еще одной социальной системы — школьной. Поступление ребенка в школу повышает семейную тревогу, потому что его успех или неуспех в новой системе является успехом/неуспехом всей семьи. Семья и школа оценивают друг друга. Кризис подросткового возраста (12—16 лет) — это новый этап на пути сепарации ребенка. Меняется межличностная дистанция между ребенком и родителями. В 16 лет эта тенденция усиливается в связи с возможным отъездом ребенка из дома. При этом структура семьи не меняется — дети по-прежнему живут вместе с родителями, но меняется взаимодействие с ними. Заведение ДП позволяет снизить тревогу в семье при сохранении ее структуры с помощью создания новых эмоциональных треугольников (Варга, Федорович, 2010).

Остается неясным, что означает частое появление ДП в семьях, когда единственному или младшему ребенку в семье исполняется 9 лет. Можно предположить, что в этом возрасте ребенок оканчивает младшую школу. Переход в среднюю школу — трудное время для ребенка, потому что он должен приспосабливаться к требованиям многих и разных учителей-предметников. Возрастает тревожность ребенка, которая неизбежно заражает членов его семьи. Возможно, ДП заводится для снятия тревоги. Однако это предположение нуждается в дополнительном обдумывании.

Профили, отражающие частоту заведения ДП в зависимости от возраста единственного ребенка в С-1 и младшего ребенка из С-2, коррелируют между собой, однако подобной корреляции профилей не наблюдается при сравнении распределения частоты заведения ДП в С-2 в зависимости от возраста младших и старших сиблингов (см. рис. 2). Представляется, что ДП в С-1 выполняет те же функции по поддержанию семейной системы, что и второй ребенок в С-2, в которой не планируется больше иметь детей.

В семьях с двумя детьми (С-2) профили вероятности появления младшего сиблинга и ДП в зависимости от возраста старшего сиблинга обратно пропорциональны: чем выше частота появления младшего сиблинга, тем меньше частота появления ДП в семье (см. рис. 3). После того как старшему сиблингу исполняется 10 лет, ДП начинают появляться чаще, чем младшие сиблинги. Если вероятность рождения ребенка в семье снижается (например, в связи с возрастом родителей), то, как можно предположить, гомеостатическую функцию начинает выполнять ДП. Например, один из выраженных «пиков» появления ДП приходится на момент, когда старшему сиблингу исполняется 16 лет — возраст, предшествую-

щий «покиданию семьи». На этот же возраст приходится минимум случаев рождения младших сиблингов. Это дает основание предположить, что регуляцию гомеостаза семейной системы в данный момент начинает выполнять ДП, появляющийся в семье тем чаще, чем реже рождается младший сиблинг. И наоборот, «пик» появления младших сиблингов в то время, когда старшему ребенку исполняется 2 года, соотносится с небольшой частотой появления ДП.

Если сравнить между собой профили частоты появления ДП в зависимости от возраста младшего сиблинга и частоту появления младшего сиблинга в зависимости от возраста старшего сиблинга в С-2 (см. рис. 4), обращает на себя внимание то, что пики частоты появления ДП, взятые относительно возраста младшего сиблинга, «опережают» на год появление пиков частоты рождения младшего сиблинга относительно возраста старшего сиблинга. Период подобной «задержки» может объясняться периодом ожидания рождения ребенка. Таким образом, возраст младших детей, в котором чаще всего появляются ДП, совпадает с возрастом старших детей, когда происходит зачатие их младших сиблингов.

В заключение следует отметить, что использованный нами метод сбора данных не лишен некоторых недостатков, самым заметным из которых является то, что проведенная процедура вычисления возраста ребенка на момент, когда в семье появляется ДП, не всегда могла дать точные результаты. Кроме того, как указывалось, учитывая средний возраст респондентов и относительно небольшой период жизни животных, занижалось количество ДП, появившихся в семье в более раннем возрасте детей. Это не позволило, с нашей точки зрения, в достаточной мере проявиться «пикам» появления ДП в С1, когда ребенку не исполнился год, и в возрасте 4 лет (см. рис. 1). Однако то, что данные, полученные в разные годы и на разных выборках (студенты и клиенты ветеринарного врача), хорошо коррелируют между собой, позволяет нам сделать вывод относительно возможных психологических функций, которые выполняют ДП по поддержанию гомеостаза семейной системы.

Итак, с позиций семейного системного подхода (Варга, 2009; Теория..., 2005) полученные нами данные могут свидетельствовать о неслучайном появлении ДП в современных городских семьях. Наиболее часто ДП появляются в периоды предполагаемых обострений тревоги в семье, связанной с нормативными кризисами прохождения стадий жизненного цикла и вызванной необходимостью сепарации детей. Появление ДП может выполнять функцию стабилизации семейной системы в периоды ее кризисов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Варга А.Я. Введение в системную семейную психотерапию. М.: Когито-Центр. 2009.

Варга А.Я., Федорович Е.Ю. О психологической роли домашних питомцев в семье // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Психологические науки. 2009. № 1(3). С. 22—35.

Варга А.Я., Федорович Е.Ю. Участие домашнего питомца в жизненном цикле семейной системы // Вопр. психологии. 2010. № 1. С. 56—65.

Теория семейных систем Мюррея Боуэна / Под ред. К. Бейкер, А.Я. Варги. М.: Когито-Центр, 2005.

Федорович Е.Ю., Варга А.Я. Животные — домашние питомцы — в системе невербальной коммуникации семьи // Психология общения XXI век: 10 лет развития: Мат-лы Междунар. конференции (8—10 октября 2009 г.): В 2 т. / Под ред. А.А. Бодалева. М.: УРАО; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2009. Т. 2. С. 157—158.

APPMA — American Pet Products Manufacturers Association (2012). National Pet Owners Survey. URL: <http://media.americanpetproducts.org/press.php?include=144262>

Ascione F.R. Enhancing children's attitudes about the humane treatment of animals: Generalization to human-directed empathy // *Anthrozoös*. 1992. Vol. 5. P. 176—191.

Ascione F.R., Friedrich W.N., Heath J., Hayashi K. Cruelty to animals in normative, sexually abused, and outpatient psychiatric samples of 6- to 12-year-old children: Relations to maltreatment and exposure to domestic violence // *Anthrozoös*. 2004. Vol. 16(3). P. 194—212.

Beck A.M., Katcher A.H. Between pets and people: The importance of animal companionship. West Lafayette, IN: Purdue Univ. Press, 1996.

Boat B.W. Understanding the role of animals in the family: insights and strategies for clinicians // Handbook on animal-assisted therapy. Theoretical foundations and guidelines for practice. 3rd ed. / Ed. by A. Fine. San Diego: Academic Press, 2010. P. 265—281.

Bonas S., McNicolas J., Collis G. Pets in the family networks of family relationships: An empirical study // Companion animals and us / Ed. by A. Podberscek, E. Paul, J. Serpell. Cambridge Univ. Press, 2000. P. 209—236.

Bryant B.K. The richness of the child-pet relationships: a consideration of both benefits and costs of pets to children // *Anthrozoös*. 1990. Vol. 3. P. 253—261.

Bulcroft K. Pets in American family // People, Animals, Environments. 1990. Vol. 8. N 4. P. 13—14.

Cain A.O. Pets as family members // Marriage and Family Review. 1985. Vol. 8. P. 5—10.

Carr A. Family Therapy: Concepts Process and Practice. 2nd ed. Chichester, UK: Wiley, 2006.

Carter B., McGoldrick M. The expanded family life cycle. 3rd ed. Boston: Allyn and Bacon, 2005.

Endenburg N., Baarda D. The role of pets in enhancing human well-being: Effects on child development // The Waltham book of human-animal interaction: Benefits and responsibilities of pet ownership / Ed. by I.H. Robinson. Exeter, UK: Pergamon, 1995. P. 1—17.

Endenburg N., van Lith H. The influence of animals on the development of children // The Veterinary Journal. 2011. Vol. 190. P. 208—214.

Franklin A. Human-nonhuman animal relationships in Australia: An overview of results from the first national survey and follow up case studies 2000-2004 // Society and Animals. 2007. Vol. 15. P. 7—27.

Hanson M., Lynch E. Family diversity implications for Policy and Practice // Topics in Early Childhood Special Education. 1992. Vol. 12. N 3. P. 283—306.

Katcher A., Gregory G. The centaur's lessons: Therapeutic education through care of animals and nature study // Handbook on animal-assisted therapy. Theoretical foundations and guidelines for practice / Ed. by A. Fine. San Diego, CA: Elsevier, Academic Press. 2000. P. 153—177.

Katcher A., Teumer S. A 4-Year trial of animal-assisted therapy with public school special education students // Handbook on animal-assisted therapy. Theoretical foundations and guidelines for practice. 2nd ed. / Ed. by A. Fine. San Diego, CA: Elsevier, Academic Press, 2006. P. 227—243.

Kidd A., Kidd R. Children's attitudes toward their pets // Psychological Reports. 1985. N 57. P. 15—31.

Kotrschal K., Ortbauer B. Behavioural effects of the presence of a dog in a classroom // *Anthrozoös*. 2003. Vol. 16. P. 147—159.

McNicolas J., Collis C. Animals as social supports // Handbook on animal-assisted therapy. Theoretical foundations and guidelines for practice. 2nd ed. / Ed. by A. Fine. San Diego, CA: Elsevier, Academic Press, 2006. P. 49—71.

Melson G., Fine A.H. Animal in the lives of children // Handbook on animal-assisted therapy. Theoretical foundations and guidelines for practice. 3rd ed. / Ed. by A. Fine. San Diego, CA: Academic Press, 2010. P. 222—264.

Paul E.C., Serpell J.A. Obtaining a new pet dog: Effects of middle childhood children and their families // Applied Animal Behaviour Science. 1996. Vol. 47. P. 17—29.

Poresky R.H. Companion animals and other factors affecting young children's development // *Anthrozoös*. 1996. Vol. 9 (4). P. 159—168.

Poresky R.H., Hendrix C. Differential effects of pet presence and pet-bonding on young children // Psychological Reports. 1990. Vol. 66. P. 931—936.

Salmon J., Timperio A., Chu B., Veitch J. Dog ownership, dog walking, and children's and parents' physical activity // Res Q Exerc Sport. 2010. Vol. 81(3). P. 264—71.

Timperio A., Salmon J., Chu B., Andrianopoulos N. Is dog ownership or dog walking associated with weight status in children and their parents? // Health Promotion Journal of Australia. 2008. Vol. 19. P. 60—63.

Triebenbacher S.L. The companion animal within the family system // Handbook on animal-assisted therapy. Theoretical foundations and guidelines for practice / Ed. by A. Fine. San Diego, CA: Academic Press, 2000. P. 357—374.

Van Houtte B.A., Jarvis P.A. The role of pets in preadolescent psychosocial development // Journal of Applied Developmental Psychology. 1995. Vol. 16. P. 463–479/

Varga A., Fedorovich E. Pets and their part in the family system lifecycle // KAIROS — Slovenian Journal of Psychotherapy. 2012. N 4. P. 15—27.

Vidovic V.V., Stetic V., Bratko D. Pet ownership, type of pet and socio-emotional development of school children // Anthrozoös. 1999. Vol. 12. N 4. P. 211—217.

Walsh F. Human-Animal Bonds I: The relational significance of companion animals // Family Process. 2009. N 48. P. 462—480.

Westgarth C., Heron J., Ness A. et al. Family pet ownership during childhood: Findings from a UK birth cohort and implications for public health research // Int. Journal of Environmental Research and Public Health. 2010. Vol. 7. P. 3704—3729.

Поступила в редакцию
16.12.14

А. В. Вартанов, Ю. И. Косарева

ЭМОЦИИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЕЗЬЯН: СУБЪЕКТИВНОЕ ШКАЛИРОВАНИЕ ВОКАЛИЗАЦИЙ

С помощью метода метрического многомерного шкалирования построена четырехмерная сферическая модель эмоций, которая описывает одновременно и проявление эмоций в звучащей речи человека (на основании образцов произнесения слова «да» с разными интонациями), и вокализацию обезьян вида макака-резус в восприятии человека-слушателя. На основании статистических критериев размерность пространства восприятия эмоциональных образцов человеческой речи и образцов вокализации обезьян оценена как равная 4, точки-стимулы в этом пространстве расположены практически на равном расстоянии от центра гиперсферы. На основании содержания человеческих эмоций проведена интерпретация осей пространства модели. А ориентация осей пространства восприятия образцов вокализации обезьян осуществлена с помощью формальной процедуры на основе прямых экспериментальных данных — перекрестных оценок различия между некоторыми образцами речи человека и всеми образцами вокализаций обезьян. В результате все исследованные образцы криков обезьян были количественно представлены в единой системе выделенных для эмоций человека признаков и получили антропоморфную интерпретацию. Результаты не противоречат данным наблюдения за поведением животных и экспертному анализу репертуара их вокализаций. В итоге показано сходство проявления эмоций в речи человека и репертуара вокализации обезьян, что в свою очередь свидетельствует о родстве эмоций человека и обезьян.

Ключевые слова: эмоции, вокализация обезьян макака-резус, субъективное пространство.

Four-dimensional spherical model of emotions was built with metric multidimensional scaling method. This model simultaneously describes emotional expressions in the oral human speech (based on the samples of the word “Yes”, spoken with different expressions) and vocalizations of rhesus macaque mon-

Вартанов Александр Валентинович — канд. психол. наук, ст. науч. сотр. кафедры психофизиологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* a_v_vartanov@mail.ru

Косарева Юлия Игоревна — студент 5-го курса в/о ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* lutra92@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 14-06-00327).

keys in the human listener's perception. Based on statistical criteria, number of dimensions in the space of the perception of emotional human speech and monkey vocalizations samples was defined to be equal to 4. Stimuli points in the space are positioned in almost equal distance from the center of the hypersphere. Model space axes were interpreted in regard to the contents of human emotions. Orientation of perception of monkey vocalization samples space axes was conducted in a formal procedure based on direct experimental data — cross-assessment of the differences between some human speech samples and all monkey vocalizations samples. As a result, all studied monkey vocalizations samples were quantitatively presented in a unified system of the characteristics, defined for human emotions, and received an anthropomorphic interpretation. Obtained results are not controversial to the data from animal behavior observation and expert analysis of their vocalizations range. We revealed the similarity between emotional expressions in human speech and monkey vocalization range, which, in turn, demonstrates the relation of human and monkey emotions.

Key words: emotions, vocalizations of rhesus macaque monkeys, subjective space.

Эмоции человека: четырёхмерная сферическая модель

В звучащей нормальной речи человека эмоциональная составляющая хорошо заметна. Благодаря ей можно понять, испытывает ли говорящий радость или огорчение, гнев, испуг, удивление и т.д. Эта составляющая может быть выделена даже тогда, когда слова по тем или иным причинам разобрать невозможно. При прослушивании магнитофонных записей «высказываний» детей, еще не овладевших словом, несложно отличить просьбу от утвердительного ответа или отказа (Цейтлин, 2000). Однако задача компьютерной интерпретации (распознавания) эмоций человека по естественной речи весьма сложна как в плане ее математической формализации, так и в плане четкой конкретизации самого эмоционального состояния, что необходимо для однозначного детектирования эмоции по речевому сигналу (Сидоров, Филатова, 2012). Кроме того, многомерность эмоций, их проявление на различных уровнях отражения и деятельности, способность к слиянию и образованию сочетаний исключают возможность их простой линейной классификации (Виллюнас, 1984) или создания конечного дискретного набора всех возможных вариантов.

Несмотря на всю сложность проблемы систематизации эмоций, развитие психофизиологического исследования по схеме «человек—нейрон—модель» (Соколов, 1986) позволило построить универсальную четырехмерную сферическую модель эмоций

(Вартанов, 2013; Вартанов, Вартанова, 2003, 2005; Вартанов, Виденеева, 2001; Виденеева и др., 2000). Эта модель объективирует и формализует в системе четырех количественных параметров все многообразие переживаний и различные проявления эмоций в речи, мимике, а также в семантике. Четыре оси пространства эмоций были выделены на основе психофизических экспериментов и получили интерпретацию как определенные нейронные (мозговые) механизмы эмоций, а угловые характеристики — как субъективные качества эмоций. Первые две евклидовы оси пространства модели связаны с оценкой ситуации: ось 1 — по знаку (хорошо, полезно, приятно/плохо, вредно, неприятно), ось 2 — по степени информационной определенности (уверенность/удивление). Система третьей и четвертой осей связана с побуждением: ось 3 — притяжение, ось 4 — отвержение (оборонительная реакция), активное (агрессия) или пассивное избегание (страх, затаивание). Это хорошо согласуется с известными (Симонов, 1981, 2001) мозговыми механизмами эмоций: так, ось 3 и положительное направление оси 1 отражают работу разных групп нейронов гипоталамуса — побудительных и подкрепляющих, которые хотя и определяют, казалось бы, одни и те же положительные эмоциональные состояния, но находятся между собой в конкурентных отношениях (что проявляется в ортогональности осей модели). Ось 2 и отрицательное направление оси 1 можно связать с работой гиппокампа (активизирующегося в условиях информационной неопределенности) и фронтальной коры (дорсальной ее части), а также с системой «миндалины—вентральная часть префронтальной коры». В целом префронтальная кора, являясь, как и гиппокамп, «информационной» структурой мозга, ориентирует поведение на сигналы высоковероятных событий. Ось 4 делит активные и пассивные оборонительные реакции и, по-видимому, также описывает активность двух структур медиального гипоталамуса, стимуляция которых вызывает оборонительные реакции нападения (положительное направление оси 4) или бегства (отрицательное направление оси 4) (Симонов, 2001).

Таким образом, эта четырехмерная сферическая модель служит общей классификационной системой для эмоциональных явлений, объединяя как физиологические представления о мозговых механизмах эмоциональной регуляции, так и известные психологические классификации, полученные на основе разных экспериментальных данных (Вундт, 1984; Измайлов и др., 1999; Osgood et al., 1957; Schlosberg, 1941). Она количественно объясняет также все возможные нюансы и плавные взаимопереходы эмоций, представляя каждую конкретную эмоцию как линейную комбинацию выделенных основных психофизиологических параметров.

Эмоции обезьян

Сейчас уже никто не отрицает, что звуковая коммуникация и эмоциональные реакции свойственны не только человеку, но и большинству животных, в частности обезьянам. Строение речевого аппарата и возможности звуковой коммуникации у обезьян, конечно, отличаются от таковых у человека, но исследования показывают, что средства общения у них не только многообразны, но и характеризуются выраженной адресованностью, побуждающей функцией, направленной на изменение поведения членов стада (Фабри, 1999).

Еще в классических исследованиях акустической структуры обезьяньего языка, проведенных в лаборатории Г.В. Гершуни, было обнаружено, что в нем имеется много звуковых элементов, сходных по звучанию с фонетическими элементами человеческой речи — гласными, согласными, слогами. При этом утверждалось, что эмоциональное значение голосовых звуков обезьян — угрозу, страх, радость, настороженность, гнев, удовольствие, жалобу и т.п. — люди-слушатели воспринимают достаточно адекватно, т.е. с вероятностью до 95% правильно определяют то эмоциональное состояние, в котором находилось животное, издавая соответствующие звуки (Морозов, 1987). Однако здесь можно говорить лишь о фрагментарном соответствии звуковой продукции обезьян ситуации, в которой она возникла. При этом нельзя забывать и об опасности антропоморфизации звуковых сигналов животных: «правильное» их распознавание базируется на «здравом смысле» человека и его же интерпретации ситуации (которая может не совпадать с тем, как данную ситуацию воспринимают животные). Но каким способом тогда можно по-настоящему доказать наличие сходства эмоциональных звуковых сигналов человека и животных и тем самым подтвердить предположение, выдвинутое еще Ч. Дарвином (2001), о родстве эмоций человека и обезьян? Другой немаловажный вопрос, касающийся одновременно и эволюции звуковой коммуникации, и эволюции эмоций (эмоционального отражения), можно поставить следующим образом: насколько полно в криках обезьян отражается гамма эмоций, имеющихся у человека?

Понятно, что если брать за исходную точку восприятие человеком звуковых сигналов обезьян, то нельзя ожидать, что человек сможет субъективно различить еще более тонкие (многомерные) нюансы проявления эмоций животных (если таковые имеются), чем он это может сделать по отношению к собственным эмоциям (поскольку чувствительность его ограничена). Поэтому проверить гипотезу о размерности эмоциональных проявлений в звуковых сигналах обезьян, превышающей таковую эмоциональных проявлений

человека, невозможно. Однако в психофизических (субъективных) экспериментах с человеком можно проверить другую одностороннюю гипотезу о том, что у обезьян выражение эмоций в звуковых сигналах менее разнообразно, редуцировано по отношению к человеческим эмоциям (альтернативной при этом будет гипотеза о тождественности этих систем выражения эмоций).

Мы предположили, что прямое экспериментальное количественное (с помощью построения соответствующих моделей) сопоставление субъективного восприятия человеком криков обезьян и звуковых образцов проявления человеческих эмоций позволит найти ответы на эти вопросы. В качестве необходимого контроля предполагается также сопоставить результаты субъективного шкалирования и независимого описания поведения и ситуаций, в которых были зафиксированы данные звуковые образцы.

Таким образом, задачами данного исследования было: 1) Экспериментально построить с помощью методов многомерного шкалирования пространство восприятия человеком криков обезьян вида макака-резус с включением звуковых образцов, соответствующих эмоциям человека, с целью получения общего пространства исследуемых звуковых образцов. 2) Сравнить формальное описание исследуемых звуковых образцов с помощью модели с описанием ситуаций и интерпретацией этих же криков обезьян наблюдателями-зоологами.

Методика

Психофизический эксперимент строился по схеме многомерного шкалирования.

Стимулы. Использовалось два набора звуковых образцов. Набор 1 (условное обозначение «эмоции человека») состоял из 18 вариантов произнесения женским голосом слова «Да» с разными выражениями, представляющими широкий диапазон проявления человеческих эмоций. Использовались стимулы из ранее созданного и субъективно специфицированного в предварительных экспериментах набора. В набор 2 (условное обозначение «крики обезьян») входило 16 звуков, издаваемых обезьянами вида макака-резус, в различных условиях, к которым были добавлены 4 наиболее характерных стимула из первого набора (человеческих эмоций), чтобы они служили «реперами» при сопоставлении пространств восприятия человеческих эмоций и криков обезьян. Когда испытуемый осуществляет сравнение не только обезьяньих криков друг с другом, но и делает кроссвидовые сравнения образцов человеческих эмоций со всеми обезьяньими криками, то возникает формальное основание прямо экспериментально соединить

исследуемые пространства. Звуки обезьян были выбраны из базы данных, ранее созданной в ходе реализации совместного проекта с биологическим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова (грант РФФИ № 11-06-12036-офи-м-2011), в ходе которой они были зарегистрированы, документированы и интерпретированы профессиональными зоологами биологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, которые и содержали данных животных (см. также: Вартанов и др., 2014). Каждая запись по-возможности содержала отдельные крики, но иногда было трудно разделить несколько перекрывающихся во времени криков, поэтому в эксперименте по субъективному шкалированию они являлись одним стимулом, и испытуемый должен был ориентироваться на общее впечатление от всего фрагмента.

Обстановка, в которой были записаны крики обезьян. В комнате в изолированных клетках в отсутствие физического контакта и затрудненной зрительной коммуникацией находятся 5 обезьян-самцов. Один из них явный лидер (доминант), четыре остальных — субдоминанты. Ранговость между субдоминантами неясна, вероятно, один из них является субдоминантом низшей ступени.

Характеристика записей (M009, M014 и т.д. — условные номера стимулов, описание — результат интерпретации наблюдателем «смысла» звукового сигнала в данной ситуации):

Экспериментатор входит в помещение с обезьянами и начинает запись.

M009: Один крик (субдоминант) — просительный/подчиненный.

M014: Один крик (субдоминант) — просительный/подчиненный.

Экспериментатор раздает еду обезьянам.

M034: Один крик (субдоминант) — пищевой/получение пищи.

M036: Один крик (субдоминант) — просительный/подчиненный.

M043: Два крика: 1) субдоминант — просительный/подчиненный; 2) другой субдоминант — просительный/подчиненный.

M056: Один крик (субдоминант) — коммуникация: здесь и далее «коммуникацией» обозначаются все крики, издаваемые без явной причины в окружающей обезьяну обстановке, роль которых наблюдателю было трудно установить. Но при этом несомненна их коммуникативная роль: ситуация, когда обезьяна таким криком пытается установить звуковой контакт, а другая/другие подтверждают его — «переключка». В остальных случаях роль таких звуков неясна.

Экспериментатор поочередно дразнит обезьян, демонстрируя палку вблизи клетки. Обезьяны проявляют смешанную реакцию: компоненты защитного поведения чередуются с агрессивными в зависимости от характера обезьяны.

M062: Один крик (субдоминант) — испуг/агрессия (смешанная реакция одновременного выражения испуга и попытки напугать атакующего;

как правило, возникает, когда действие направлено непосредственно против этой обезьяны).

M063: Один крик (субдоминант) — испуг / агрессия.

Экспериментатор раздает еду обезьянам (второй эпизод).

M074: Один крик (субдоминант) — просительный/подчиненный.

Экспериментатор высаживает одну из обезьян из ее клетки в клетку-переноску (тем самым вносит элемент новизны, радикально меняет привычную для обезьян обстановку). При этом высаживаемая обезьяна молчит, звуки издают другие обезьяны.

M080: Два крика: 1) субдоминант — агрессия 2) другой субдоминант — агрессия (выражение того, что можно назвать «чистой» агрессией, когда самой обезьяне ничто не угрожает, поскольку она в клетке, но когда объектом агрессии является другая обезьяна, высаживаемая в клетку-переноску).

Экспериментатор подносит клетку-переноску с обезьяной по очереди близко к каждой из остальных обезьян (тем самым обезьянам предоставляется возможность тесного визуального, но не физического, контакта). При этом высаженная в переноску обезьяна молчит, звуки издают другие обезьяны.

M087: Три крика (3 субдоминанта): 1-й — испуг (по-видимому, 1-й является субдоминантом по отношению к обезьяне, высаженной в переноску); 2-й и 3-й крики — коммуникация (ответ на крик 1-го).

M090: Один крик (доминант) — коммуникация.

Экспериментатор раздает еду обезьянам (третий эпизод).

M113: Один крик (субдоминант) — просительный / подчиненный.

Экспериментатор производит манипуляции с пустой обезьяньей клеткой.

M129: Один крик (субдоминант) — просительный / подчиненный.

M133: Два крика: 1) субдоминант — коммуникация, 2) другой субдоминант — коммуникация в ответ на крик первого.

Экспериментатор раздает еду обезьянам (четвертый эпизод).

M135: Четыре крика: 1-й субдоминант — коммуникация; 2-й субдоминант — просительный/подчиненный; доминант — коммуникация; 3-й субдоминант — коммуникация.

Длительность каждого из звуковых образцов — от 1 до 3 секунд.

Процедура эксперимента

Внутри каждого набора стимулы предъявлялись парами, всего 153 попарных сочетания стимулов для набора 1 (эмоции человека) и 190 — для набора 2 (крики обезьян).

Испытуемому с помощью программы Presentation через наушники предъявлялись пары стимулов, его задачей было оценить в баллах (от 0 до 9) степень их эмоционального различия. Для ответа

использовалась клавиатура компьютера. Клавиша 0 соответствовала случаю, когда эмоции идентичны, а 9 — когда они максимально различаются. Стимулы предъявлялись достаточно быстро, чтобы испытуемый давал первую интуитивную оценку. Между сериями и по ходу предъявления делались паузы для отдыха, также серии могли проводиться повторно в разные дни. В результате уровень работоспособности испытуемого оставался на оптимальном уровне. Первоначально с каждым испытуемым проводились тренировочные серии, что помогало ему понять задачу, привыкнуть к темпу предъявления стимулов, ознакомиться с их полным набором и стабилизировать критерий оценки величины различия. Кроме того, испытуемые самостоятельно настраивали громкость предъявления, чтобы звучание было для них оптимальным.

Испытуемые. В эксперименте участвовали 10 человек, 5 мужчин и 5 женщин в возрасте от 23 до 25 лет. Образование — высшее и неоконченное высшее. Испытуемые не имели субъективных и/или профессиональных интересов, связанных с обезьянами. Испытуемые проходили экспериментальные серии по несколько раз (кто-то по 3 раза, а кто-то только 1 раз), а внутри серии каждая пара стимулов также повторялась по несколько раз, хотя допускались пропуски ответов. В итоге суммарно по всем пробам и всем испытуемым в наборе 1 (эмоции человека) каждая пара стимулов была оценена в среднем по 7.9 раза, а в наборе 2 (крики обезьян) — по 22.9 раза.

Обработка. Полученные оценки предварительно проверялись на одинаковость «точек зрения» испытуемых, а затем усреднялись по всем предъявлениям и испытуемым и сводились в матрицу различий (по каждому набору стимулов). Усредненные матрицы анализировались метрическим методом многомерного шкалирования (Torgerson, 1958). Полученные координаты точек в метрическом пространстве подвергались процедуре вращения с целью интерпретации выделяемых осей пространства и для представления точек-стимулов двух экспериментальных наборов в единой системе координат на основании 4 «реперных» стимулов, имевшихся как в первом, так и во втором наборе.

Результаты

В результате проведенных психофизических экспериментов было показано принципиальное сходство оценок разных испытуемых, даваемых в разных пробах. Это позволило получить усредненные матрицы различий по двум наборам стимулов и оценить точность сравнения пар стимулов внутри каждого набора

и стимулов, принадлежащих разным наборам (кросс-сравнения криков обезьян и эмоций человека). Среднее стандартное отклонение в оценках различия составило: 1) при сравнении эмоций человека между собой 1.84 балла, 2) при сравнении криков обезьян между собой 2.17 балла, 3) при кросс-сравнении криков обезьян с эмоциями человека — 2.35 балла. Хотя эти оценки достоверно ($p < 0.05$) различаются относительно друг друга, однако можно заключить, что человек вполне может достаточно надежно оценивать эмоциональные различия не только в звуках человеческой речи, но

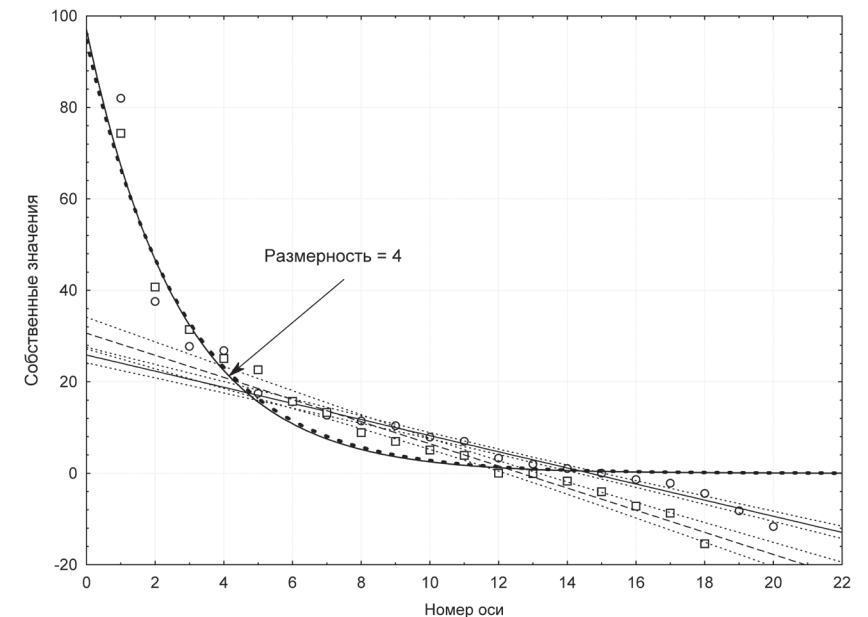

Рис. 1. График распределения собственных значений для двух матриц различий: кружки — набор 1 (эмоции человека), квадратик — набор 2 (крики обезьян). Экспоненциальными линиями показана аппроксимация первых четырех значений (сплошная и пунктирные линии совпадают) соответствующих наборов, которые теоретически характеризуют изменение собственных значений для «идеальной» (без случайного шума) матрицы различий. Прямыми линиями (сплошная — для набора 1, штриховая — для набора 2) показана аппроксимация оставшихся, начиная с 5-го, значений; пунктир — соответствующие 95% доверительные интервалы. Теоретически эти прямые описывают распределение собственных значений матрицы, содержащей только случайный шум. На рисунке видно (отмечено стрелкой), что именно для номеров осей между 4 и 5 экспоненциальные кривые пересекают соответствующие им прямые линии, что означает наличие только 4 значимых осей метрического пространства, тогда как остальные оси описывают исключительно случайный шум, неизбежно содержащийся в экспериментальных данных

и в криках обезьян макак-резусов (ошибка возрастает всего на 0.33 балла), а также иметь общую систему оценок проявления эмоций: ошибка увеличивается не более чем на 0.5 балла, что очень точно, учитывая дискретность шкалы в 1 балл.

Размерность субъективных метрических пространств, построенных на основе усредненных матриц различий, была оценена как равная 4 для обоих наборов стимулов. На рис. 1 представлены графики распределения собственных значений анализируемых матриц. Видно, что именно на уровне номера 4 и для 1-го, и для 2-го наборов происходит пересечение экспоненциальных линий (они практически совпадают для обоих наборов), которые аппроксимируют график убывания значимых для размерности пространства значений, с прямыми линиями, описывающими распределение значений, соответствующих случайному шуму в оценках различия. При этом 5-е и последующие измерения находятся уже в пределах погрешности, внутри пунктирных линий, показывающих 95% доверительный интервал. Таким образом, в наборе криков обезьян макак-резусов человек-слушатель выделяет такое же разнообразие эмоций, как и в наборе человеческих эмоций. Гипотеза о редукции диапазона эмоций, воспринимаемых человеком в криках обезьян, опровергается.

Полученные конфигурации точек-стимулов проверялись на сферичность: для набора 1 (человеческие эмоции) коэффициент сферичности составил 22.55% (средний радиус=3.16 балла, его стандартное отклонение=0.71 балла), а для набора 2 (криков обезьян) — 17.64% (средний радиус=2.98 балла, стандартное отклонение=0.53 балла). Такие значения отклонения от сферичности находятся на уровне выявленной ошибки при оценке каждой из пар стимулов в отдельности, поэтому полученные конфигурации точек можно считать сферическими. Далее анализировались координаты, нормированные на средний радиус по каждому набору стимулов отдельно, т.е. они были представлены в базисе единичного среднего радиуса.

В итоге применения процедуры вращения осей координат субъективных пространств было достигнуто: 1) наилучшее согласованное положение одного пространства по отношению к другому, т.е. координаты точек-стимулов двух наборов совмещены в одной системе координат (стандартная ошибка расхождения по 4 реперным стимулам, общим для обоих наборов, составила 4.6% от единичного радиуса); 2) получена содержательная интерпретация осей координат как эмоциональных качеств, которая оказалась полностью сходной с ранее описанными параметрами четырехмерной сферической модели эмоций (Вартанов, 2013; Вартанов,

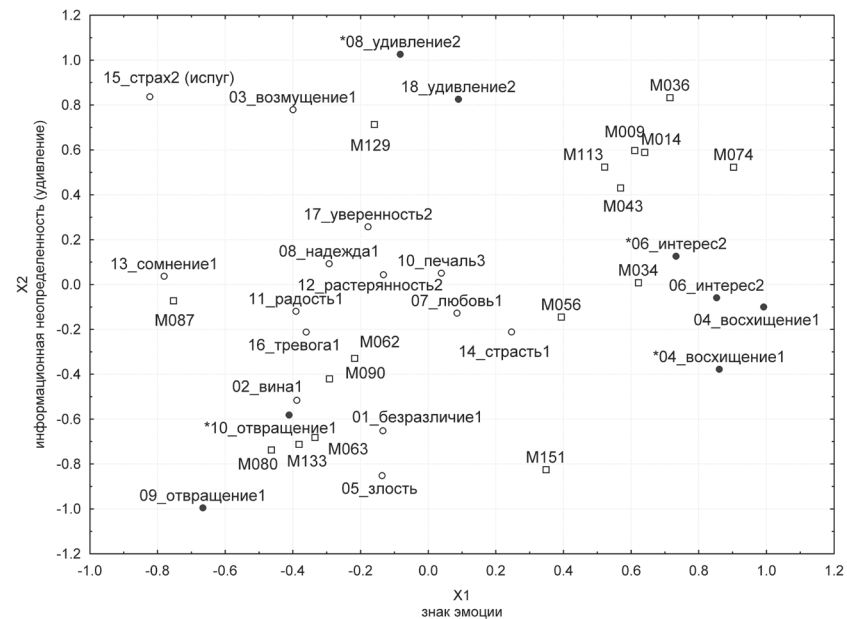

Рис. 2. Показано распределение точек-стимулов двух наборов в проекции на плоскость осей X1 (ось знака эмоций) и X2 (ось информационной определенности или удивления). Здесь и далее кружками обозначены стимулы из набора 1 (эмоции человека), которые подписаны номером, а также дано обозначение соответствующей эмоции, заданной при ее генерации; квадратами — стимулы из набора 2 (крики обезьян), которые подписаны условными обозначениями, соответствующими описаниям ситуаций их регистрации, данных в разделе «методика». Сплошными кружками отмечены реперные стимулы, присутствовавшие дважды, и в первом, и во втором наборе (вторичные случаи отмечены звездочкой перед номером и обозначением эмоции). По близости расположения одинаковых точек можно оценить качество подгонки при вращении осей координат пространств исследуемых наборов стимулов

Вартанова, 2003, 2005; Вартанов, Виденева, 2001; Виденева и др., 2000). Распределение точек-стимулов обоих наборов на плоскостях осей 1 и 2, а также осей 3 и 4 представлены на рис. 2 и 3 соответственно.

Таким образом, первые две евклидовы оси пространства (объединенной модели) связаны с оценкой ситуации: ось 1 — по знаку (хорошо, полезно, приятно/плохо, вредно, неприятно), ось 2 — по степени информационной определенности (уверенность/удивление). Система третьей и четвертой осей связана с побуждением: ось 3 — притяжение, ось 4 — отвержение (оборонительная реакция)

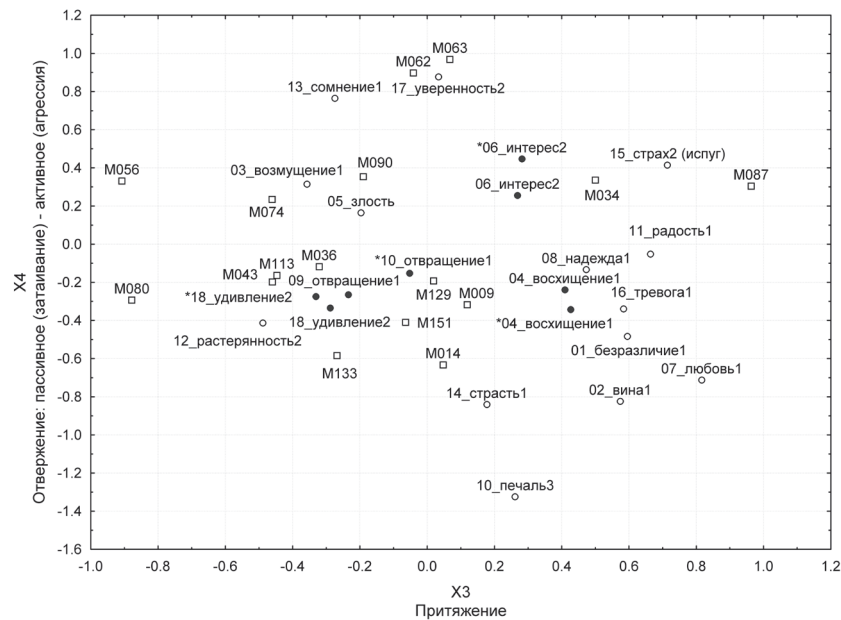

Рис. 3. Показано распределение точек-стимулов двух наборов в проекции на плоскость осей X3 — притяжение и X4 — отвержение пассивное (затаивание) или активное (агрессия). Обозначения те же, что на рис. 2

активное (агрессия) или пассивное избегание (страх, затаивание). В целом данный результат позволяет распространить интерпретацию составляющих качества человеческих эмоций, проявляющихся в речи, на крики обезьян, в которых человек-слушатель воспринимает те же самые качества. Необходимо отметить также, что точки-стимулы второго набора достаточно равномерно занимают все пространство и хорошо «перемешаны» с точками-стимулами первого набора. На основании близости расположения определенных криков обезьян к стимулам-эмоциям человека можно провести и формальную количественную интерпретацию их антропоморфного значения.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют заключить, что эмоции, проявляемые в криках обезьян вида макака-резус, с точки зрения человека-слушателя, полностью соответствуют эмоциям человека, проявляющимся в звучащей речи. Это подтверждает гипотезу

Ч. Дарвина (2001) и ранее упомянутые данные (Морозов, 1987) о возможности правильной интерпретации человеком криков обезьян. Однако остается открытым вопрос, является ли такое совпадение «эффектом обученного слушателя», человека, который и в любом «шуме» сможет услышать то, что ему хочется, или все же сама природа обезьяньих криков соответствует построенной по человеческому восприятию модели?

Это отчасти можно проверить путем сопоставления распределения образцов криков в представленной выше модели с данными о воспроизводимости обезьянами криков в типичных ситуациях и о степени их варибельности, наличия переходов. Как известно (Морозов, 1987), звуковые сигналы макак-резусов достаточно

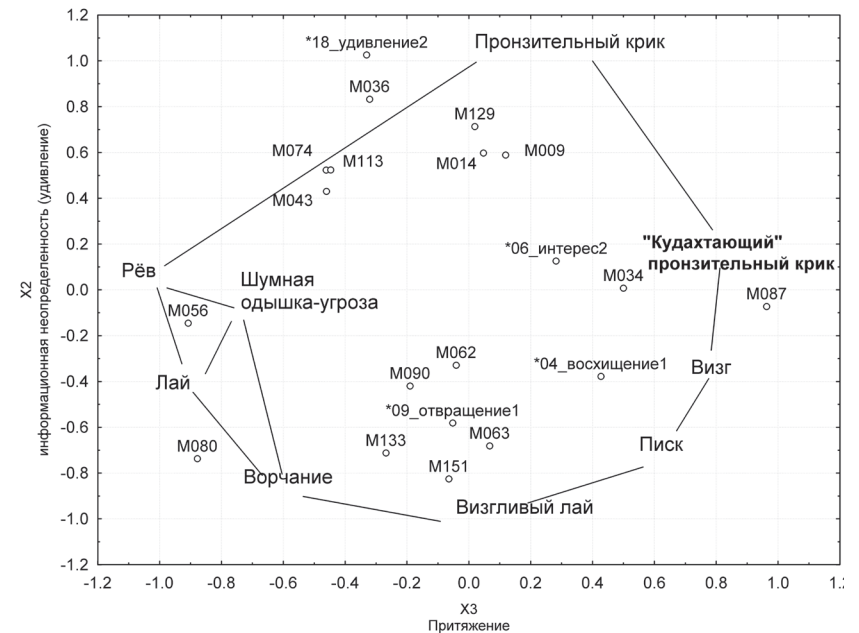

Рис. 4. Показано распределение точек-стимулов набора 2 (крики обезьян) в проекции на плоскость осей X3 — притяжение и X2 — информационная определенность или удивление. На эту же плоскость нанесены описания криков обезьян макака-резус, даваемые зоологами (по: Морозов, 1987) в соответствии с рисунком, приведенным в электронном документе «Файл: Язык_макак-резусов». Линиями, соединяющими эти описания, показаны возможные переходы между ними (когда фиксируются звуки промежуточно-го характера), которые образуют замкнутый круг. Взаимное положение точек-стимулов и этих описаний было выбрано на основании экспертной характеристики данных стимулов в соответствии с этими описаниями. Обозначения те же, что на рис. 2

разнообразны. Тип крика зависит от ситуации, от иерархического положения животного и т.д. Например, угрозы сопровождаются ревом (если угрожающий уверен в своих силах и противник ниже рангом), шумной одышкой-угрозой (если угрожающий не уверен и хочет получить поддержку сородичей), лаем (угроза при недостаточной агрессии для нападения). Тот, кому угрожают, может пронзительно кричать (если он ниже рангом, чем угрожающий), издавать «кудахчущие» звуки. При драке макака-резус может издавать визг (при поражении), писк (когда при защите силы на исходе). При тревоге используется ворчание (легкая тревога), визгливый лай (при виде хищника). На рис. 4 показано сопоставление известных данных интерпретации этих криков (Морозов, 1987; Файл: Язык_макак-резусов) и возможных переходов между ними (когда фиксируются звуки промежуточного характера), которые образуют замкнутый круг, с результатами представления звуков в эмоциональном пространстве восприятия человека в плоскости осей 3 и 2.

Это показывает хорошее соответствие полученных результатов с ранее имевшимися данными наблюдений. Однако, как теперь становится понятно, традиционная система описания репертуара звуков, издаваемых макаками-резусами, существенно упрощена, соответствует только одной плоскости четырехмерного сферического пространства эмоций, тогда как тщательный эксперимент показывает, что человек-слушатель выделяет в этих криках существенно больше нюансов эмоционального состояния данных животных.

То, что человек-слушатель воспринимает эмоциональную составляющую вокализации обезьян (по крайней мере, вида макака-резус) в той же системе, что и проявление эмоций в речи человека, есть следствие именно самой структуры эмоций обезьян, проявляющихся в их звуковых сигналах, а не эффект «обученного слушателя», стремящегося антропоморфно интерпретировать любые события. По-видимому, у человека и животных существует специальный механизм эмоционального или чувственного отражения, необходимый для регуляции поведения и ориентировки в ситуации, работа которого может быть формально представлена в виде вышеописанной четырехмерной сферической модели. Как свидетельствуют исследования нейронной активности в амигдале, у обезьян во время просмотра видеоклипов с видоспецифичными эмоциональными выражениями (включая визуальную и аудиальную формы проявления эмоций другой обезьяны) (Kuraoka, Nakamura, 2007), 51% нейронов реагируют при восприятии различных выражений обезьяньих эмоций, причем 77% из них

реагируют преимущественно на зрительное предъявление, а 20% одновременно и на зрительное, и на слуховое предъявление. Эти полимодальные нейроны были обнаружены в центральной части ядра амигдалы — ядра, которое принимает входные сигналы от других ядер амигдалы и в свою очередь имеет выходы на другие области мозга, связанные с эмоциями. Такие мультимодальные ответы при восприятии эмоций необходимы для выработки надлежащих мер реагирования на эмоцию другой особи вне зависимости от вида информации — лицевая экспрессия или голосовой сигнал. Другое недавнее исследование (Kuraoka, Nakamura, 2011), в котором применялся метод инфракрасной термографии области носа обезьян (вида *Macaca mulatta*) в качестве неинвазивного метода объективной оценки эмоционального состояния животных, также показало, что температура кожи носа обезьяны значительно уменьшалась в ответ на угрожающий раздражитель, даже если стимул был в 2D-изображении с цифровым звуком (хотя другие крики, например «воркующие», не вызывали такую реакцию). Такое изменение температуры сопровождалось и кожно-гальванической реакцией аналогично эмоциональному реагированию человека. При этом одновременное восприятие и мимики, и вокализации вызывало более выраженное снижение температуры кожи носа, чем это было при восприятии мимики или вокализации в отдельности. Эти факты подтверждают универсальный, полимодальный характер построенной модели эмоций обезьян, наличие общих мозговых механизмов эмоций человека и обезьян.

Выводы

1. Выявлено и количественно оценено, что даже неподготовленному человеку не слишком сложно «понимать» и сравнивать эмоции, проявляющиеся в криках обезьян (макак-резусов), и включать их в общую систему оценок проявления эмоций в человеческой речи.

2. Построена четырехмерная сферическая модель эмоций восприятия человеком системы вокальных сигналов обезьян вида макака-резус.

3. Показано наличие общей системы признаков, различающих эмоциональные состояния, выражаемые в речи человека и в вокализации обезьян вида макака-резус: ось 1 — различие эмоций по знаку (хорошо, полезно, приятно или плохо, вредно, неприятно), ось 2 — по степени информационной определенности (уверенность/удивление), ось 3 — по степени притяжения, ось 4 — по степени отвержения (активное — агрессия или пассивное — избегание, страх, затаивание).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вартанов А.В. Антропоморфный метод распознавания эмоций в звучащей речи // Нац. психол. журнал. 2013. № 2(10). С. 69—79.

Вартанов А.В., Вартанова И.И. Что такое эмоции? Четырехмерная сферическая модель аспектов переживания, выражения, восприятия и обозначения эмоций // Культурно-исторический подход и проблема творчества: Мат-лы III чтений памяти Л.С. Выготского / Под ред. Е.Е. Кравцовой, В.Ф. Спиридонова, Ю.Е. Кравченко. М.: РГУ, фонд им. Л.С. Выготского, 2003. С. 13—29.

Вартанов А.В., Вартанова И.И. Эмоции, мотивация, потребность в филогенезе психики и мозга // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2005. № 3. С. 20—35.

Вартанов А.В., Виденеева Н.М. Четырехмерная сферическая модель эмоций и дистанционный речевой контроль состояния человека // Тез. докл. рабочей группы «Влияние информационных технологий на национальную безопасность» 4-й Ежегодной конф. консорциума ПрМ «Построение стратегического сообщества через образование и науку» (Москва, 25—27 июня 2001 г.). С. 35—35.

Вартанов А.В., Терещенко Л.В., Латанов А.В., Бурлак С.А. Звуковой язык эмоций человека и обезьян // Нац. психол. журнал. 2014. № 4 (16). С. 81—94.

Виденеева Н.М., Хлудова О.О., Вартанов А.В. Эмоциональные характеристики звучащего слова // Журн. высш. нерв. деят. им. И.П. Павлова. 2000. Т. 50. № 1. С. 29—43.

Виллюнас В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций // Психология эмоций. Тексты / Под ред. В.К. Виллюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 3—26.

Вундт В. Психология душевных волнений / Психология эмоций. Тексты / Под ред. В.К. Виллюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 48—63.

Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных. СПб.: Питер, 2001.

Измайлов Ч.А., Коршунова С.Г., Соколов Е.Н. Сферическая модель различения эмоциональных выражений схематического лица человека // Журн. высш. нерв. деят. им. И.П. Павлова. 1999. Т. 49. № 2. С. 186—199.

Морозов В.П. Занимательная биоакустика. Изд. 2-е, доп., перераб. М.: Знание, 1987.

Сидоров К.В., Филатова Н.Н. Анализ признаков эмоционально окрашенной речи // Вестн. Тверского гос. техн. ун-та. Тверь, 2012. Вып. 20. С. 26—31.

Симонов П.В. Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981.

Симонов П.В. Лекции о работе головного мозга: потребностно-информационная теория высшей нервной деятельности. М.: Наука, 2001.

Соколов Е.Н. Теоретическая психофизиология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.

Фабри К.Э. Основы зоопсихологии: Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям «Психология», «Биология», «Зоология» и «Физиология». 3-е изд. М.: РПО, 1999.

Файл: Язык_макак-резусов.PNG Материал из Wikimedia Commons Версия от 01:33, 31 августа 2014. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:%D0%AF%D0%B7%D1%8B%D0%BA_%D0%BC%D0%B0%D0%BA%D0%B0%D0%BA-%D1%80%D0%B5%D0%B7%D1%83%D1%81%D0%BE%D0%B2.PNG?uselang=ru

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. М.: ВЛАДОС, 2000.

Kuraoka K., Nakamura K. Responses of single neurons in monkey amygdala to facial and vocal emotions // Journal of Neurophysiology. 2007. Vol. 97(2). P. 1379—1387.

Kuraoka K., Nakamura K. The use of nasal skin temperature measurements in studying emotion in macaque monkeys // Physiology and Behavior. 2011. Vol. 102 (3-4). P. 347—355.

Osgood C.E., Suci G.J., Tannenbaum P.H. The measurement of meaning. Urbana: Univ. of Illinois Press. 1957.

Schlosberg H.S. A scale for the judgment of facial expressions // Experimental Psychology. 1941. P. 497—510.

Torgerson W.S. Theory and methods of scaling. N.Y.: John Wiley and Sons, 1958.

Поступила в редакцию
20.12.14

НА ФАКУЛЬТЕТЕ ПСИХОЛОГИИ

МЕМОРИАЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ
85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Е.Д. ХОМСКОЙ

5 декабря 2014 г. на факультете психологии МГУ состоялась конференция, посвященная 85-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова *Евгении Давыдовны Хомской*.

Конференция включала 2 части — мемориальное заседание (ведущие — А.Ш. Тхостов и Ю.В. Микадзе) и секцию докладов молодых ученых (ведущие — Ж.М. Глозман и Н.Н. Данилова).

Надо отметить, что мемориальное заседание проходило очень тепло. Все выступления пронизывала высокая оценка личностных качеств Евгении Давыдовны, ее вклада в науку, ее преданности делу Александра Романовича Лурия и роли в развитии лурьевской нейропсихологии. Ученики Е.Д. Хомской — докт. психол. наук М.В. Алфимова и докт. психол. наук В.А. Москвин — говорили о создании Евгенией Давыдовной Хомской новых направлений в науке — нейропсихологии эмоций и нейропсихологии индивидуальных различий. Воспоминаниями о совместной научной и административной работе с Евгенией Давыдовной поделились Б.С. Братусь, Н.Н. Данилова, А.А. Ждан, В.А. Иванников, Н.К. Корсакова, В.В. Николаева, Е.Т. Соколова, А.Ш. Тхостов, Ю.В. Микадзе. Основные вехи жизненного пути Евгении Давыдовны были представлены в воспоминаниях ее племянника А.П. Хомского и в завершающем выступлении Ж.М. Глозман.

Во второй части конференции, посвященной современным проблемам нейропсихологии и психофизиологии, были заслушаны доклады аспирантов и студентов, во многих из которых обсуждались проблемы, затронутые в трудах Е.Д. Хомской. В докладах были представлены разные направления исследований: клиническая нейропсихология (доклады Л.И. Есейкиной, О.О. Зинченко, И.В. Клочковой, Л.И. Микеладзе, А.В. Петраковой, А.К. Трофимовой), нейропсихология индивидуальных различий (доклады М. Мусалека, Е.С. Лысенко и М.Д. Богдановой, Н.А. Хохлова), нейропсихология детского возраста (доклады А.Р. Агрис, Е.А. Зубовой, С.В. Первичко, Е.А. Прониной), психофизиология (доклады А.П. Долгоруковой и А.А. Сергеева, А.И. Ковалева, Р.И. Розовской, М.В. Шендяпиной). Краткие изложения этих докладов приводятся ниже.

Ж. М. Глозман, докт. психол. наук, профессор, вед. науч. сотр. лаборатории нейропсихологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова

Е.В. Ениколопова, канд. психол. наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова

А. Р. Агрис

ВАРИАНТЫ ДЕФИЦИТА АКТИВАЦИОННЫХ
КОМПОНЕНТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У МЛАДШИХ
ШКОЛЬНИКОВ С ТРУДНОСТЯМИ ОБУЧЕНИЯ

Целью данного исследования было оценить состояние нейродинамических компонентов психической деятельности (функций I блока мозга) и других компонентов ВПФ у младших школьников с различной успешностью в обучении. Испытуемыми стали 76 учеников 1—5 классов (возраст от 7 лет 8 мес. до 11 лет 9.5 мес.) с трудностями обучения, а также 64 учащихся 1 класса (средний возраст 7.9 ± 0.4 года) с различной успешностью освоения программы массовой школы (из них 25 детей с трудностями в обучении и 39 без трудностей).

Методы исследования включали адаптированный для детей вариант нейропсихологического обследования на базе батареи А.Р. Лурия и 2 компьютеризированные методики для оценки работоспособности и управляющих функций — тест «Dots» («Точки») и «Таблицы Шульте — Горбова».

По результатам исследования было выделено 2 варианта дефицита нейродинамики: с преобладанием замедленности и утомляемости и с преобладанием гиперактивности и импульсивности. Симптомы гиперактивности значимо связаны с дефицитом программирования и контроля и зрительно-пространственными трудностями и меньше — с проблемами переработки кинестетической и слухоречевой информации. Замедленный темп и утомляемость проявляются в трудностях вхождения в задание, в повышенной истощаемости, снижении продуктивности и темпа деятельности; при них также отмечаются трудности переработки кинестетической и слухоречевой информации и заметный, но менее выраженный, чем при гиперактивности, дефицит программирования и контроля. От 1-го к 5-му классу у детей с нейродинамическим дефицитом наблюдается смягчение симптомов гиперактивности и отсутствие изменений в проявлениях замедленности; улучшается состояние функций III и II блока мозга (кроме процессов переработки кинестетической информации).

В компьютеризированных методиках для детей с дефицитом I блока характерно снижение продуктивности, замедление либо импульсивность, а также повышение вариабельности времени реакции. Гиперактивные дети демонстрируют преобладание трудностей в заданиях с высокими требованиями к программированию и контролю и наиболее нестабильный характер выполнения проб. У детей с утомляемостью-замедленностью ухудшается продуктивность в заданиях средней и высокой сложности и заметно снижается средняя скорость выполнения, отмечаются более выраженные эффекты утомления.

ГБОУ лицей № 1524 (Москва),

МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии

Научный руководитель — докт. психол. наук Т.В. Ахутина

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 12-06-00341-а)

**КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МНОГОМЕРНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦВЕТОВОЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ
СЕМАНТИЧЕСКИХ СИСТЕМ**

По результатам данного исследования была разработана комплексная методика, которая позволяет исследовать взаимодействие цветовой и эмоциональной семантических систем в рамках парадигмы школы векторной психофизиологии академика Е.Н. Соколова. Ее особенностью в отличие от схожих исследований является использование единой метрики для стимулов (и цвета, и эмоции были представлены в виде названий). Это было сделано впервые. Серия экспериментов состояла из психофизиологической части (оценка субъективных различий между стимулами и регистрация времени сложной реакции) и психофизиологической части (поисковое исследование с регистрацией вызванных потенциалов на мгновенную замену стимулов). Оценка субъективных различий позволяет рассмотреть уровень осознаваемых связей, два других эксперимента — уровень неосознаваемых связей. Во всех экспериментах был использован одинаковый набор стимулов (10 названий цветов и 10 названий эмоций). В исследовании приняли участие в общей сложности 65 человек. По результатам экспериментов были получены матрицы различий, которые были обработаны с помощью методов факторного анализа и многомерного шкалирования, что послужило основой для построения моделей.

При анализе кривых стресса и собственных значений было принято решение о двумерной структуре интегрального пространства, полученного в ходе психофизического эксперимента. Данное пространство представляет собой круг, на границах которого равномерно расположены стимулы (цветовые и эмоциональные стимулы расположены вперемешку, поэтому данное пространство действительно можно назвать интегральным), где четко видны основные цвето-эмоциональные оси: «склеенные» красно-зеленая цветовая ось и эмоциональная ось интенсивности, а также зелено-желтая цветовая ось и гедонистическая эмоциональная. По результатам второго эксперимента следует отметить, что время реакции имеет тенденцию служить мерой неосознаваемых семантических различий между категориями. Поисковое психофизиологическое исследование показало возможность поиска мозговых локусов, где происходит обработка интегральной цвето-эмоциональной информации.

*МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
Научный руководитель — канд. психол. наук А.А. Кисельников*

**ОРГАНИЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ВНИМАНИЯ
У БОЛЬНЫХ С ТРЕВОЖНЫМИ РАССТРОЙСТВАМИ:
НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Исследования когнитивного функционирования у больных с тревожными расстройствами указывают на нарушения внимания, что проявляется в нарушениях произвольной регуляции. На сегодняшний день наиболее разработанной является модель внимания как трех взаимосвязанных сетей (ориентирования, предупреждения и произвольного контроля), представленная в работах Майкла Познера. Изменения внимания авторы связывают с нарушением взаимодействия сетей и с нарушением произвольного контроля: патологическая тревога возникает в связи со снижением функционирования сети произвольной регуляции и повышенного функционирования сетей ориентирования и предупреждения; обнаруженные нарушения в сети ориентирования (трудности высвобождения внимания) указывают на снижение функционирования эндогенной системы внимания; симптомы отвлекаемости, навязчивые мысли у указанной группы больных связывают со снижением эффективности сети произвольного контроля. Другие авторы, напротив, указывают на сохранность концентрации и функции принятия решений.

Модель М. Познера согласуется с работами отечественного психолога А.Р. Лурия, что позволяет рассматривать внимание как систему, участвующую в организации других психических процессов и изменяющуюся в ситуации патологической тревоги.

По результатам проведенного пилотажного исследования были выявлены:

— общее снижение внимания у больных с тревожными расстройствами, что проявлялось в увеличении затрачиваемого времени и количестве ошибок;

— нарушения регуляторных функций в звене переключения внимания у больных, что может свидетельствовать о двух возможных механизмах: а) процессы регуляции основываются на эффективности системы внимания, что может приводить к тревожным расстройствам у людей с недостатком функционирования этой системы; б) тревога является фактором, изменяющим баланс процессов контроля за системами внимания, направленными на цель, и системами, направленными на стимул.

*МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
Научный руководитель — канд. психол. наук И.В. Плужников*

ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ У БОЛЬНЫХ С ПОРАЖЕНИЯМИ ЛОБНЫХ ДОЛЕЙ МОЗГА

В клинической практике задача изучения нарушения регуляции высших форм психической деятельности при поражении лобных долей мозга на настоящий момент остается актуальной. Последнее ставит проблему изучения процесса принятия решения в ситуации неопределенности. В работе анализируется вклад эмоционального компонента, а также отдельных параметров регуляторных функций в обеспечение этого процесса.

В исследовании принимали участие 16 больных с поражением лобных долей мозга. Группа нормы составляла 15 человек. Исследование процесса принятия решения проводилось с помощью методики игровой задачи (*Iowa Gambling Task*). Также были использованы секции А, В, Е, F теста эмоционального интеллекта *MSCEIT V2.0*, Висконсинский тест сортировки карточек (*WSCT*) и модифицированный тест Струпа из батареи *D-KEFS CWIT*.

Обнаружено различие в продуктивности решения игровой задачи у групп нормы и больных ($M=29.73$, $SD=23.66$; $M=10.62$, $SD=13.81$). Анализ секций теста *MSCEIT V2.0* и продуктивности в игровой задаче показал наличие у группы больных положительной зависимости ($\rho=0.662$, $p<0.05$), которая подтверждается и на норме, но в более слабой связи ($\rho=0.420$, $p<0.05$). Обнаружена отрицательная зависимость между показателями неперсеверативных ошибок в *WSCT* и продуктивности в игровой задаче на выборках нормы и больных ($r=-0.367$, $r=-0.365$, $p<0.05$). Выявляется тенденция к отрицательной корреляции показателей «схватывания» условий *WSCT* и продуктивности в игровой задаче на выборке нормы и патологии ($r=-0.327$, $r=-0.199$) и к положительной корреляции с количеством правильных ответов *WSCT* ($r=0.128$, $r=0.251$).

Результаты позволяют предположить не только трудности разработки стратегии на основе прошлого «рационального» опыта, но и специфическую «нечувствительность» к эмоциональному опыту у больных с поражениями лобных долей. На основании полученных данных можно заключить, что способность к установлению стратегии решения у больных с поражениями лобных долей мозга может быть нарушена вследствие неэффективного использования сигналов соматических маркеров.

МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
Научный руководитель — канд. психол. наук Е.В. Ениколопова

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ РЕЧЕВОЙ ФУНКЦИИ У ПЕРВОКЛАССНИКОВ С ТРУДНОСТЯМИ ОБУЧЕНИЯ И С НОРМАТИВНЫМ РАЗВИТИЕМ

Трудности обучения являются одним из наиболее распространенных нарушений в детском возрасте, и число детей с ними непрерывно растет. Целью данного исследования является выявление закономерностей, обуславливающих особенности состояния речевой функции у детей с трудностями в обучении. Всего было обследовано 47 детей в возрасте 6—7 лет, среди них 11 детей с трудностями в обучении и 36 детей с нормативным развитием. В качестве методик исследования использовались проба на ассоциативные ряды и проба на составление рассказа по серии сюжетных картинок Х. Бидструпа.

По результатам анализа пробы на ассоциативные ряды было выявлено, что дети с трудностями обучения называют значимо меньше слов в серии на свободные ассоциации, а в серии на перечисление действий — больше словосочетаний. Также значимые различия для двух групп были получены при анализе динамики продуктивности в 15-секундные интервалы. При анализе способностей к кластеризации и переключаемости результаты отличались от описанных в литературе. По результатам анализа составления детьми рассказа по серии сюжетных картинок было выявлено, что группа детей с трудностями обучения характеризуется как слабостью функций третьего блока мозга, так и слабостью правополушарных функций. У детей с трудностями обучения отмечается меньшая смысловая полнота рассказа и наличие смысловой неадекватности из-за слабости правополушарных функций, а по параметрам серийной организации выявляются значимые различия по количественным характеристикам.

По результатам двух проб были выявлены особенности, характеризующие состояние речевой функции у детей с трудностями обучения. Проба на ассоциативные ряды и проба на составление рассказа по серии сюжетных картин продемонстрировали, что такие дети оказываются менее успешными из-за слабости функций программирования и контроля, у них отмечается тенденция к формированию крупных кластеров, для них затруднена актуализация слов по парадигматическим связям и им свойственны ошибки, вызванные слабостью правополушарных функций.

МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
Научный руководитель — докт. психол. наук Т.В. Ахутина

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ РАССТРОЙСТВ ОБСЕССИВНО-КОМПУЛЬСИВНОГО КРУГА

Для больных ОКР характерно наличие когнитивного дефицита, что подтверждается многими зарубежными авторами. Нами были выдвинуты гипотезы о наличии у пациентов с ОКР в сопоставлении с нормой значимых качественных и количественных особенностей протекания некоторых психических функций, в частности мнестических процессов, функции произвольной регуляции деятельности и пространственных функций. Для проверки выдвинутых гипотез было проведено исследование в рамках отечественного клинико-психологического подхода к изучению психических расстройств с применением метода синдромного анализа (А.Р. Лурия).

Исследование проводилось с применением шкалы нейропсихологической оценки когнитивной сферы. Клиническую выборку составили 13 пациентов НЦПЗ РАМН с диагностированным ОКР (средний возраст 27.4 года), в контрольную группу вошли 13 здоровых мужчин (средний возраст 26.1).

В ходе статистической обработки данных получены результаты, свидетельствующие о значимом дефиците психических функций у больных ОКР по сравнению с контрольной группой испытуемых. Были выявлены значимые (на уровне $p < 0.05$) различия в сфере праксиса (динамического и пространственного), мнестической сфере, зрительно-пространственных функциях, сфере внимания. Обнаружены следующие феномены нарушения когнитивного функционирования: модально-неспецифические нарушения памяти, нарушения пространственных функций, отдельные феномены нарушения регуляторных функций, нарушения динамического праксиса, нарушения внимания как неспецифического механизма обеспечения активации (феномены вработываемости и колебаний активности), симптомы неустойчивого нарушения порядка воспроизведения элементов, тенденция к микрографии на фоне утомления.

В работе подтверждены выводы зарубежных коллег о наличии дефицита, выявлены наиболее уязвимые сферы психического функционирования больных и выдвинуты предположения о связях наблюдаемой симптоматики с мозговым субстратом.

*МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
Научный руководитель — канд. психол. наук И.В. Плужников*

ОПТОКИНЕТИЧЕСКИЙ НИСТАГМ — ПРИЧИНА ИЛИ СЛЕДСТВИЕ ВЕСТИБУЛЯРНОЙ ДИСФУНКЦИИ?

Симптомы нарушений системы поддержания и ориентации тела в пространстве могут проявиться в отсутствии реального физического воздействия на человека по его перемещению. Например, иллюзия движения собственного тела (векция) возникает у человека под действием лишь объемной движущейся зрительной стимуляции. Поскольку данная иллюзия является субъективным ощущением человека, то стоит вопрос об объективной системе оценки ее выраженности, так как векция сопровождается дискомфортными симптомами (тошнота, головокружение), которые необходимо прогнозировать и предугадывать. В связи с этим нами был разработан метод количественной оценки выраженности этой иллюзии у человека на базе анализа характеристик оптокинетического нистагма (ОКН). Согласно нашей гипотезе, ОКН можно рассматривать как механизм, компенсирующий негативные последствия от иллюзии движения собственного тела.

Целью данного исследования было сравнение выраженности векции в зависимости от ширины зрительного поля испытуемого. Исследование было проведено в установке виртуальной реальности CAVE-система. Выраженность иллюзии измерялась с помощью опросника «Симуляторные расстройства» и на основе изменений характеристик ОКН. Испытуемому предъявлялась зрительная стимуляция в трех условиях — ширина зрительного поля 45°, 90°, 180°. Было установлено, что в случае заполнения зрительной стимуляцией всего объема зрительного поля баллы по опроснику были значимо выше, чем в иных ситуациях, а в характеристиках ОКН наблюдались изменения: большое количество микросаккад в медленной фазе, наличие высокоамплитудных и высокочастотных саккад в конце быстрой фазы, оканчивающейся чередой морганий.

Таким образом, характеристики ОКН оказались достаточно сложно связанными с выраженностью векций, а не простыми уравнениями «ОКН=векция» или «ОКН≠векция». Такого рода изменения в проявлении ОКН позволяют использовать его характеристики как онлайн-индикатор выраженности иллюзии векции, что позволяет предсказать развитие дискомфортных ощущений в процессе получения объемной зрительной стимуляции.

*МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
Научные руководители: докт. психол. наук А.М. Черноризов,
докт. психол. наук Г.Я. Меньшикова*

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛАТЕРАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЕРБАЛЬНЫХ И ПЕРЦЕПТИВНЫХ ФУНКЦИЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕТОДА ДОПЛЕРОГРАФИИ

Левое и правое полушария мозга в большей части популяции различаются по ведущей (доминантной) роли в обеспечении вербальных и перцептивных функций. В то же время индивидуальные различия в структурно-функциональной организации мозга могут проявляться в виде инвертированной доминантности полушарий, разной степени ее выраженности. Разработка неинвазивных методов диагностики особенностей межполушарной организации мозга имеет теоретическую и практическую значимость. При диагностике патологических изменений в работе мозга, вызванных функциональными или органическими повреждениями, особенно при показании хирургического вмешательства, часто требуется четкое разграничение полушарий по доминантности. Результаты такой диагностики имеют значение для планирования операции, позволяя провести хирургическое вмешательство с минимальным ущербом для состояния речи и других психических функций. В последнее время в связи с запросами неврологической и нейрохирургической практики для этих целей часто привлекается метод функциональной транскраниальной ультразвуковой доплерографии (ФТКУДГ) как альтернатива традиционно используемым инвазивным методам (например, WADA-тест).

В исследовании принимали участие 36 здоровых испытуемых (из них 24 женщины) в возрасте от 18 до 58 лет. Испытуемым предъявлялось 7 видов слухоречевых и зрительно-перцептивных задач. Скорость кровотока замерялась в состоянии покоя и при решении задачи. Исследование показало статистически достоверное изменение показаний скорости кровотока при решении когнитивной задачи при сравнении со скоростью кровотока в состоянии покоя. В зависимости от вида предъявляемого материала наблюдается различное усиление скорости кровотока в разных артериях полушарий. На основании полученных данных были подобраны оптимальные варианты когнитивных нагрузок, разработана процедура определения доминантности полушарий по речи.

*МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
Научный руководитель — докт. психол. наук Ю.В. Микадзе*

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ ПРИ ДЕПРЕССИЯХ ПОЗДНЕГО ВОЗРАСТА

Согласно взглядам современной науки, при депрессиях существенно изменяются характеристики восприятия времени. Это относится и к депрессиям позднего возраста. Восприятие времени изучается с позиций системно-динамического подхода и понимается как функциональная система, элементы которой объединены для достижения адаптации к окружающей среде. В комплексе важнейших характеристик, определяющих этот приспособительный результат, ключевую роль играют нейропсихологические показатели состояния высших психических функций. Изучению связи этих нейропсихологических показателей с особенностями восприятия времени было посвящено наше исследование.

Специальный методический комплекс был интегрирован в нейропсихологическое обследование и включал отмеривание субъективной минуты, оценку коротких временных интервалов (5, 10, 15 сек), непосредственное определение текущего времени и продолжительности обследования. Было обследовано 48 больных депрессиями в возрасте от 50 до 80 лет, находившихся на лечении в клинике НЦПЗ РАМН. Контрольную группу составили 26 человек в возрасте от 50 до 81 года.

В целом для представителей контрольной группы была характерна связь особенностей восприятия времени с состоянием некоторых психических функций. Снижение точности восприятия как коротких, так и длительных отрезков времени оказалось связанным с модально-неспецифическим мнестическим дефицитом, особенностями концентрации внимания и темповыми характеристиками деятельности. Важно отметить наличие связи между некоторыми параметрами восприятия времени и компонентами выполнения двигательных проб (чаще пространственными и регуляторными). Картина связи параметров восприятия времени и других психических функций в клинической группе оказалась более сложной. В отличие от контрольной группы особенности оценки и отмеривания коротких временных интервалов оказались в большей степени связаны с изменениями в сфере праксиса (его динамических и кинестетических параметров) с недостаточностью межполушарного взаимодействия и в меньшей — с дефицитом памяти и внимания. Это может указывать на возрастание роли полушарных подкорковых структур и снижение роли срединных неспецифических образований в изменениях временной перцепции. При восприятии длительных интервалов возрастает роль срединных структур: модально-неспецифические изменения памяти и снижение функции внимания соответствуют снижению точности оценки продолжительности обследования и текущего времени.

*МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
Научный руководитель — канд. психол. наук Е.Ю. Балашова*

**ВРАЩЕНИЕ ВОКРУГ ВЕРТИКАЛЬНОЙ ОСИ
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ВРАЩЕНИЯ
И ЕГО СВЯЗИ С ПОНЯТИЕМ ВЕДУЩИХ
ВЕРХНИХ И НИЖНИХ КОНЕЧНОСТЕЙ:
РАЗЛИЧИЯ В ЗАВИСИМОСТИ
ОТ ПОЛА В ПОПУЛЯЦИИ ПОДРОСТКОВ**

Данное исследование было проведено с целью изучения структуры и отношения между вращением и валидизированными задачами для оценки понятия ведущих верхних и нижних конечностей в популяции подростков. Всего в исследовании приняли участие 220 человек из Праги (мужчины = 104, женщины = 116) в возрасте 17—19 лет (средний возраст 18.1 года). Структурное моделирование показало, что вращение обладает существенной связью с понятием «нижней ведущей конечности» ($p < 0.001$). Участники с ведущей правой ногой имели тенденцию делать поворот налево, в то время как участники, показавшие предпочтение левой ноги, имели тенденцию к вращению направо. Кроме того, в дальнейшем при обработке данных с помощью многогруппового моделирования было установлено, что женская популяция показала несколько более стабильное предпочтение обеих ног, но слабые показатели вращения. В отличие от этого мужчины показали значимую ($p < 0.01$) сильную взаимосвязь с предпочтением конечности и вращением вокруг вертикальной оси в том смысле, что вращение осуществляется в противоположную сторону от ведущей нижней конечности. Обсуждаются ограничения исследования и дальнейшие предложения.

*Карлов университет в Праге, Чешская Республика
Научный руководитель — prof. Antonín Rychtecký*

**НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СИНДРОМЫ
У ПОДРОСТКОВ ПОСЛЕ ЧЕРЕПНО-МОЗГОВОЙ ТРАВМЫ**

Согласно опубликованным данным, в общей структуре нейротравмы среди подростков доминирует (80—90%) черепно-мозговая травма (ЧМТ) легкой и средней степени тяжести, оставляя ЧМТ тяжелой степени далеко позади.

В задачи нашего исследования входило выявление особенностей состояния высших психических функций (ВПФ) у подростков после ЧМТ легкой степени тяжести в острый период, а также исследование динамики восстановления психических функций в интервале до полугода.

Исследование проводилось на базе НИИ неотложной детской хирургии и травматологии г. Москвы. Экспериментальная группа включала 31 подростка 10—14 лет, которые имели диагноз «закрытая ЧМТ, сотрясение головного мозга». В контрольную группу вошли 20 здоровых подростков 10—14 лет, ученики 4—8 классов ЦО «Ясенево» № 1694, с хорошей успеваемостью, без патологии ЦНС и без жалоб на состояние здоровья на момент обследования. Первичное обследование проводилось в острый период (спустя 3—5 дней после травмы), второе — в промежуточный (спустя месяц), и третье — в отдаленный период (спустя полгода). Нейропсихологическое обследование проводилось с использованием батареи методик, разработанных А.Р. Лурия.

Результаты исследования показали следующее. У подростков 10—14 лет с ЧМТ легкой степени тяжести в острый период были выявлены три основных типа синдромов: 1) дефицитарность неспецифических структур мозга, преимущественно нижних отделов ствола, проявляется в виде нарушения динамических параметров ВПФ; 2) к дефицитарности стволородиэнцефальных структур мозга присоединяются признаки функциональной недостаточности передних (лобных) отделов мозга; 3) оба названных симптомокомплекса могут сочетаться с симптомами дефицитарности задних ассоциативных отделов (зона ТПО).

Исследование динамики восстановления ВПФ показало, что к первому месяцу происходит редукция ряда симптомов, относящихся прежде всего к дефицитарности зоны ТПО, а также ряда симптомов от передних отделов мозга. Через полгода после ЧМТ легкой степени тяжести наблюдается нивелирование всех симптомов от корковых структур, но сохраняются симптомы в виде утомления, снижения темпа деятельности, трудностей концентрации внимания, что еще раз свидетельствует о сохраняющейся дисфункции стволородиэнцефальных структур.

*МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
Научные руководители: докт. психол. наук Т.В. Ахутина,
канд. психол. наук И.С. Горина*

ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ ПОЗНАНИЯ ЛИЦ

Познание лиц (восприятие лиц и память на лица) — один из важнейших психических процессов для человека как социального существа, в этой связи этот процесс называют основным конструктом социального интеллекта. Люди отличаются друг от друга в способностях воспринимать лица, запоминать, узнавать. В рамках индивидуальных различий можно говорить о возрастных, гендерных вариациях функционирования процесса познания лиц. Нарушение этого процесса может привести к снижению качества жизни, трудностям адаптации к социальной среде. Поэтому углубление изучения индивидуальных различий процесса познания лиц и возможных форм нарушений этого процесса представляется очень важным.

В исследовании представлена новая батарея тестов, направленная на изучение индивидуальных особенностей восприятия лиц, памяти на лица (Берлинский тест на лица, ВеFaT). Интерес представляет возможность адаптации Берлинского теста для применения в нейропсихологической практике (например, диагностической). На данный момент были осуществлены первые шаги в апробации данной батареи тестов. Исследовались особенности восприятия знакомых и незнакомых лиц у здоровых испытуемых и у пациентов с поражениями головного мозга опухолевого генеза. Со здоровыми испытуемыми процедура начиналась со сбора общих демографических данных, определения профиля латеральной организации, с пациентами проводилось нейропсихологическое обследование по классической схеме А.Р. Лурия, проводились методики “*Sequential matching of part-whole familiar faces*” и “*Sequential matching of part-whole unfamiliar faces*” (по парадигме для исследования холистической стратегии при восприятии лиц). При восприятии знакомых лиц был получен классический эффект, заключающийся в том, что детали узнавались лучше при предъявлении их в контексте целого лица, чем при изолированном предъявлении, при восприятии незнакомых был обнаружен противоположный эффект. Оба эффекта оказались устойчивыми и у контрольной группы (независимо от ПЛО) и у экспериментальной группы (независимо от локализации поражения). Полученные данные интересны и с фундаментальной точки зрения (для понимания механизмов восприятия лиц), и как успешная апробация новой техники для работы с восприятием лиц (диагностики и, возможно, коррекции).

Берлинский университет им. Гумбольдта, институт психологии (Германия),
МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
Научные руководители: докт. психол. наук Ю.В. Микадзе,
докт. психологии В. Зоммер

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ФУНКЦИЙ I БЛОКА МОЗГА У ПЕРВОКЛАССНИКОВ С ТРУДНОСТЯМИ В ОБУЧЕНИИ

Методика RAN/RAS (*Rapid Automatized Naming/Rapid Alternating Stimulus*) изначально была предложена для оценки и прогнозирования успешности чтения, однако дальнейшие исследования продемонстрировали, что низкая скорость называния эффективно определяет проблемы переработки информации в целом, т.е. является чувствительной к трудностям обучения вообще.

Целью данного исследования была проверка гипотезы о возможности использования данной методики для выявления детей с трудностями в обучении и, в частности, со слабостью I блока мозга.

Полный тест RAN/RAS состоит из 6 субтестов, каждый из которых включает 5 стимулов, относящихся к одной семантической категории: объекты; цвета; цифры; прописные буквы; чередующиеся буквы и цифры; чередующиеся буквы, цифры и цвета. Каждый субтест предъявляется на отдельном листе, на котором элементы чередуются по рядам в случайном порядке (суммарно 50 элементов). Также перед каждой серией испытуемый проходит тренировочную серию, в которой должен назвать 5 элементов каждого из субтестов. Убедившись в правильности называния, экспериментатор предлагает называть все элементы по очереди как можно быстрее и точнее. Оцениваются время выполнения и допущенные ошибки.

В нашем исследовании приняли участие 77 первоклассников из общеобразовательных школ города Москвы (средний возраст — 8.2 года). Помимо выполнения методики RAN/RAS каждый ребенок проходил нейропсихологическое обследование. Анализ данных, полученных в результате нейропсихологического обследования, и беседы с учителями позволили выделить две группы первоклассников: группу «нормы» (47 детей) и группу детей с трудностями в обучении (30 детей).

С помощью факторного анализа были выделены три группы, различающиеся по состоянию I блока мозга: (а) дети без трудностей обучения и с хорошим состоянием активационных компонентов ВПФ (20 человек; «группа нормы по I блоку»); (б) дети с трудностями обучения и относительно сильно выраженными признаками гиперактивности/импульсивности (11 человек; «группа гиперактивных»); (в) дети с трудностями обучения и с относительно сильно выраженными признаками замедленной переработки информации и утомляемости (14 человек; «группа замедленных»).

По результатам исследования было получено, что методика RAN/RAS позволяет дифференцировать детей с трудностями в обучении и детей, успешных в обучении. Данная методика чувствительна к нейродинамическим компонентам деятельности (трудности вхождения в задание, повышенная утомляемость и нарастание затруднений при увеличении сложности заданий), что в свою очередь свидетельствует о возможности использовать методику для оценки состояния функций I блока. Помимо этого методика RAN/RAS дает возможность для дифференциации вариантов слабости I блока (дети с гиперактивностью и дети с низким темпом).

МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
Научный руководитель — докт. психол. наук Т.В. Ахутина

ОСОБЕННОСТИ МОЗГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОЧЕЙ ПАМЯТИ ПРИ УДЕРЖАНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНО ОКРАШЕННЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Цель настоящей работы — ответ на вопрос о том, как реализуется влияние эмоциональной окраски информации на мозговую организацию рабочей памяти: модулируют ли эмоции активность единой функциональной системы рабочей памяти или в зависимости от эмоциональной окраски запоминаемой информации актуализируются полностью или частично различные функциональные системы мозга. В фМРТ-исследовании приняли участие 45 испытуемых. В качестве стимульного материала использовались фотоизображения различной эмоциональной валентности (отрицательно окрашенные, положительно окрашенные и нейтральные) из международных баз данных *IAPS* и *GAPED*. Испытуемые запоминали оригинальное изображение, а по окончании периода удержания его в рабочей памяти (около 10 сек) выполняли задачу поиска изменений. Регистрировались ошибки, время реакции и *BOLD*-сигнал (фМРТ). Эффективность удержания в рабочей памяти негативно окрашенных изображений оказалась меньше по сравнению с удержанием нейтральных изображений. Анализ *BOLD*-сигнала в первые четыре секунды удержания информации в рабочей памяти (за вычетом активации, связанной с запечатлением) свидетельствует о специфике топографии активированных корковых зон и глубинных структур для удержания стимулов различной эмоциональной валентности. Наиболее выраженные различия наблюдаются между удержанием отрицательно окрашенных и нейтральных зрительных стимулов. Сопоставление результатов фМРТ-исследования и данных об успешности выполнения задачи позволяет предположить, что отрицательная эмоциональная окраска информации при ее сочетании с высоким уровнем эмоционального возбуждения препятствует формированию оптимальных для данного вида когнитивной деятельности функциональных систем мозга.

*Лечебно-оздоровительный Центр Минздрава РФ,
Институт возрастной физиологии РАО (Москва)
Научные руководители: докт. биол. наук Р.И. Мачинская,
канд. психол. наук Е.В. Печенкова
Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 14-18-03737)*

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ И КОГНИТИВНОЙ СФЕР У ИНВАЛИДОВ С ТРАВМАТИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНЬЮ СПИННОГО МОЗГА

Пациенты с травматической болезнью спинного мозга (ТБСМ) становятся пожизненно инвалидами, нуждающимися в постоянной комплексной медико-социальной реабилитации, важнейшим аспектом которой является длительная психологическая коррекция. Это обуславливает необходимость всестороннего анализа эмоциональной и когнитивной сфер инвалидов, перенесших спинальную травму на шейном и грудном уровнях позвоночника. На первом этапе исследования, которое включало оценку эмоциональной сферы, было обследовано 63 пациента с ТБСМ (средний возраст 35 лет), в том числе 35 женщин и 28 мужчин, госпитализированных в Реабилитационный центр для инвалидов «Преодоление». На втором этапе оценка когнитивной и эмоциональной сфер была произведена у 21 пациента с ТБСМ (средний возраст 27 лет), в их числе 4 женщины и 17 мужчин.

В качестве методов исследования эмоциональной сферы использовались шкала депрессии Бека; шкала самооценки уровня тревожности Спилберга—Ханина и методика индикатора копинг-стратегий Д. Амирихана. Оценка когнитивных функций производилась с помощью методик батареи А.Р. Лурия, Словесно-цветового интерференционного теста (*D-KEFS CWIT*), Теста вербальной беглости (*D-KEFS VFT*) и Теста ориентации линий (*JLO*).

По результатам исследования у инвалидов, перенесших травмы спинного мозга на шейном и грудном уровне, установлена дезадаптация в эмоциональной сфере: депрессивные состояния различной степени выраженности диагностированы у 54%. У пациентов с травмой шейного отдела позвоночника более выражены депрессивные состояния (у 35% пациентов с шейной и у 11.6% с грудной травмой депрессия выраженная). При грудном уровне ТБСМ выше как личностная тревожность, так и реактивная тревожность. Анализ копинг-стратегий пациентов с ТБСМ показал, что уровень разрешения проблем чаще был средним (52%), уровень избегания проблем — низким (57%), уровень поиска социальной поддержки — низким (46%) и средним (44%).

Анализ состояния когнитивных функций у больных с травмой грудного и шейного отделов позвоночника выявил общее снижение показателей выполнения тестов на внимание, слухоречевую память, пространственные и регуляторные функции. Более выраженное снижение когнитивных функций наблюдалось у больных с травмой грудного отдела позвоночника.

*МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
Научный руководитель — канд. психол. наук Е.В. Ениколопова*

ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ НА ОСНОВЕ МЕЖПОЛУШАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ПОМОЩИ ОБОБЩЕННЫХ ЛИНЕЙНЫХ МОДЕЛЕЙ И СТРУКТУРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

В современной нейропсихологии нормы большое внимание уделяется выявлению индивидуальных различий на основе межполушарных отношений. Создание подобной типологии, учитывающей межполушарную асимметрию в мануальной, слухоречевой и зрительной модальностях, впервые было предложено Е.Д. Хомской и И.В. Ефимовой и получило название профиля латеральной организации (ПЛО). Данный подход позволил выявить индивидуальные различия во многих психологических характеристиках.

Однако в наших работах было показано, что методика исследования ПЛО содержит в себе ограничения, связанные с несогласованностью результатов различных нейропсихологических проб, концептуально предназначенных для диагностики асимметрии одной модальности. Также было обнаружено, что использование отдельных латеральных показателей позволяет лучше прогнозировать психологические параметры. В связи с этим возникла проблема математико-статистической обработки данных, получаемых при исследовании межполушарной асимметрии с помощью различных проб.

Одним из возможных способов решения данной проблемы является использование структурного моделирования. Современные статистические методы позволяют включать в анализ как метрические, так и категориальные переменные, что особенно актуально для нейропсихологии. Данный метод был применен в нашем исследовании влияния особенностей межполушарных отношений на компоненты математических способностей у студентов вузов и позволил в ряде случаев объяснить более 40% дисперсии зависимой переменной. При этом наилучшее соответствие моделей исходным данным наблюдалось при включении в анализ медиаторов (компонентов структуры интеллекта), опосредующих влияние латеральных признаков на математические способности.

Другой подход к решению обсуждаемой проблемы состоит в применении обобщенных линейных моделей, позволяющих оценивать линейные и нелинейные воздействия, оперируя различными типами переменных. Кроме того, при применении обобщенных линейных смешанных моделей появляется возможность учитывать вложенные факторы, что открывает новые перспективы в исследовании индивидуальных различий.

*МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
Научный руководитель — докт. психол. наук М.С. Ковязина*

ОСОБЕННОСТИ ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ У БОЛЬНЫХ ИЗ ГРУППЫ УЛЬТРАВЫСОКОГО РИСКА ПО РАЗВИТИЮ ЭНДОГЕННОГО ПСИХОЗА

В последние десятилетия в биологической психиатрии большое внимание уделяется исследованиям профиля функциональных и структурных аномалий головного мозга в группах высокого и ультравысокого риска по развитию эндогенных психозов. Настоящее сообщение представляет результаты начального этапа исследования.

Одним из маркеров являлся нейрофизиологический показатель, характеризующий способность головного мозга «регулировать» объем поступающей информации, а именно «P50 sensory gating». Согласно литературным данным, именно он чаще всего указывает на вероятное нарушение в функционировании «сенсорного фильтра» у больных из группы высокого риска. Другие анализируемые показатели включали в себя метаболические характеристики, полученные методами МР-спектроскопии, — индекс глутамат/глутамина, NAA и холинсодержащих веществ.

Группа больных включала 56 человек (17—25 лет), госпитализированных в клинику ФГБУ «НЦПЗ» РАМН с непсихотическими психическими расстройствами. В соответствии с нозологической принадлежностью по критериям МКБ-10 сюда вошли 19 больных с расстройствами настроения (F31.3, F31.4, F32 (кроме F32.2), F33 (кроме F33.3), F34.); 23 больных с расстройствами личности (F60) и 14 пациентов с шизотипическим расстройством (F21). Критерии включения: юношеский возраст (17—25 лет), психопатологическая симптоматика непсихотического уровня, наличие при поступлении расстройств, соответствующих продромальным симптомам шизофренического спектра, выявленных по позитивной субшкале SOPS. Контрольная группа включала 30 подобранных по возрасту и полу психически здоровых испытуемых без наследственного отягощения по психическим заболеваниям.

При анализе нейрофизиологических данных уровень статистической значимости межгрупповых различий был достигнут в отведениях F3 и F4. Внутри когорты пациентов из группы ультравысокого риска статистически значимые различия были обнаружены только между группами 1 и 3 (больные с расстройствами настроения и шизотипическими расстройствами) в отведениях S4, T4, однако при анализе различий между группами уровень статистической значимости был достигнут только для T4 — отведения, в котором не выявлены отклонения объединенной группы от группы контроля. При анализе результатов протонной МР-спектроскопии различия между группами не были выявлены.

Полученные данные позволяют предположить нарушение «сенсорного фильтра» у больных из группы ультравысокого риска по развитию эндогенных психозов, в то время как метаболические характеристики головного мозга являются «нормальными» или «нормализованными» вследствие лечения.

*МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
Научные руководители: докт. биол. наук И.С. Лебедева,
канд. психол. наук Е.В. Ениколопова*

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

М. В. Филиппова

КУЛЬТУРНО-ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ
КАК ФАКТОР РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ
ПОСТРАДАВШИХ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

В статье рассматриваются различия в реакциях людей в сильных стрессовых ситуациях и культурно-специфические факторы как вероятные причины этих различий. Приводятся примеры оказания экстренной психологической помощи представителям разных культурно-этнических групп на территории Российской Федерации (осетин, алтайцев, якутов) и за рубежом. Обсуждаются вопросы профессиональной дистанции, личной психогигиены и профессиональной этики при работе психолога в зоне чрезвычайной ситуации. Рассматриваются особенности отношения к смерти в разных религиях. Делается вывод о том, что культурно-специфические факторы поведения людей в чрезвычайной ситуации требуют к себе особого внимания и уважения со стороны специалистов, так как являются психологическим ресурсом людей, оказавшихся в трудных жизненных обстоятельствах. Учет этих факторов необходим для построения эффективных стратегий оказания психологической помощи в условиях чрезвычайной ситуации.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, представители разных культур, культурно-специфические реакции на стресс, профессиональная дистанция, экстренная психологическая помощь.

The article discusses the differences in the reactions of people in the strong stressful situations, and cultural-specific factors as the probable causes of these differences. There are examples of emergency psychological assistance to representatives of different cultural and ethnic groups on the territory of the Russian Federation (Ossetians, Altaians, Yakuts) and abroad. The article discusses the questions of professional distance, personal mental health, and professional ethics in the work of the psychologist in the area of emergency. There discusses attitudes towards death in different religions. It is concluded that

Филиппова Мария Валерьевна — зам. директора Центра экстренной психологической помощи (ЦЭПП) МЧС России (Москва), соискатель Всероссийского центра экстренной и радиационной медицины имени А.М. Никифорова МЧС России (Санкт-Петербург). *E-mail:* filipova_cerp@mail.ru

Работа выполнена под руководством канд. психол. наук Ю.С. Шойгу.

culturally specific factors of human behavior in emergency situations require special attention and respect from specialists, because are the psychological resource of people who are in difficult life circumstances. Consideration of these factors is necessary to build effective strategies of psychological assistance in emergencies.

Key words: emergency situation, the representatives of different cultures, cultural-specific stress reactions, professional distance, emergency psychological aid.

Специфика деятельности психологов экстремального профиля включает работу с людьми в кризисных ситуациях, с родственниками погибших людей (Экстренная..., 2012). Психологи, которые в силу профессиональной необходимости постоянно встречаются и общаются с лицами, пострадавшими в чрезвычайных ситуациях (ЧС), выделяют культурно-этническую принадлежность этих людей как один из важнейших регуляторов их поведения, определяющих специфику работы в конкретной ЧС и поэтому требующих первоочередного внимания и учета. Ю.С. Шойгу и Л.Г. Пыжьянова (2011) подчеркивают роль этнокультурного фактора в прогнозировании рисков возникновения негативных социально-психологических явлений в зоне ЧС.

Опыт работы специалистов Центра экстренной психологической помощи МЧС России в зонах ЧС на территории нашей страны и за ее рубежом показывает, что пострадавшие демонстрируют как культурно-неспецифические, так и культурно-специфические реакции в ситуации сильного стресса (Шойгу, Павлова, 2010). Культурно-неспецифические реакции описаны в МКБ-10 и включают острую реакцию на стресс (F43.0), расстройства приспособительных реакций (F43.2, кроме F43.21 — пролонгированной депрессивной реакции, обусловленной расстройством адаптации), нормальные реакции горя Z73.3 (стрессовое состояние, не классифицируемое в других рубриках). Культурно-специфические реакции упоминаются только в отдельных работах по медицине и практически не упоминаются в исследованиях аспектов поведения людей в ЧС. Однако этнокультурные различия в реакциях людей на ЧС существуют. Продолжая тему исследований специалистов спасательных служб, попробуем описать психологические особенности реакций представителей отдельных этносов в ЧС.

Во время работы психологов на траурных мероприятиях, связанных с процессом опознания пострадавших в катастрофе вертолета Ми-8 с жителями Якутии в 2013 г., у родственников погибших в большинстве случаев обнаруживались реакции эмоциональной ригидности, что внешне выглядело как проявление самоорганизо-

ванности, терпения, смирения с обстоятельствами. Сильные реакции плача возникали только в момент опознания и носили острый, кратковременный характер. В остальное время внешнее проявление каких-либо сильных эмоций и истероидные реакции практически отсутствовали. Сходное поведение в связи с ЧС отмечено у этноса алтайцев. «Обращало на себя внимание практически полное отсутствие среди форм реагирования реакций психомоторного возбуждения, агрессивных реакций, включая вербальную агрессию, отсутствие слезливости, плаксивости как среди взрослых, так и среди детей» (Шойгу, Павлова, 2010, с. 302).

Реакции другого спектра, связанные с ЧС, мы наблюдали у беженцев из Южной Осетии в августе 2008 г. Несмотря на то что многие люди были вынуждены стремительно оставлять свои дома, не успевая собрать даже необходимый минимум личных вещей, они демонстрировали стеничные реакции, адекватную ориентацию в окружающих условиях. В большинстве случаев люди проявляли способность к самообслуживанию (самостоятельно сходить за водой, в пункт гуманитарной помощи на территории пункта временного размещения), восприимчивость информации (о дальнейшей эвакуации в санатории и пансионаты на территории соседних областей), к удовлетворению своих нужд, проявлению заботы о себе и своих близких. Наряду с этим при выяснении самочувствия, подробностей ситуации их отъезда возникали реакции плача. Плач часто сопровождался громкими рыданиями и истероидными реакциями. В общении с психологом беженцы не отвергали «телесный контакт», поддержку за руку, даже объятия.

Реакции сходного спектра наблюдались в ЧС, связанной с террористическим актом в г. Беслане Республики Северная Осетия—Алания в 2004 г. Ю.С. Шойгу и М.В. Павлова (2010) пишут, что на этапе ожидания разрешения ситуации доминировали агрессивные формы реагирования (в основном вербальная агрессия), на этапе разрешения ситуации (после начала освобождения заложников) ведущими стали массовые истерические формы реагирования и выхода эмоциональных реакций.

Говоря о психологической работе в условиях ЧС с представителями разных культур нельзя обойти вниманием вопрос о профессиональной дистанции. Он включает аспекты личной психогигиены и профессиональной этики. Из приведенных выше примеров видно, что оптимальная профессиональная дистанция психологов в разных ЧС разная. Большое влияние при определении оптимальной профессиональной дистанции оказывает культурная принадлежность пострадавших, тогда как личные предпочтения психолога здесь играют второстепенную роль.

К.Г. Гуревич с соавторами (2007) приводят примеры конфликтных ситуаций, возникавших при проведении спасательных операций российскими спасателями за рубежом.

Пример 1 (Турция). Спасатели после землетрясения откопали из-под обломков дома женщину. Ее муж попытался убить и спасателей, и женщину, так как «неверные увидели ее обнаженной» (ноги не были покрыты одеждой). С позиции мужа, жене лучше умереть, чем жить после того, как посторонний мужчина увидел ее наготу. Конфликт удалось решить путем беседы с лидером общины.

Пример 2 (Индонезия). Пострадавшая от наводнения девочка 10 лет выглядит истощенной, изможденной. Родители отказываются от консультации врача, так как он мужчина. Им объяснили, что для постановки диагноза врачебный осмотр необходим. Конфликт не удалось решить.

Пример 3 (Нигерия). Родственники пострадавших в землетрясении забросали камнями поисковую собаку, так как считали, что «собака оскверняет живых и умерших». Пришлось приостановить поисковые работы. Конфликт удалось решить путем беседы с родственниками.

Пример 4 (Россия). После взрыва на рынке погибших доставили в морг для проведения медико-судебной экспертизы, как это положено по законодательству. Экспертиза должна была занять несколько дней. Однако некоторые родственники пострадавших стали осаждать морг с просьбой выдать им тела погибших, так как по мусульманской традиции их нужно хоронить в день смерти. Конфликт удалось решить с помощью муфтиев.

Пример 5 (Израиль). Пострадавшие в теракте отказывались от переливания крови по медицинским показаниям, так как неизвестно, принадлежала ли переливаемая кровь иудею. Конфликт удалось решить с помощью раввина.

Пример 6 (Индия). Отказ от профилактических прививок, приготовленных на основе бычьей крови. Конфликт удалось решить после переговоров с местными общинными лидерами.

Приведенные примеры дают основания говорить о культурно-специфических факторах регуляции поведения в ситуациях сильного стресса.

Важнейшим культурно-специфическим фактором регуляции поведения людей в ЧС является конфессиональная принадлежность. В большинстве случаев все обязательные мероприятия (траурные процедуры), связанные с погибшими в условиях ЧС проходят согласно религиозным канонам.

Р.М. Грановская (2004) подробно показывает, насколько отличается отношение к смерти в разных религиях.

В ситуации широкого распространения православия, буддизма и в меньшей степени ислама на территории Алтая, Забайкалья и других областей Сибири одновременно сохраняются до-религиозные верования и традиции (Тюркские народы..., 2006). Так, до сегодняшнего дня жители Алтайских предгорий могут ходить за советом в трудных жизненных ситуациях к шаманам, но одновременно отмечают основные жизненные события и праздники по православным традициям.

Якуты являются представителями тунгусо-маньчжурской группы народов России, относятся к северным, ранее кочевым народам России. Среди характеристик этноса исследователями (Крысько, 2008; Леонтьев, 1998) часто упоминаются неприхотливость, выносливость и организованность. Можно связать эти характеристики с тяжелыми климатическими условиями жизни якутов. Несмотря на распространение на территории Якутии православия, якуты по-прежнему часто следуют традициям до-религиозных верований. Одновременно с православием широко распространен шаманизм.

Осетины олицетворяют собой самобытный этнос, результат смешения древних культур. Культура осетин вобрала в себя культуру коренного населения прикавказья и проживавших на этой территории древних племен скифов, сарматов, аланов. Основными традиционными занятиями осетин являются земледелие и скотоводство, в меньшей степени военное дело. Наиболее распространенной религией среди осетин является православие. Меньшая часть осетин — мусульмане-сунниты (Леонтьев, 1998). Траурные мероприятия проходят в соответствии с религиозными канонами.

Такие основные мировые религии, как христианство, ислам, иудаизм, буддизм, широко распространены на территории нашей страны. Большое количество их последователей придерживаются религиозных канонических норм, что особенно ярко проявляется в традициях, связанных с основными жизненными событиями, в числе которых смерть. Последователей основных мировых религий в большинстве случаев объединяет принадлежность к одним и тем же народам, этническим группам. Это подтверждает наше утверждение о культурно-специфических факторах регуляции поведения людей в ЧС.

Таким образом, внимание психологов, работающих с пострадавшими в условиях ЧС, не должно быть сосредоточено только на овладении специальными техниками работы, которые при определенных обстоятельствах могут не дать положительного эффекта. Оно должно простираться гораздо шире — на уровень культурно-специфических факторов регуляции поведения. Эти факторы требуют к себе уважения со стороны специалистов, так как

являются психологическим ресурсом людей, оказавшихся в трудных жизненных обстоятельствах. Учет этих факторов необходим для построения эффективных стратегий оказания психологической помощи в условиях ЧС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Грановская Р.М. Психология веры. СПб.: Речь, 2004.
- Гуревич К.Г., Тищенко П.Д., Фабрикант Е.Г., Юдин Б.Д. Этические проблемы оказания медицинской помощи в чрезвычайных ситуациях. М.: Изд-во Моск. гум. ун-та, 2007.
- Крысько В.Г. Этническая психология. М.: Академия, 2008.
- Леонтьев А.А. Культуры и языки народов России, стран СНГ и Балтии: Учеб.-справ. пособие. М: Флинта; МПСИ, 1998.
- Тюркские народы Сибири / Отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов. М.: Наука, 2006.
- Шойгу Ю.С., Павлова М.В. Культурно-специфические и культурно-неспецифические реакции пострадавших в чрезвычайных ситуациях // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2010. № 1. С. 300—306.
- Шойгу Ю.С., Пыжьянова Л.Г. Прогнозирование и управление социально-психологическими рисками во время чрезвычайной ситуации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2011. № 4. С. 76—83.
- Экстренная психологическая помощь / Под общ. ред. Ю.С. Шойгу. М.: Обьед. ред. МЧС России, 2012. (Настольная книга психолога МЧС России.)

Поступила в редакцию
17.10.14

ЮБИЛЕИ

К 70-ЛЕТИЮ ЕЛЕНА ТЕОДОРОВНЫ СОКОЛОВОЙ

17 апреля 2015 г. профессору кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского университета *Елене Теодоровне Соколовой* исполняется 70 лет.

Е.Т. Соколова окончила факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова в 1968 г. Работает на факультете психологии МГУ с 1971 г. Сначала была младшим научным сотрудником, затем (в 1976 г.) стала старшим преподавателем кафедры нейро- и патопсихологии, в 1982 г. — доцентом, а в 1993 г. — профессором той же кафедры.

Е.Т. Соколова ведет огромную педагогическую и методическую работу. Она является автором и преподавателем ряда основополагающих для клинической психологии и благодаря ей ставших классическими учебных курсов, включая «Проективные методы исследования личности», «Базовые теории и методы психотерапии», «Особенности самосознания при пограничных личностных расстройствах». При этом она постоянно разрабатывает новые оригинальные и во многом уникальные курсы. Только в течение последних нескольких лет ею разработаны и внедрены в преподавание такие курсы, как «Этика и деонтология в клинической психологии», «Расстройства самосознания и самоидентичности» и «Психотерапия». Елена Теодоровна — блестящий преподаватель не только теоретических дисциплин, но и важнейших практических курсов, включая спецпрактикумы и семинарские занятия по психотерапии для студентов, специализирующихся по клинической психологии. Она является автором 19 учебных курсов и нескольких учебных пособий с грифом УМО, в том числе выдержавших неоднократное переиздание. Все лекционные и практические курсы отличает высокий профессионализм, широкий кругозор, эрудиция. Елена Теодоровна — великолепный научный руководитель, под ее руководством защищено около 20 кандидатских диссертаций и более 110 дипломных работ.

Педагогическую работу Е.Т. Соколова успешно сочетает с научной. В течение многих лет ею ведется разработка научной программы «Закономерности формирования расстройств личности, методы их психологической коррекции и психотерапии». По инициативе Елены Теодоровны, при ее непосредственном участии и руководстве на

кафедре нейро- и патопсихологии утвердилось самостоятельное новое научное направление — теоретическое и эмпирическое изучение клинических, психосоциальных, индивидуально-типологических и возрастных факторов патогенеза и симптомообразования расстройств самосознания. Научные исследования Е.Т. Соколовой отличаются высоким профессионализмом и инновационностью, они неоднократно поддерживались отечественными и зарубежными научными фондами. На основе результатов исследований разработаны и внедрены в практику новые методы диагностики и психотерапии, а также ряд новых учебных курсов.

Е.Т. Соколова — автор около 200 научных и методических работ по клинической психологии, в том числе 12 книг, включая монографии «Мотивация и восприятие в норме и патологии», «Проективные методы исследования личности», «Самосознание и самооценка при аномалиях личности», «Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях», учебные пособия «Общая психотерапия», «Психология нарциссизма», «Психотерапия: теория и практика».

В настоящее время Елена Теодоровна Соколова руководит на факультете специализацией по психотерапии. Она входит в состав двух специализированных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций при факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова: Д 501.001.15 по специальностям: 19.00.04 — Медицинская психология (психологические науки) и 19.00.02 — Психофизиология (психологические науки) и Д 501.001.14 по специальности 19.00.01 — Общая психология, психология личности, история психологии. Е.Т. Соколова является членом редакционных советов ряда психологических журналов, имеет почетное звание «Заслуженного профессора Московского университета», правительственные награды — медали «Почетный работник высшего профессионального образования» и «В память 850-летия Москвы».

Елена Теодоровна Соколова — высококвалифицированный специалист, чуткий и отзывчивый человек, воспитавший не одно поколение учеников — прекрасных специалистов в области клинической психологии и психотерапии, многие из которых возглавляют сегодня целые направления психологической помощи и психотерапии в нашей стране. Она пользуется заслуженным уважением и любовью членов коллектива.

Поздравляя Елену Теодоровну с юбилеем, коллеги и ученики от всего сердца желают ей крепкого здоровья, активного долголетия, новых талантливых учеников и книг, творческих успехов и счастья.

К 70-ЛЕТИЮ БОРИСА СЕРГЕЕВИЧА БРАТУСЯ

19 апреля 2015 г. исполняется 70 лет члену-корреспонденту РАО, заслуженному профессору Московского университета, заведующему кафедрой общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, научному руководителю факультета психологии Православного института св. Иоанна Богослова **Борису Сергеевичу Братусю**.

Борис Сергеевич родился в семье известного отечественного ученого-юриста, профессора МГУ имени М.В. Ломоносова Сергея Никитича Братуса. С момента поступления в 1963 г. на отделение психологии философского факультета и по сегодняшний день вся жизнь Бориса Сергеевича связана с Московским университетом. По окончании МГУ он был оставлен при кафедре нейро- и патопсихологии в должности лаборанта, а затем стал аспирантом.

Досрочно окончив аспирантуру факультета психологии, он защитил в 1972 г. кандидатскую диссертацию «Психологический анализ одного из видов патологии личности». В эти годы Б.С. Братусь работал и преподавал под руководством таких выдающихся ученых, как Б.В. Зейгарник, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, и прошел через все ступени научно-преподавательской деятельности. В 1989 г. Б.С. Братусь защитил докторскую диссертацию «Аномалии развития личности (на материале нарушений психического здоровья)». С 1993 г. он профессор и член-корреспондент Российской академии образования, а с 2002 г. — заслуженный профессор МГУ.

В 2001 г. Б.С. Братусь был избран заведующим кафедрой общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, которую возглавляет вот уже пятнадцатый год.

Борис Сергеевич читал курсы лекций и проводил семинары по ключевым проблемам психологии во многих городах СНГ, Германии, Австрии, Польши, Прибалтики, стран Северной и Латинской Америки. В течение 1993—1998 гг. он был организатором и заведующим лабораторией философско-психологических основ развития человека Психологического института РАО, профессором (по совместительству) в ряде ведущих высших учебных заведений Москвы. В 1999—2004 гг. работал заместителем директора по науке Института психологии им. Л.С. Выготского при РГГУ. Борис Сергеевич — член различных научных советов и редколлежий. С 2011 г. он становится организатором и научным руководителем факультета психологии Православного института св. Иоанна Богослова.

В трудах, обобщающих опыт клинических исследований Б.С. Братуса, представлена целостная концепция психического здоровья, основанная на разработке представлений о структуре и функциях мотивационно-смысловой сферы, выделении специфических уровней и параметров психического и личностного здоровья. В рамках данной концепции проблема аномального развития впервые в отечественной психологии рассмотрена в тесной взаимосвязи философско-методологического, общепсихологического, патопсихологического и конкретно-прикладного планов.

Параллельно с исследованиями в области клинической психологии Б.С. Братусь разрабатывает общепсихологические проблемы, связанные главным образом с изучением смысловой сферы личности, функционированием смысловых образований, анализом структуры самооценки, динамики уровня притязаний, особенностей соотношения реальных и идеальных целей деятельности.

С середины 1970-х гг. все более важное место стали занимать также исследования психологических закономерностей нравственного развития личности, опыты построения философско-этических оснований психологического знания (аксиологическая психология), проблемы связи психологии и религии.

В работах Б.С. Братуса и его сотрудников получает обоснование новое для отечественной психологии направление, названное христиански ориентированным, или христианской психологией. Итогом является подготовленное под редакцией Б.С. Братуса первое в России учебное пособие для вузов по христианской психологии.

Б.С. Братусь — автор около 300 научных работ, в том числе 12 монографий по актуальным вопросам общей и прикладной психологии, ряда учебных пособий и многих статей, часть из которых переведена на иностранные языки. Под его редакцией ныне выходит семитомный университетский учебник по общей психологии — серия, не имеющая аналогов в отечественной психологической литературе. Ряд томов этой серии удостоен диплома Российского психологического общества «За лучший учебник».

Б.С. Братусь также является талантливым организатором науки. Под его руководством работали: междисциплинарная группа по смысловым образованиям (1978—1981), семинар по христианской психологии и антропологии (1990—1994), лаборатория философско-психологических основ развития человека (1993—1998), Челпановские чтения (1993—1997), специализация по христианской психологии (1992—1998), группа «Проблема человека в психологии» (2000—2004), лаборатория аксиологической психологии (с 2000), успешно функционируют Московский общепсихологический семинар и «Психологический семинарий имени Василия Зеньковского».

За многолетнюю творческую деятельность Борис Сергеевич неоднократно награждался грамотами и благодарностями ректора за плодотворную деятельность на благо Московского университета, удостоен звания заслуженного профессора МГУ.

Борис Сергеевич для всех, кто хорошо его знает, является образцом интеллигентности и порядочности, человеком высокой нравственной культуры, истинным воплощением образа профессора Московского университета.

Руководство факультета психологии, коллеги и студенты искренне поздравляют Бориса Сергеевича с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, духовной бодрости, активного долголетия, счастья.

К 70-ЛЕТИЮ ИГОРЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ВАСИЛЬЕВА

5 июня 2015 года исполняется 70 лет доктору психологических наук, профессору кафедры общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова *Игорю Александровичу Васильеву*.

Игорь Александрович Васильев в 1970 г. окончил с отличием факультет психологии МГУ. В 1976 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1998 г. — докторскую диссертацию на тему: «Мотивационно-эмоциональная регуляция мыслительной деятельности». В 2010 г. стал заслуженным профессором Московского Университета.

И.А. Васильев читает лекции по общей психологии, раздел «Мышление и речь». Он разработал и читает спецкурс «Психология мотивации и целеобразования». Начиная с 2014 г. участвует в разработке и чтении межфакультетского (для студентов разных факультетов МГУ) курса «Фундаментальная психология перед вызовами современности». Длительное время Игорь Александрович отвечал за подготовку к государственным экзаменам по кафедре общей психологии. Он вложил много усилий в организацию научно-учебной деятельности студентов Бакинского филиала факультета психологии МГУ.

Игорь Александрович Васильев обосновал и активно разрабатывает новое научное направление в рамках психологии мышления — мотивационно-эмоциональную регуляцию мыслительной деятельности. Данная работа представляет собой развитие основных положений смысловой теории мышления проф. О.К. Тихомирова — учителя И.А. Васильева.

В качестве поискового направления работы И.А. Васильев занимается теоретическим обоснованием и эмпирическим изучением проблематики стратегического мышления в объективно сложных областях реальности, разрабатывает проблемную область решения комплексных проблем. Для этого И.А. Васильев адаптировал методики, разработанные первоначально немецкими коллегами и способствующие развитию системного мышления. Применению этого методического аппарата обучаются студенты и аспиранты факультета психологии в рамках спецпрактикума, они применяют его и в рамках самостоятельных научных работ. Под руководством И.А. Васильева защищено множество курсовых и дипломных работ, а также три кандидатские диссертации.

Основные области научных интересов И.А. Васильева: исследование мотивационной и эмоциональной регуляции мышления; диагностика типа и уровня самоуправления человека в сложных ситуациях; создание и адаптация инструментов диагностики; применение компьютерных моделей для психологического эксперимента в области психологии мышления, мотивации и эмоциональной регуляции деятельности, в частности в области предпринимательства и менеджмента.

Среди научных публикаций И.А. Васильева две монографии: «Эмоции и мышление» (совместно с В.Л. Поплужным и О.К. Тихомировым), «Мотивация и контроль за действием» (совместно с М.Ш. Магомед-Эминовым). Ряд его публикаций присутствует и цитируется в системах Web of Science, Scopus и РИНЦ. Он перевел с немецкого языка книгу Д. Дернера «Логика неудачи. Стратегическое мышление в сложных ситуациях» (М.: Смысл, 1997). И.А. Васильев участвовал в сборнике «Энциклопедия эпистемологии и философии науки» (2009). Он сотрудничает с коллегами из РАН, систематически публикуется в издаваемых Институтом психологии РАН коллективных монографиях и сборниках. И.А. Васильев издал ряд учебных пособий для студенческого практикума и для курса «Мышление и речь»: «Психология мышления» (2011), «Психология мотивации и целеобразования» (2011), «Актуальные проблемы психологии мышления» (2011). Под его редакцией издано учебное пособие «Типы исследования в психологии. Общий практикум по психологии» (М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993).

В течение десятилетий Игорь Александрович Васильев активно сотрудничает с видными германскими психологами, в частности с Ю. Кулем и Д. Дернером. Он неоднократно выступал на европейских психологических конференциях и форумах, стажировался в Германии, будучи стипендиатом DAAD, DFG, CDAAD и Общества Макса Планка в университете г. Бамберга (1991), университете г. Бохума (1980—1981), университете г. Оснабрюка (1993 и 1994).

И.А. Васильев является членом Российского психологического общества. Он входит в диссертационный совет Д.501.001.14 при МГУ имени М.В. Ломоносова. Награжден медалью «В память 850-летия Москвы».

Игорь Александрович Васильев — человек академического склада: знающий, серьезный, ответственный энтузиаст науки и образования. При этом он скромный, всегда приветлив, добр и отзывчив, ценит дружбу и сам является хорошим товарищем.

От всей души поздравляя Игоря Александровича Васильева с юбилеем, желаем ему крепкого здоровья, творческих успехов и счастья!

Коллеги, друзья, ученики

К 60-ЛЕТИЮ ТАХИРА ЮСУПОВИЧА БАЗАРОВА

7 мая 2015 г. исполняется 60 лет *Тахиру Юсуповичу Базарову* — доктору психологических наук, профессору кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

Т.Ю. Базаров родился в Москве в семье офицера Советской Армии и медицинского работника. Школьные годы провел в г. Ургенче и г. Ташкенте Узбекской ССР. В 1972 г. поступил на психологическое отделение Ташкентского государственного университета. В 1975 г. перевелся на факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, который и окончил в 1977 г. Затем учился в аспирантуре кафедры социальной психологии, где под руководством профессора Г.М. Андреевой в 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Социально-психологическая ориентировка непосредственного руководителя трудового коллектива». Большое влияние на формирование его взглядов как ученого оказали профессор Г.М. Андреева, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперин, М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкий, П.Н. Шихирев, А.И. Донцов, Л.А. Петровская, В.Л. Глазычев.

С 1981 по 1990 г. Т.Ю. Базаров служил в структурах МВД СССР, занимаясь научно-исследовательской и педагогической деятельностью. В 1990 г. получил звание доцента. В этот период Тахир Юсупович активно участвовал в методической разработке различных программ видеотренинга и деловых игр. Благодаря практико-ориентированной консультационной деятельности и освоению методологии тренинга и деловой игры возникли все предпосылки для разработки первых программ ассессмент-центра.

В начале 1990-х Т.Ю. Базаров работал в Роскадрах при Правительстве РФ, являясь начальником отдела кадровых программ. Под его руководством и при непосредственном участии была создана методика для оценки государственных служащих, которая впервые была применена при аттестации представителей Президента РФ (Б.Н. Ельцин). В соответствии с постановлением Правительства РФ участвовал в разработке программы подготовки и оценки антикризисных управляющих. Тахир Юсупович создал сеть оценочных центров в 32 субъектах Российской Федерации, разработал и применил систему аккредитации специалистов по оценке антикризисных управляющих. В 1993 г. он руководил консультационным проектом по разрешению кризиса на шахте «Воргашорская», за что удостоился почетного знака «Шахтерская слава» 3-й степени. В 1996

г. создал кафедру управления персоналом Института повышения квалификации Государственной службы РАГС при Президенте РФ, которая успешно реализовала проекты повышения квалификации и профессиональной переподготовки в области управления персоналом и одной из первых в стране стала осуществлять дистанционное обучение в сфере управления человеческими ресурсами. Руководил кафедрой Тахир Юсупович до 2006 г.

В 1994 г. Т.Ю. Базаров вернулся на факультет психологии МГУ в качестве доцента кафедры социальной психологии. В 1999 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Социально-психологические методы и технологии управления персоналом организации». В работе были предложены и апробированы социально-психологические методы и технологии управления персоналом; обоснована социально-перцептивная модель организации как развивающейся системы; разработана ситуационно-системная концепция кадрового консультирования, реализующегося посредством экспертных и процессуальных технологий: ассесмент-центр, конкурс, кадровая психодиагностика, внутрифирменное обучение; выявлена специфика методов и технологий работы с персоналом организаций, находящихся на разных стадиях развития и в кризисной ситуации.

В 2000 г. Т.Ю. Базаров стал профессором кафедры социальной психологии и заместителем декана факультета психологии МГУ. С 2002 г., на протяжении десяти лет входит в состав Ученого совета МГУ.

Важная часть университетской жизни Т.Ю. Базарова последних 10 лет связана с филиалом МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Ташкенте. С момента его открытия 12 декабря 2006 г. и по сегодняшний день Тахир Юсупович является заместителем руководителя филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкенте, ответственным за факультет психологии. С 2007 г. он является также научным руководителем Института практической психологии НИУ «Высшая школа экономики».

Постоянной включенности в современные исследования отечественной психологической науки способствует то, что Тахир Юсупович является членом Диссертационных советов факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Института психологии РАН, факультета психологии НИУ «Высшая школа экономики». Он также является членом редколлегии журналов: «Вестник Московского университета. Серия 14. Психология», «Психология. Журнал Высшей школы экономики», «Организационная психология: электронный журнал», «Российский психологический журнал».

Важную сторону деятельности Т.Ю. Базарова составляет активная общественная работа. Он был, как написано на сайте Российского психологического общества (РПО), в «инициативной

группе психологов, восстанавливал Общество в рамках Российской Федерации». С 1994 по 2012 г. он — исполнительный директор РПО, в 2003—2007 гг. — первый вице-президент РПО. С 2007 г. по настоящее время — член Президиума. С 2012 г. — председатель Экспертного совета РПО.

Научное кредо Т.Ю. Базарова — организационно-культурный подход к исследованию и консультированию организаций. Он исходит из убеждения, что в основе организационных феноменов лежит форма организации совместной деятельности, которая обуславливает культурные проявления в жизни людей и групп — нормы, правила, стандарты и ценности. В свою очередь культура организации является непосредственным объектом управленческого и консультационного воздействия. В последние годы Т.Ю. Базаров развивает идею и технологический инструментарий Центров развития, в которых определяется содержательное наполнение последующих учебных модулей развивающего обучения управленческих команд.

На факультете психологии МГУ Т.Ю. Базаров читает курс «Психология менеджмента», спецкурсы «Социальная психология управления», «Психология управления персоналом», «Психология переговоров», ведет учебную программу профессиональной переподготовки «Управление персоналом», а также спецпрактикумы «Технология центров оценки персонала» и «Ролевой репертуар психолога-переговорщика». Студенты с огромным интересом посещают занятия Тахира Юсуповича, поскольку в них гармонично сочетается теория (модели, классические и современные исследования, проведенные в психологии и смежных науках) и практика (тренинги, примеры из собственного опыта, создание проектов). Под научным руководством Т.Ю. Базарова подготовлены и защищены 41 дипломная работа, 11 кандидатских и 2 докторские диссертации.

Тахир Юсупович ведет большую учебно-методическую работу. Им опубликовано более 100 работ. Среди них: учебные пособия «Технология центров оценки для государственных служащих. Проблемы конкурсного отбора» (1995), «Управление персоналом развивающейся организации» (1996), «Социально-психологические методы и технологии управления персоналом организации» (2000), «Управление персоналом» — учебник для студентов учреждений среднего профессионального образования, выдержавший 12 переизданий (2002—2014), «Психологические грани изменяющейся организации» (2007), «Управление персоналом. Практикум» (2009), «Технология центров оценки персонала: процессы и результаты» (2011), «Психология управления персоналом. Теория и практика» (2014). В соавторстве им опубликованы учебные и учебно-методические

пособия «Методы эффективного обучения взрослых» (1998, 2001), «Психологическая диагностика в управлении персоналом» (1999), «Психологические аспекты управления персоналом в системе государственной службы» (2002). Под его руководством подготовлен и издан учебник для студентов вузов страны «Управление персоналом» (1998, 2001). Под его научной редакцией издано учебное пособие для вузов «Управление человеческими ресурсами» (2003) и учебник для вузов «Введение в социальную психологию. Европейский подход (М. Хьюстон, В. Штрёбе)» (2004).

Т.Ю. Базаров награжден медалью «В память 850-летия Москвы». В 2004 г. стал победителем конкурса «Золотая психея» в номинации «Личность года в психологической практике».

Тахир Юсупович Базаров — яркий представитель практической психологии, харизматичный человек, сбалансированно сочетающий в себе лучшие качества исследователя, практика и педагога. Основной ценностью Тахира Юсуповича является открытие молодых талантов, помощь студентам и аспирантам в реализации их профессионального и личностного потенциала. Для коллег он чуткий и отзывчивый товарищ, талантливый организатор, всегда занимающийся чем-то инновационным и включенный в большую сеть контактов, позволяющую реализовывать как научные, общественные, так и бизнес-проекты.

Друзья, коллеги и ученики от всей души поздравляют Тахира Юсуповича с круглой датой и желают ему больших успехов в принятии новых решений, открытии новых возможностей и источников личностного и профессионального развития.